HYPOTHEKAI

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ
АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

АКВИЛОН
AQUILO PRESS

Hypothekai

JOURNAL ON THE HISTORY OF
ANCIENT PEDAGOGICAL CULTURE

●

ISSUE 4

EDUCATION OF A WARRIOR
IN GREECE AND ROME

2020

Hypothekai

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

●

ВЫПУСК 4

ВОСПИТАНИЕ ВОИНА
В ГРЕЦИИ И РИМЕ

2020

ISSN 2587–7127

Hypothekai

JOURNAL ON THE HISTORY
OF ANCIENT PEDAGOGICAL CULTURE

ISSUE 4 (2020)

EDITOR IN CHIEF

Victoria K. PICHUGINA, Dr.Sc. (Education) (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Andrej Yu. MOZHAJSKY, Cand.Sc. (History) (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Lyudmila N. AKSENOVSKAYA, Dr.Sc. (Psychology), (Saratov, Russia); Nina A. ALMAZOVA, Cand.Sc. (Art History), (Saint Petersburg, Russia); Anna S. AFONASINA, Cand.Sc. (Philosophy), (Novosibirsk, Russia); Alexander G. BERMUS, Dr.Sc. (Education), (Rostov-on-Don, Russia); Adam FIJALKOWSKI, PhD, (Warsaw, Poland); Emiliano METTINI, (Moscow, Russia); Maya S. PETROVA, Dr.Sc. (History), (Moscow, Russia); Brett M. ROGERS, PhD, (Tacoma, USA), Valeriy N. VDOVIN, Cand.Sc. (Politics), (Almaty, Kazakhstan); Michail A. VEDESHKIN, Cand.Sc. (History), (Moscow, Russia), Yana A. VOLKOVA, Dr.Sc. (Philology), (Moscow, Russia); Maria A. POLYAKOVA, Cand.Sc. (Education), (Moscow, Russia); Alexander A. SANZHENAKOV, Cand.Sc. (Philosophy), (Novosibirsk, Russia); Anna S. STEPANOVA Dr.Sc. (Philosophy), (Saint Petersburg, Russia).

Issue editor: Andrej Yu. MOZHAJSKY
Executive Secretary of the Issue: Marina K. VETOSHKINA

Published from 2017

The journal registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) (registration certificate No. 77–71738 of November 30, 2017)

Frequency: 1 time per year

Founder: Victoria K. PICHUGINA

All materials are peer reviewed

Editorial address: Zhukovsky St. 16, Moscow, 105062, Russia

Tel.: + 7 9177257626
e-mail: Pichugina_V@mail.ru
website: www.hypothekai.ru

Indexed by Directory of Research Journals Indexing (from 2017), **CyberLeninka** (from 2018), **Crossref** (from 2018), **Scilit** (from 2018), **Russian Index of Scientific Quoatation** (from 2018), **Directory of Open Access Journals** (from 2019), **AWOL** (from 2019), **Miar** (from 2019 г.), **ERIHPLUS** (from 2019)

ISSN 2587–7127

Hypothekai

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ
АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 4 (2020)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

д.п.н., проф. РАО В.К. Пичугина (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

к.и.н. А.Ю. Можайский (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д.псих.наук, проф. Л.Н. Аксеновская (Саратов, Россия); канд. искусствоведения, доц. Н.А. Алмазова (Санкт-Петербург, Россия); к.филос.наук А.С. Афонасина (Новосибирск, Россия); д.п.н., проф. А.Г. Бермус (Ростов-на-Дону, Россия); к.политич.н. В.Н. Вдовин (Алматы, Казахстан); к.и.н., доц. М.А. Ведешкин (Москва, Россия); д.филол.н., доц. Я.А. Волкова (Москва, Россия); Эмилиано Меттини (Москва, Россия); д.и.н., доц. М.С. Петрова (Москва, Россия); к.п.н. М.А. Полякова (Москва, Россия); PhD, Associate Professor Брэтт М. Роджерс, (Такома, США); к.филос.н. А.А. Санженаков (Новосибирск, Россия); д.филос.наук, доц. А.С. Степанова (Санкт-Петербург, Россия); PhD, Professor Адам ФИЯЛКОВСКИЙ (Варшава, Польша).

Редактор выпуска: А.Ю. Можайский
Ответственный секретарь выпуска: М.К. Ветошкина

Выходит с 2017 года

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) (свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77–71738 от 30 ноября 2017 г.)

Периодичность: 1 раз в год

Публикуемые материалы рецензируются

Учредитель: В.К. Пичугина

Адрес редакции: Россия, 125062, Москва, ул. Жуковского 16

Тел. + 7 9177257626
e-mail: Pichugina_V@mail.ru
сайт: www.hypothekai.ru

Издание индексируется в Directory of Research Journals Indexing (с 2017 г.), **КиберЛенинке** (с 2018 г.), **Crossref** (с 2018 г.), **Scilit** (с 2018 г.), **РИНЦ** (с 2018 г.), **Directory of Open Access Journals** (с 2019 г.), **AWOL — The Ancient World Online** (с 2019 г.), **Miar** (с 2019 г.), **ERIHPLUS** (с 2019 г.)

УДК 37.01
ББК 74/03 (2)
Н 99

HYPOTHEKAI. ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ / В.К. Пичугина (Ред.) — М.: Аквилон, 2020. Вып. 4. Воспитание воина в Греции и Риме— 236 с.

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ ВЫПУСКА

З.А. Барзах, А.А. Клейменов, С. Ксенофонтос, С. Мюррей
А.Ю. Можайский, В.К. Пичугина, А.С. Степанова
Р.В. Светлов, В.М. Тюленев

HYPOTHEKAI. JOURNAL ON THE HISTORY OF ANCIENT PEDAGOGICAL CULTURE / Victoria K. Pichugina (Ed.) — Moscow: Aquilo Press, 2020. Issue 4. Education of a warrior in Greece and Rome — 236 p.

TEAM OF CONTRIBUTORS

Zoia A. Barzakh, Alexander A. Kleymeonov, Andrej Yu. Mozhajsky
Steven Ross Murray, Victoria K. Pichugina, Anna S. Stepanova
Roman V. Svetlov, Vladimir M. Tyulenev
Sophia Xenophontos

ISSN 2587–7127

АКВИЛОН

AQUILO PRESS

© В.К. Пичугина, ред., 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Издательство «Аквилон», 2020

© Victoria K. Pichugina, ed., 2020
© Contributors, 2020
© Aquilo Press, 2020

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

All rights reserved
No part of the published material may be reproduced in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying and recording, or by any information storage and retrieval system, without permission in writing from the Publisher

ОГЛАВЛЕНИЕ

D M et memoriae
Виталий Григорьевич Безрогов (16 сентября 1959 – 14 ноября 2019) 11

Воспитание воина в Греции и Риме (*Предисловие редактора*)…… 19
Education of a warrior in Greece and Rome (*Preface*)…….. 20
Erziehung eines Kriegers in Griechenland und Rom
(*Vorwort der Chefredakteurin*)……... 21
L'educazione di un guerriero in Grecia e a Roma
(*Intoduzione del Redattore*)…….. 23

ТРАДИЦИИ ОБУЧЕНИЯ И ВОСПИТАНИЯ ВОИНА В ГРЕЦИИ И РИМЕ

Тиртей, царь ассирийский:
«Киропедия» Ксенофонта и воспитание воина в Спарте
(*З.А. Барзах*)..…… 25

Тренировка мужества — версия Никия
(*Р.В. Светлов*)..... 41

Военное воспитание в остготской Италии (рубеж V–VI веков)
(*В.М. Тюленев*)..... 57

ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ ВОЕННОМУ ДЕЛУ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

"Won by the Spear":
the Importance of the *Dory* to the Ancient Greek Warrior
(Steven Ross Murray)..... 74

«Как закалялась сталь»:
система обучения македонских фалангитов
в эпоху Филиппа II и Александра Великого
(*А.А. Клейменов*)……..…… 89

АНТИЧНОЕ ВОСПИТАНИЕ ВОИНА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ АРХЕОЛОГИИ, ФИЛОЛОГИИ И ИСТОРИИ ПЕДАГОГИКИ

The shield as pedagogical tool in Aeschylus' *Seven Against Thebes* (*Victoria K. Pichugina*)..... 121

The myth of *the War of the Seven* and Pausanias' educational topography (*Andrej Yu. Mozhajsky*)……..... 171

ПЕРЕВОДЫ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

София Ксенофонтос. Военное пространство и пайдейя в жизнеописаниях Пирра и Мария (*Перевод с английского А.Ю. Можайского*)….....…..... 207

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия на монографию «Марк Туллий Цицерон и современное ему образование: краснеет ли бумага у гуманитария?» (*А.С. Степанова*)..... 224

Об авторах / Contributors……...……. 228

CONTENTS

D M et memoriae
Vitaliy BEZROGOV (September 16, 1959 – November 14, 2019)..... 11

Воспитание воина в Греции и Риме (*Предисловие редактора*)…… 19
Education of a warrior in Greece and Rome (*Preface*)…….. 20
Erziehung eines Kriegers in Griechenland und Rom
(*Vorwort der Chefredakteurin*)……... 21
L'educazione di un guerriero in Grecia e a Roma
(*Intoduzione del Redattore*)…….. 23

TRADITIONS OF EDUCATING AND UPBRINGING OF A WARRIOR IN GREECE AND ROME

Tyrtaeus, the king of Assyria:
Xenophon's "Cyropaedia" and education of warriors in Sparta
(*Zoia A. BARZAKH*)..... 25

Training for courage — the version of Nicias
(*Roman V. SVETLOV*)..... 41

Military education in ostrogothian Italy
(at the turn of 5th – 6th centuries)
(*Vladimir M. TYULENEV*)..... 57

COMBAT TRAINING IN ANCIENT GREECE

"Won by the Spear":
the importance of the *Dory* to the Ancient Greek warrior
(*Steven Ross MURRAY*)..... 74

"How the steel was tempered":
the system of training the Macedonian phalangites
in the epoch of Philip II and Alexander the Great
(*Alexander A. KLEYMEONOV*) ……..…… 89

UPBRINGING OF A WARRIOR FROM THE PERSPECTIVE OF ARCHAEOLOGY, PHILOLOGY AND HISTORY OF PEDAGOGY

The shield as pedagogical tool in Aeschylus' *Seven Against Thebes* (*Victoria K. PICHUGINA*)..... 121

The myth of *the War of the Seven* and Pausanias' educational topography (*Andrej Yu. MOZHAJSKY*)……. 171

TRANSLATIONS OF CONTEMPORARY RESEARCH PAPERS

Xenophontos S. Military space and *paideia* in the *Lives of Pyrrhus and Marius* (*Trans. from English into Russian by Andrej Yu. MOZHAJSKY*)……..... 207

REVIEWS

Book review "Marcus Tullius Cicero and his contemporary education: does a scholar's paper blush?" (*Anna S. STEPANOVA*)..... 224

CONTRIBUTORS…… 228

D M et memoriae

ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЗРОГОВ

(16 СЕНТЯБРЯ 1959 - 14 НОЯБРЯ 2019)

Виталий Григорьевич Безрогов (1959-2019) для меня и многих членов редколлегии журнала «Hypothekai» не только коллега, но и друг. Каждый, кто был с ним знаком, легко назовет много качеств, которыми он запомнился: порядочностью, добротой, внимательностью, открытостью, умением выслушать и найти нужные слова поддержки… Меня удивляло в нем отсутствие негативных эмоций (как в целом, так и по отношению к какому-то конкретному вопросу). За годы нашего знакомства я не слышала, чтобы он на кого-то повышал голос, злился, обижался. Когда я часто в пылу страстей что-то рассказывала ему в стиле «*так* не надо, а *так* сделали», он лишь спокойно слушал. Я хотела получить в ответ какую-то эмоцию, снова повторяя, что «как же *так*!» и «*так* же нельзя!». А он снова спокойно слушал, заражая своим спокойствием. И проблема как-то меркла, я все еще говорила что-то вроде «как же можно *так*», но

уже сама понимала, что все это неважно. Наш общий друг и коллега Branko Šuštar написал мне, что Виталий Григорьевич был человеком «*really without horns*». Эта удивительная фраза, которая так точно отражает особенности характера Виталия Григорьевича. Он не подавлял в себе негативные эмоции, он их просто не генерировал. Не имел такой природной способности. Вероятно именно поэтому, научный магнетизм, который шел от него, имел такую силу. Он не растрачивал себя на мелочи, ставил большие научные цели, двигался к ним и учил других делать то же самое.

Помню, как несколько лет назад мы обсуждали идею создания «Hypothekai» и спорили о том, быть ли ему журналом или ежегодным сборником статей. Когда в 2018 г. журнал стал журналом (первый выпуск «Hypothekai» вышел в 2017 году как сборник статей) Виталий Григорьевич сразу же вошел в состав редколлегии. Редактором следующего номера журнала 2021 года должен был быть Виталий Григорьевич. Он заявил тему «Учебные тексты в Античности», начал приглашать авторов к участию, написал анонс для сайта журнала… Мы сохраним предложенную им тему и вместе с коллективом авторов создадим этот номер, посвятив его памяти Виталия Григорьевича.

Ниже я привожу лишь некоторые из писем, которые получала, когда известие о кончине Виталия Григорьевича стало известно научному сообществу.

В.К. Пичугина

17 ноября 2019 года

Трудно, а вернее невозможно, передать чувства, вызванные известием о том, что В.Г. Безрогова больше нет. Они подступили откуда-то из подсознания, как-то все сразу, такие нереальные, невесомые, но пугающие своей тяжелой неотвратимостью и безжалостным дыханием смерти. Мы, верящие в жизнь, любящие ее и радующиеся ей, строящие планы на будущее, в один миг осознали, что оно, это будущее, может взять и исчезнуть… Растерянность, боль, надежда на ошибочность известия, желание позвонить друзьям, рассказать об имевшихся совместных планах, попытки масштабно оценить сделанное другом, которого вдруг не стало, представить, кем же был в этой жизни для тебя, ушедший уже в мир иной товарищ.

Здесь же и чувство вины: что-то не досказал, был скромен в похвале, мало беседовал по душам и восхищался достоинствами, где-то и иронизировал, недостаточно читал и цитировал труды, не говорил ему, ведь ты, Виталий, — лучший… А он мне часто говорил: «Спасибо тебе огромное! Великое дело делаешь журналом!!», «Спасибо большое! Ты просто молодец!», «Огромное спасибо за такой классный номер!», «Номер журнала просто супер!», «Огромное спасибо — жив твой журнал, жива и наука!», «Огромное спасибо за твою книгу — очень внушительное издание, ты просто супер какой молодец!» и многое другое.

В подготовленном к 15-летней годовщине номере журнала «Психолого-педагогический поиск» в моей статье о его авторах, среди первых стоит имя В.Г. Безрогова, бывшего не только для меня «ученым мирового уровня, радетелем и подвижником историко-педагогической науки, авторитетнейшим российским научным работником». «Он автор известных монографий по истории религиозного и неинституализированного образования, учебных пособий, антологий и хрестоматий, редактор многих научных сборников и коллективных монографий... Он также является членом различных научных советов и научно-общественных организаций, среди которых Международное общество исторических и систематических исследований учебников, Греческого общества историков педагогики, экспертного совета по истории педагогики Международной научно-педагогической ассоциации и др. В настоящее время руководит группой по созданию Антологии зарубежного педагогического наследия. На днях должен вернуться из Голландии. Меня в этой стране завораживало созерцание печатных книг XVI-XVII веков, а он поехал читать их, чтобы понять скрытые смыслы и заключенные в них секреты. А в этом и есть таинство научного исследования, многие ли способны на это?! Он написал мне, что в Лейдене “хранится один из немногих первых рукописных переводов на русский Orbis sensualium pictus. Сижу тут, его изучаю потихоньку. Дается с трудом и вряд ли успею за отведенное время, но посмотреть этот вариант важно”»[1].

[1] *Романов А.А.* Интегральный результат профессионального братства ученых // Психолого-педагогический поиск. 2019. № 4 (52). С. 21.

В юбилейном и предпраздничном номере нашего журнала Виталий Безрогов останется живым, он и в памяти нашей будет всегда вместе с нами, нашим советчиком и добрым другом, мы напишем о нем, его имя будет в скрижалях историко-педагогической науки, повествующих о своих выдающихся подвижниках.

А.А. Романов, д.п.н., профессор,
заведующий кафедрой педагогики и педагогического
образования Рязанского государственного университета
имени С.А. Есенина

22 ноября 2019 г.

Dear colleague,

I'm one of international collaborator of Vitaly. My condolences to Vitaly's family and all Institute members. Vitaly visited Slovenia 2012 as presenter at conference on childhood. He spoke there about the Ideal Childhood on the Front Cover of Russian Reading Primer 1980s - 2000s; https://www.youtube.com/watch?v=XEocdVgg-Ls; http://indiespeedrun.com/videos/history-otro%C5%A1tva-part-26-/-vitaly-bezrogov and participated at a roundtable — http://sistory.si/SISTORY:ID:15357

Vitaly also lectured in 2012 on childhood at the Russian Cultural Center in Ljubljana and continued the conversation with Radio Slovenia (Val 202 — Evropa osebno / Europe in person, "Dr. Vitaly Bezrogov: an 8-year-old does not think about his past" https://val202.rtvslo.si/2012/10/evropa-osebno-dr-vitalij-bezrogov-ruski-pedagog/ End 2016 he participated with photos and text to the Russian part of International exhibition Paths of education in the Slavic world, organised by Historical Association of Slovenia. https://zzds.si/post-2017-01-05.html; http://www.ssolski-muzej.si/slo/news.php?item=365; Vitaly remains in my memory as an interesting researcher of the pedagogical past and a kind man willing to cooperate.

Dr. Branko Šuštar,
museum councillor at Slovenian School Museum /
Slovenski šolski muzej & Historical Assocation of Slovenia,
Ljubljana, Slovenia

22 ноября 2019 г.

Dear Victoria,

My friends and me were shocked about the Death of Vitaly in Leiden.

In sadness:

Manfred HEINEMANN,
Hanover, Germany

22 ноября 2019 г.

Dear Victoria,

this is very sad news! Only four months ago, we saw each other in Porto. How could we think that we saw each other for the last time! Professor Bezrogov probably did not even know that ill, so he died suddenly, in Leiden. Unfortunately, that's life! Prof. Bezrogov will always remain in my memory!

Adam FIJAŁKOWSKI, *PhD, professor,*
head of the department of humanitarian foundations of pedagogy
at the University of Warsaw, head of the Laboratory for the History
of Education and Education of the University of Warsaw

25 ноября 2019 г.

Людям, далеким от исследования проблем истории педагогики и образования сложно объяснить, какую роль — профессиональную и человеческую — в небольшом профессиональном сообществе российских историков играл В.Г. Безрогов.

Уникальность Виталий Григорьевича состояла именно в том, что он соединил в себе талант выдающегося ученого, позволивший ему разработать новые направления исследований в целом ряде областей истории педагогики, и редкостный дар эмпатии и эмоциональной сопричастности. Тщательность и скрупулезность исследователя поразительно гармонично сочетались с отзывчивостью и деликатностью коллеги, готового всегда помочь не только советом, но самому активно участвовать во многих инициативах научно-профессионального сообщества.

Сотни статей, десятки монографий, хрестоматий и антологий, множество отзывов на диссертации и рецензий, участие в междуна-

родных исследовательских проектах и редакционных советах зарубежных и отечественных журналов, экспертная работа в ряде научных фондов — в этой огромной по своей трудоемкости системе научных, образовательных и общественных активностей, Виталий Григорьевич оставался добрым и чутким человеком, рядом с которым было комфортно его коллегам и друзьям.

Он был великим ученым и замечательным человеком.

Искреннее уважение и вечная память!

А.В. Уткин, д.п.н., главный редактор
«Историко-педагогического журнала»

10 декабря 2019 г.

Прежде всего мне хотелось бы выразить свою скорбь (никакое другое слово не подходит) по поводу безвременного ухода Виталия Григорьевича. Я много лет была с ним знакома, мы работали вместе, он был у нас дома в Питере. В последние несколько лет нас объединил общий интерес к Коменскому, и это ещё раз открыло мне удивительные стороны его личности, редкие качества — человеческие и профессиональные. «Не говори с тоской: “Их нет”, но с благодарностью: “Были”», — это о нем.

Светлана Марковна Марчукова,
г. Санкт-Петербург

24 декабря 2019 г.

Дорогие коллеги! Исполняется 40 дней, как с нами нет Виталия Григорьевича Безрогова. Трудно и тяжело в это верится… И прежде всего потому, что на самом деле он был лучший. Сейчас это воспринимается особенно остро. Прежде всего потому, что Виталий обладал самым главным личностным качеством – профессиональной честностью. Качеством, которое, к сожалению, стало весьма уникальным для новейшего времени. Самодостаточность Ученого виделась, пожалуй, во всем. Научная глубина исследователя проявилась в точности и аргументированности фактологического исто-

рико-педагогического материала. Тонкость, тактичность и глубокая порядочность в межличностных отношениях повышали градус восхищения и благодарности в общении с ним.

Мы познакомились довольно давно, в 1992 году, когда я как зав. лабораторией истории образования и этнопедагогики НИИ образования РБ впервые приехала в Институт теории и истории педагогики. Однако наиболее близко профессионально стали общаться в последнее время в силу проявленного интереса Виталия Григорьевича к моей статье о белорусских учебниках, опубликованной в «Историко-педагогическом журнале». Это была, как мне кажется, его любимая проблематика. Тогда от него и последовало приглашение участвовать в подготовке книги об эмигрантских учебниках различных волн XIX – первой половины XX вв. Однако, в силу занятости в другом проекте участия принять не смогла, о чем искренне сожалею. И это послужило для меня определенным уроком. Ведь только ощущение присутствия такого славного Человека наполняло меня каким-то особенным прозрачным светом и удивительной чистотой… И желанием трудиться на ниве замечательной Науки — Истории педагогики. Добрая и светлая память прекрасному Человеку и глубокому Ученому Виталию Григорьевичу Безрогову.

С глубоким уважением,
Светлана Снапковская,
доктор педагогических наук, доктор исторических наук,
профессор, Белгосуниверситет, г. Минск, Белоруссия.

ВОСПИТАНИЕ ВОИНА В ГРЕЦИИ И РИМЕ

(ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА)

Этот выпуск журнала продолжает серию ежегодных тематически подобранных материалов по истории античной педагогической культуры. Как и предыдущий, он объединяет научные статьи и переводы зарубежных научных работ по теме. Такая структура позволяет представить читателю широкий спектр мнений, принадлежащих представителям различных научных школ и направлений, а также инициировать междисциплинарное поле для научных дискуссий.

Тема выпуска — «Воспитание воина в Греции и Риме». Воинская доблесть и воинские умения рассматривались в культуре Греции и Рима как определяющие факторы того, что означало быть гражданином и в целом – греком или римлянином. Воинская символика и напоминания о войне находились повсюду: на монументах и гробницах, в скульптурном декоре храмов и даже в обеденных комнатах частных домов, где наступательное и оборонительное вооружение висело на стенах, а изящная посуда декорировалась военными сценами. Военная тема звучала в театре и на народном собрании, в советах и судах, на рынках и похоронах. Античное образование всегда шло рука об руку не только с физическим воспитанием, но и с «литературным образованием», которое предполагало изучение Гомера и других поэтов, воспевающих воинскую доблесть. Латинское virtus, как и древнегреческое ἀρετή, являлось тем, что характеризовало мужчину и предполагало служение государству в гражданском и военном отношении. Четвертый выпуск будет посвящен педагогическому измерению военных конфликтов, темам войны и мира в трагедиях и комедиях драматургов-наставников (Эсхила, Софокла, Еврипида,

HYPOTHEKAI
2020. Вып. 4. С. 19-24
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2020. Issue 3. P. 19-24

Аристофана, Теренция и др.), а также особенностям воспитания военного лидера и эфеба, которое нашло отражение в искусстве, материальной культуре и текстах разных жанров (диалогах Платона и Ксенофонта, речах и письмах Цицерона, сочинениях Геродота и Фукидида, текстах Варрона, Онесандра, Иосифа Флавия, Вегеция и др.).

По вопросам предоставления материалов и уточнения тем последующих выпусков, а также для высказывания замечаний, пожеланий и комментариев просим обращаться к главному редактору по следующему электронному адресу: Pichugina_V@mail.ru — Пичугина Виктория Константиновна. Я очень благодарна заместителю главного редактора А.Ю. Можайскому, который согласился стать выпускающим редактором этого выпуска.

В.К. ПИЧУГИНА

EDUCATION OF A WARRIOR IN GREECE AND ROME

(PREFACE)

This issue of the journal continues a series of annual thematically selected materials on the history of ancient pedagogical culture. Like the previous one, this issue combines scientific articles and translations of foreign scientific works on the topic. This will provide the reader with a wide range of opinions belonging to representatives of various research schools and areas, as well as initiate an interdisciplinary field for scientific discussions.

The theme of the issue is “Education of a warrior in Greece and Rome”. In the Greek and Roman cultures, military prowess and military skills were viewed as decisive factors of what it meant to be a citizen and, in general, a Greek or a Roman. Military memorabilia and trophies were everywhere: on monuments and tombs, in the sculptural decoration of temples and even in the dining halls of private houses, where offensive and defensive weapons hung on the walls, and elegant dishes

were decorated with military scenes. The military theme was present in the theater and at the popular assembly (the ekklesia), in councils and courts, in markets and at funerals. Antique education always went hand in hand not only with physical education, but also with "literary education," which implied the study of Homer and other poets who praised military prowess. It was the Latin word "virtus" that, along with the ancient Greek word "ἀρετή", characterized a man and suggested civil and military service to the state. The fourth issue will be devoted to the pedagogical dimension of military conflicts, the themes of war and peace in the tragedies and comedies by mentors-playwrights (Aeschylus, Sophocles, Euripides, Aristophanes, Terence, etc.), as well as the specifics of the military leader and ephebe education, which is reflected in the material culture and a wide range of texts (Plato and Xenophon's dialogues, Cicero's speeches and letters, Herodotus and Thucydides' writings, the texts by Varro, Onesandrus, Josephus, Vegetius, etc.).
To submit materials and check the theme of the next issues, as well as to make remarks, suggestions and comments, please contact the Editor-in-Chief at the following e-mail address: Pichugina_V@mail.ru — Victoria Pichugina. I express gratitude to the Deputy Editor-in-Chief A.Yu. Mozhajsky, who agreed to become the Issue Editor.

V.K. PICHUGINA

ERZIEHUNG EINES KRIEGERS IN GRIECHENLAND UND ROM

(VORWORT DER *CHEFREDAKTEURIN*)

In dieser Lieferung der Zeitschrift wird die Reihenfolge jährlicher thematischer Materialien zur Geschichte der alten pädagogischen Kultur fortgesetzt. Wie auch die vorhergehende Lieferung enthält sie originale Forschungen und Übersetzungen fremdsprachiger wissenschaftlicher Schriften. Diese Struktur ermöglicht dem Leser eine breite Palette an Meinungen von Vertretern verschiedener wissenschaftlicher Schulen und Richtungen sowie ein interdisziplinäres Feld für wissenschaftliche Diskussionen zu schaffen.

Das Thema der Lieferung heißt *Erziehung eines Kriegers in Griechenland und Rom*. Tapferkeit und kriegerische Fähigkeiten eines Mannes wurden in der Kultur Griechenlands und Roms für ausschlaggebend bei seiner Anerkennung als eines vollberechtigten Griechen oder Römers gehalten. Kriegersymbolik und zahlreiche Hinweise auf den Krieg waren überall zu finden: an Denkmälern und Grabsteinen, in den Plastiken der Tempel, sowie in den Speisesälen der Privathäuser, wo Offensiv- und Verteidigungswaffen an den Wänden hingen und prachtvolle mit Kriegsbildern geschmückte Gefäße standen. Das Thema des Krieges wurde im Theater und in der Volksversammlung, in den Räten und Gerichtssitzungen, auf dem Markt und bei der Beerdigung behandelt. Die antike Erziehung ging nicht nur mit der Leibeserziehung einher, sondern auch mit der „Erziehung auf dem Gebiet der Literatur", was das Erlernen von Homer und anderen Dichtern, die die Tapferkeit der Krieger priesen, voraussetzte. Der lateinische *virtus* wie der altgriechische *ἀρετή* war es, was einen Mann ausmachte und dessen Staatsdienst im zivilen und militärischen Bereich voraussetzte. Die vierte Lieferung gilt der pädagogischen Dimension des Krieges, dem Thema Krieg und Frieden in den erzieherischen Schauspielen von solchen Autoren wie Aischylos, Sophokles, Euripides, Aristophanes, Terence u. a., sowie den Problemen der Ausbildung eines Militärführers und Epheben, die ihren Niederschlag in Kunst, materieller Kultur und Texten verschiedener Sorten (Dialogen von Platon und Xenophon, Reden und Briefen von Cicero, Schriften von Herodot und Thukydides, Werken von Varro, Onasander, Josephus Flavius, Vegetius u. a.) fand.

Mit allen Fragen nach der Bereitstellung von Materialien, Vorbereitung weiterer Bände sowie mit Kommentaren und Vorschlägen wenden Sie sich bitte an die Chefredakteurin Victoria K. Pitschugina, E-Mail-Adresse: Pichugina_V@mail.ru. Für die Hilfe bei der Gestaltung dieser Lieferung bin ich sehr dankbar dem stellvertretenden Chefredakteur A.Yu. Mozhaisky.

V.K. PICHUGINA

L'EDUCAZIONE DI UN GUERRIERO IN GRECIA E A ROMA

(INTODUZIONE DEL REDATTORE)

Il presente numero della rivista contiuna la serie dei materiali di storia della cultura della pedagogia antica che vengono scelti annualmente. Il presente numero, così come il precedente, riunisce articoli scientifici e traduzioni di lavori scientifici esteri relativi a questo tema. Questa struttura permette di presentare al lettore un ampio spettro di opinioni dei rappresentanti appartenenti a diverse scuole e indirizzi scientifici e, altresì, permette di aprire un campo interdisciplinare di discussioni scientifiche.

Tema del quarto numero "L'educazione di un guerriero in Grecia e a Roma". Nella cultura greca e romana l'eroismo e le capacità guerriere erano viste come fattori che determinavano che cosa significasse essere un cittadino e, in generale, essere un greco o un romano. La simbologia militare e i "memento" bellici si trovavano dappertutto: sui monumenti e le tombe, sui decori scultorei dei templi e anche nelle sale da pranzo delle case private, dove le armi di attacco e difesa erano appese alle pareti. Anche le stoviglie pregiate erano decorate con scene belliche. Il tema della guerra risuonava a teatro, all'Ecclesia, nei consigli e nei tribunali, nei mercati e ai funerali. L'educazione antica andava di pari passo non solo con l'educazione fisica, ma anche con l' "educazione alle lettere" che prevedeva lo studio di Omero e di altri poeti che esaltavano il valore militare. La "virtus" latina e la ἀρετή della Grecia antica erano ciò che caratterizzava un uomo e presupponeva il servire lo stato sia a livello civile che militare. Il quarto numero sarà dedicato alla dimensione pedagogica dei conflitti militari, ai temi della page e della guerra nelle tragetie e nelle commedie dei drammaturghi-pedagoghi (Eschilo, Sofocle, Euripide, Aristofane, Terenzio e altri) e anche alle particolarità dell'educazione del leader militare e dell'efebo che ha trovato un riflesso nell'arte, nella cultura materiale e nei testi di genere differente (nei dialoghi di Platone e Senofonte, nei discorsi e nelle lettere di Cicerone, nelle opere di Erodoto e Tucidide, nei testi di Varrone, Onasandro, Giuseppe Flavio, Vegezio e altri).

Per questioni riguardanti l'invio di materiali e per precisare i temi dei numeri seguenti, nonché per esprimere le vostre considerazioni, suggeriementi e commenti, vi preghiamo di rivolgervi al redattore generale via posta elettronica all'indirizzo: Pichugina_V@mail.ru — Pichughina Victoria Konstantinovna. Sono molto grata al vice redattore capo A. Ju. Mozhajskij.

V.K. PICHUGINA

ТИРТЕЙ, ЦАРЬ АССИРИЙСКИЙ

«КИРОПЕДИЯ» КСЕНОФОНТА И ВОСПИТАНИЕ ВОИНА В СПАРТЕ

З.А. Барзах

В настоящей статье речь идет о возможной аллюзии на строки спартанского поэта-элегика Тиртея в «Киропедии» Ксенофонта (III, 3, 44-45). Царь ассирийский, главный антагонист и антипод Кира, в своей речи перед войсками приводит аргументы в пользу храбрости и против трусости, пародийно воспроизводящие аргументацию Тиртея (fragm. 8 Prato, vv. 11-20). И Тиртей в своей элегии, и царь ассирийский в своей речи подчеркивают, что среди воинов, обратившихся в бегство, больше погибших, чем среди тех, кто не покидает строя, причем ассирийский царь снабжает эту статистику наивным анатомическим наблюдением о том, что на спине у человека нет глаз и рук. Мы считаем, что источником этой пародии могут быть антиспартанские полемические тексты, получившие распространение в то время в Афинах в связи с попытками Эпаминонда и мессенян привлечь афинян на свою сторону в борьбе со Спартой. Это подтверждается тем, что Тиртей, по всей вероятности, являлся персонажем антиспартанского нарратива того времени: легенда об афинском происхождении Тиртея, наиболее подробно изложенная у Павсания, но возникшая, по-видимому, гораздо раньше, во времена Ксенофонта, носит ярко выраженный антиспартанский и проафинский характер. Ответ Кира на эту речь, в свою очередь, демонстрирует отношение Ксенофонта к спартанской концепции воспитания воина. Если автор пародии стремился подчеркнуть примитивность и комичную поверхностность воинственных элегий Тиртея, якобы являвшихся источником легендарной воинской доблести спартанцев, то, согласно Ксенофонту, источником спартанской доблести являются не воинственные речи и песни, но система образования и социальных мер, делающая жизнь человека, уличенного в трусости на поле

HYPOTHEKAI
2020. Вып. 4. С. 25-40
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2020. Issue 4. P. 25-40
DOI: 10.32880/2587-7127-2019-4-4-25-40

битвы, невыносимой. Описание такой системы в устах Кира (Xen. *Cyr.* III, 3, 51-53) поразительно напоминает описание Ксенофонтом спартанской системы воспитания и социального поощрения или порицания (Xen. *Lac.* 9, 3-6), что подтверждает нашу гипотезу.

Воспитание воина — тема настоящего выпуска журнала — была одной из центральных тем творчества Ксенофонта, воина и мыслителя, ученика Сократа, сражавшегося в рядах спартанцев и персов, но ни на минуту не забывавшего о родных Афинах, которые переживали в то время упадок своей политической и военной мощи. В настоящей статье мы будем говорить об одной из ранее незамеченных аллюзий в «Киропедии» Ксенофонта, которая может носить полемический характер и отражать современные Ксенофонту споры об основах спартанского военного воспитания.

В третьей книге «Киропедии» (Xen. *Cyr.* III.3. 44-45), перед решающей битвой между персами и ассирийцами, царь ассирийский, главный антагонист и антипод Кира, произносит речь перед своим войском. Она призвана укрепить боевой дух воинов — но один из аргументов ассирийского царя способен вызвать, по крайней мере у современного читателя, улыбку (Xen. *Cyr.* III.3.45):

...ἄτε οὖν νίκης ἐρῶντες μένοντες μάχεσθε. μῶρον γὰρ τὸ κρατεῖν βουλομένους τὰ τυφλὰ τοῦ σώματος καὶ ἄοπλα καὶ ἄχειρα ταῦτα ἐναντία τάττειν τοῖς πολεμίοις φεύγοντας: μῶρος δὲ καὶ εἴ τις ζῆν βουλόμενος φεύγειν ἐπιχειροίη, εἰδὼς ὅτι οἱ μὲν νικῶντες σῴζονται, οἱ δὲ φεύγοντες ἀποθνήσκουσι μᾶλλον τῶν μενόντων.

«Поэтому жажда победы должна пылать в ваших сердцах. Будет безумием, если тот, кто сражается за победу, обратится в бегство, открывая врагу спину — часть тела, лишенную рук и оружия. Безумным будет и тот, кто, желая сохранить себе жизнь, побежит с поля боя; знайте, что в живых останутся только победители, что беглецы гибнут гораздо чаще тех, кто стойко сражается» (пер. В.Г. Боруховича, Э.Д. Фролова).

Этот в высшей степени странный аргумент в пользу воинской доблести приводит на память один из фрагментов Тиртея, спартанского поэта-элегика VII в. до н.э. (Tyrtaeus, fragm. 8 Prato, vv. 11-20):

> ...οἳ μὲν γὰρ τολμῶσι παρ᾽ ἀλλήλοισι μένοντες ἔς τ᾽ αὐτοσχεδίην καὶ προμάχους ἰέναι, παυρότεροι θνῄσκουσι, σαοῦσι δὲ λαὸν ὀπίσσω: τρεσσάντων δ᾽ ἀνδρῶν πᾶσ᾽ ἀπόλωλ᾽ ἀρετή: οὐδεὶς ἄν ποτε ταῦτα λέγων ἀνύσειεν ἕκαστα, ὅσσ᾽, ἢν αἰσχρὰ πάθῃ, γίγνεται ἀνδρὶ κακά. ἀρπαλέον[1] γὰρ ὄπισθε μετάφρενός ἐστι δαΐζειν ἀνδρὸς φεύγοντος δηΐῳ ἐν πολέμῳ, αἰσχρὸν δ᾽ ἐστὶ νέκυς κακκείμενος ἐν κονίῃσι νῶτον ὄπισθ᾽ αἰχμῇ δουρὸς ἐληλαμένος.
>
> «Те, кто отважно остается в строю, друг подле друга, и идет в рукопашный бой в первых рядах, погибают в меньшем количестве, и, кроме того, спасают тех, кто позади. Доблесть же мужей убегающих погибает полностью: ведь невозможно перечислить словом все беды, выпадающие на долю мужа, покрывшего себя позором. Ведь это так приятно — посреди ужасной битвы ударить в спину, в диафрагму, убегающего мужа — и отвратителен вид трупа, лежащего в пыли, пронзенного наконечником копья в спину» (пер. З.А. Барзах).

Итак, и ассирийский царь, и спартанский поэт подчеркивают: трус погибнет скорее, чем храбрец, так как, убегая, он поворачивает к врагу незащищенную сторону своего тела. Если это сознательная отсылка Ксенофонта к стихам спартанского поэта, то какова ее цель? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, я предлагаю рассмотреть и речь ассирийского царя у Ксенофонта, и античную биографическую традицию о Тиртее в более широком контексте.

Большинство современных исследователей считают, что Тиртей был спартанцем по рождению[2], однако древние были другого мнения. Уже Платон в «Законах» (Pl. *Leg.* 629a)[3] упоминает традицию о его афинском происхождении:

---

[1] Здесь мы, вместо рукописного ἀργαλέον, принимаем конъектуру Аренса, которую поддерживает в своем издании Кэмпбелл (*Campbell* [1967]. P. 173 ad v. 17): «MSS. ἀργαλέον gives a wrong sense. Ahrens' emendation is apt: "it is attractive to pierce from behind the back of a fleeing man"».

[2] О происхождении Тиртея и биографической традиции о нем см.: *Строгецкий* (2014). 82-83.

[3] Поэтому Фрезер (*Frazer* [2013]. P. 415) и Пирсон (*Pearson* [1962]. P. 400-401) ошибаются, говоря, что первое упоминание об афинском происхождении Тиртея восходит к историку Каллисфену, современнику Александра Македонского.

...προστησώμεθα γοῦν Τύρταιον, τὸν φύσει μὲν Ἀθηναῖον, τῶνδε δὲ πολίτην γενόμενον, ὃς δὴ μάλιστα ἀνθρώπων περὶ ταῦτα ἐσπούδακεν.

«Возьмем сперва Тиртея, афинянина родом, но приобретшего лакедемонское гражданство. Ведь среди всех он с особенным рвением относится к войне» (пер. А.Н. Егунова).

Ликург, оратор IV в. до н.э., излагает легенду о происхождении Тиртея с новыми подробностями, добавляя при этом, что афинское происхождение Тиртея — факт, известный всем эллинам:

Lycurgus. *Against Leocrates*, 105-107: τοιγαροῦν οὕτως ἦσαν ἄνδρες σπουδαῖοι καὶ κοινῇ καὶ ἰδίᾳ οἱ τότε τὴν πόλιν οἰκοῦντες ὥστε τοῖς ἀνδρειοτάτοις Λακεδαιμονίοις ἐν τοῖς ἔμπροσθεν χρόνοις πολεμοῦσι πρὸς Μεσσηνίους ἀνεῖλεν ὁ θεός, παρ᾽ ἡμῶν ἡγεμόνα λαβεῖν καὶ νικήσειν τοὺς ἐναντίους. καίτοι εἰ τοῖν ἀφ᾽ Ἡρακλέους γεγενημένοιν,1 οἳ ἀεὶ βασιλεύουσιν ἐν Σπάρτῃ, τοὺς παρ᾽ ἡμῶν ἡγεμόνας ἀμείνους ὁ θεὸς ἔκρινε, πῶς οὐκ ἀνυπέρβλητον χρὴ τὴν ἐκείνων ἀρετὴν νομίζειν; τίς γὰρ οὐκ οἶδε τῶν Ἑλλήνων ὅτι Τυρταῖον στρατηγὸν ἔλαβον παρὰ τῆς πόλεως, μεθ᾽ οὗ καὶ τῶν πολεμίων ἐκράτησαν καὶ τὴν περὶ τοὺς νέους ἐπιμέλειαν συνετάξαντο, οὐ μόνον εἰς τὸν παρόντα κίνδυνον ἀλλ᾽ εἰς ἅπαντα τὸν αἰῶνα βουλευσάμενοι καλῶς; κατέλιπε γὰρ αὐτοῖς ἐλεγεῖα ποιήσας, ὧν ἀκούοντες παιδεύονται πρὸς ἀνδρείαν: καὶ περὶ τοὺς ἄλλους ποιητὰς οὐδένα λόγον ἔχοντες περὶ τούτου οὕτω σφόδρα ἐσπουδάκασιν ὥστε νόμον ἔθεντο, ὅταν ἐν τοῖς ὅπλοις ἐξεστρατευμένοι1 ὦσι,2 καλεῖν ἐπὶ τὴν τοῦ βασιλέως σκηνὴν ἀκουσομένους τῶν Τυρταίου ποιημάτων ἅπαντας, νομίζοντες οὕτως ἂν αὐτοὺς μάλιστα πρὸ τῆς πατρίδος ἐθέλειν ἀποθνῄσκειν. χρήσιμον δ᾽ ἐστὶ καὶ τούτων ἀκοῦσαι τῶν ἐλεγείων, ἵν᾽ ἐπίστησθε οἷα ποιοῦντες εὐδοκίμουν παρ᾽ ἐκείνοις. (далее следует приведенный выше фрагмент Тиртея, сохранившийся именно благодаря этой речи Ликурга).

«Столь превосходны были как в общественных, так и в личных делах мужи, населявшие тогда город, что даже самым мужественным лакедемонянам, когда они в прежние времена воевали с мессенцами, бог предсказал взять предводителя у нас, чтобы победить противников. И если бог решил, что наши полководцы лучше потомков Геракла, которые постоянно царствуют в Спарте, как можно тогда не считать их доблесть непревзойденной? Ведь кто из эллинов не знает, что они взяли из нашего города в

качестве предводителя Тиртея, с помощью которого они и победу над врагами одержали, и организовали воспитание молодежи, приняв прекрасное решение не только в связи с тогдашней опасностью, но и на все времена. Ведь он создал для них элегии, слушая которые они обучаются доблести. И в то время, как они остальных поэтов не считали достойными внимания, к нему они относились так серьезно, что даже приняли закон, по которому каждый раз, как воины выстраиваются в полном вооружении для похода, их всех приглашают к палатке царя выслушать стихотворения Тиртея, считая, что таким образом они будут более всего стремиться умереть за отечество. Полезно вам будет выслушать некоторые из этих элегий, чтобы вы знали, какие поступки у них пользовались хорошей славой… (пер. Т.В. Прушакевич).

Изложение Ликурга показывает, что речь идет о традиции, направленной на восхваление Афин за счет уничижения спартанцев. По точной формулировке Кэмпбелла, «рассказ об афинском происхождении Тиртея, в настоящее время отвергаемый большинством ученых, скорее всего, возник потому, что афиняне IV века не могли поверить, что в Спарте когда-либо мог родиться поэт, и с готовностью объявляли любого поэта своим».[4]

Однако версия Павсания, почти дословно повторяющаяся в Schol. Vet. ad Plato Leges 629a, оказывается еще более невыгодной для Спарты (Paus. 4.15.6):

...ἐγένετο δὲ καὶ Λακεδαιμονίοις μάντευμα ἐκ Δελφῶν τὸν Ἀθηναῖον ἐπάγεσθαι σύμβουλον. ἀποστέλλουσιν οὖν παρὰ τοὺς Ἀθηναίους τόν τε χρησμὸν ἀπαγγελοῦντας καὶ ἄνδρα αἰτοῦντας παραινέσοντα ἃ χρὴ σφισιν. Ἀθηναῖοι δὲ οὐδέτερα θέλοντες, οὔτε Λακεδαιμονίους ἄνευ μεγάλων κινδύνων προσλαβεῖν μοῖραν τῶν ἐν Πελοποννήσῳ τὴν ἀρίστην οὔτε αὐτοὶ παρακοῦσαι τοῦ θεοῦ, πρὸς ταῦτα ἐξευρίσκουσι: καὶ ἦν γὰρ Τυρταῖος διδάσκαλος γραμμάτων νοῦν τε ἥκιστα ἔχειν δοκῶν καὶ τὸν ἕτερον τῶν ποδῶν χωλός, τοῦτον ἀποστέλλουσιν ἐς Σπάρτην. ὁ δὲ ἀφικόμενος ἰδίᾳ τε τοῖς ἐν τέλει καὶ συνάγων ὁπόσους τύχοι καὶ τὰ ἐλεγεῖα καὶ τὰ ἔπη σφίσι τὰ ἀνάπαιστα ᾔδεν.

[4] *Campbell* (1967). P. 169-170. Того же мнения придерживаются: *Adkins* (1985). P. 67, *Barron, Easterling* (1985). P. 130. *Доватур* (1989). С. 11.

> «И лакедемонянам было прорицание из Дельф призвать к себе как помощника и советника (намеченного богом) афинского мужа. И вот они отправляют к афинянам посольство, чтобы оно сообщило им вещание бога и попросило дать им человека, который мог бы им посоветовать, что нужно им делать. Афинянам не хотелось делать ни того, ни другого; им не хотелось, чтобы лакедемоняне без больших трудов и опасностей овладели лучшей частью Пелопоннеса, но не хотели они и ослушаться воли бога. Поэтому они нашли некоего Тиртея — он был учителем грамоты, считался человеком небольшого ума и был хромым на одну ногу; его-то они и послали в Спарту. Прибыв туда, он сначала только знатным, а затем и всем, кого он мог собрать, стал петь элегии и свои анапесты» (пер. С.П. Кондратьева).

Итак, авторы этой версии, кем бы они ни были, стремились создать впечатление, что спартанцы обязаны своей знаменитой военной доблестью и отвагой хромому и туповатому афинскому учителю грамоты: жалких крох с пиршественного стола афинской культуры оказалось достаточно, чтобы вдохновить этих недалеких людей на века. Очевидно, целью этих неизвестных создателей было, с одной стороны, унизить спартанцев, а с другой — польстить афинянам.

Так где же мы должны искать источник этого рассказа? Исследователи, обсуждавшие вопрос об источниках четвертой, мессенской книги Павсания, согласны в том, что он, скорее всего, опирался на сочинения двух авторов III в. до н.э.: Мирона из Приены, автора прозаической «Мессенской истории» (n. 106 Jacoby), и Риана из Бены, автора эпической поэмы под тем же названием (n. 265 Jacoby)[5]. Авторы обоих этих сочинений, по-видимому, придерживались резко антиспартанской и промессенской позиции. Мы мало что знаем о том, какими источниками пользовались сами Мирон и Риан, однако и они, и Павсаний опирались на промессенскую традицию, которая уже существовала ко времени написания «Киропедии» Ксенофонта.

Так, рассказы о жизни и подвигах Аристомена, мессенского героя, сражавшегося со спартанцами, составляют изрядную часть четвертой книги Павсания. А об этих историях можно точно сказать,

[5] *Ebeling* (1892). Frazer (2013). P. 411. *Pearson* (1962). P. 410-416.

что их начали рассказывать задолго до того, как Эпаминонд в 369 г. до н. э. освободил Мессению. П. Херт справедливо замечает, что эти приключения мессенского Робин Гуда «больше похожи на истории о героях-разбойниках, нежели на мифы о древних воителях… они возникли скорее в среде людей угнетенных, беспомощных и исполненных горькой обиды, нежели среди строителей нового города, добивающихся признания среди эллинов»[6].

Однако величайшего расцвета мессенская пропаганда и мессенский нарратив достигли после освобождения Мессении. Ярким символом этого пропагандистского (вос)создания мессенского прошлого может служить «чудесное обретение» Эпаминондом щита легендарного Аристомена, которое, согласно Павсанию, был тогда же выставлен на всеобщее обозрение (Paus. IV, 32, 5).

Афины тех дней были полны проспартанской и антиспартанской пропагандой. И это вполне объяснимо, ведь и спартанцы, и мессеняне надеялись приобрести в лице афинян могущественных союзников[7]. Как это всегда бывает в таких случаях, обе партии переписывали историю в пользу своего города. О спартанском нарративе мы можем судить лучше всего по речи Исократа «Архидам»[8], следы же мессенской версии событий дошли до нас в виде фрагментов трагедии Еврипида «Кресфонт»[9], «Мессенской речи» Алкидаманта[10] и четвертой книги «Описания Эллады» Павсания[11], где и излагается версия об афинском происхождении Тиртея.

Отношение Ксенофонта к освобождению Мессении лучше всего видно *ex silentio*: описывая в седьмой книге «Истории Греции» во всех подробностях прочие события тех лет, например, посольство спартанцев в Афины, он обходит молчанием освобождение Мессении и основание Мессены. По-видимому, Ксенофонт отказывается при-

[6] *Hurt* (2002). P. 77-79.

[7] О мессенской пропаганде этого периода см.: *Pearson* (1962). P. 397-426, *Hurt* (2002). P. 62-63, *Figueira* (2009). P. 228-231.

[8] *Pearson* (1962). P. 404, *Luraghi* (2008). P. 222-223.

[9] *Hurt* (2002). P. 78, *Pearson*, “Pseudo-History”. 403-404.

[10] *Raaflaub* (2003). P. 169-187.

[11] О зависимости IV кн. Павсания от мессенского пропагандистского нарратива, см.: *Figueira* (2009). P. 228-229, *Pearson* (1962). P. 407-409.

знавать существование мессенского полиса по той же причине, по которой не признавала его официальная спартанская пропаганда: илоты, с точки зрения Ксенофонта и спартанцев, являлись рабами по природе своей[12] и не были способны построить настоящий полис: это прерогатива людей свободнорожденных[13]. Отношение Ксенофонта к современной ему Спарте было, напротив, достаточно сложным[14]. Некоторые ее черты — отсутствие у спартанцев *sophrosyne,* подчинение, держащееся на страхе и насилии, а не на убеждении — были для него неприемлемыми, однако другие особенности этого полиса предстают как в «Лакедемонской политии», так и в других сочинениях Ксенофонта источником величия и славы Спарты. И, что особенно важно для нас в контексте нашего исследования, все те черты, которые Ксенофонт одобряет в спартанцах и их государственном строе, он воспроизводит в своей идеализированной Персии в «Киропедии».

Особенное восхищение у Ксенофонта вызывают меры, с помощью которых спартанцы поощряли храбрость в бою[15]. Вот как он описывает их в «Лакедемонской политии» (Xen. *Lac.* 9, 3-6):

> ...ἄξιον δὲ τοῦ Λυκούργου καὶ τόδε ἀγασθῆναι, τὸ κατεργάσασθαι ἐν τῇ πόλει αἱρετώτερον εἶναι τὸν καλὸν θάνατον ἀντὶ τοῦ αἰσχροῦ βίου: καὶ γὰρ δὴ ἐπισκοπῶν τις ἂν εὕροι μείους ἀποθνήσκοντας τούτων ἢ τῶν ἐκ τοῦ φοβεροῦ ἀποχωρεῖν αἱρουμένων. ὡς τἀληθὲς εἰπεῖν καὶ ἔπεται τῇ ἀρετῇ τὸ σῴζεσθαι εἰς τὸν πλείω χρόνον μᾶλλον ἢ τῇ κακίᾳ: καὶ γὰρ ῥᾴων καὶ ἡδίων καὶ εὐπορωτέρα καὶ ἰσχυροτέρα. δῆλον δὲ ὅτι καὶ εὔκλεια μάλιστα ἕπεται τῇ ἀρετῇ: καὶ γὰρ συμμαχεῖν πως πάντες τοῖς ἀγαθοῖς βούλοντα. ιᾗ μέντοι ὥστε ταῦτα γίγνεσθαι ἐμηχανήσατο, καὶ τοῦτο καλὸν μὴ παραλιπεῖν. ἐκεῖνος τοίνυν σαφῶς παρεσκεύασε τοῖς μὲν ἀγαθοῖς εὐδαιμονίαν, τοῖς δὲ κακοῖς κακοδαιμονίαν. ἐν μὲν γὰρ ταῖς ἄλλαις πόλεσιν, ὁπόταν τις κακὸς γένηται, ἐπίκλησιν μόνον ἔχει κακὸς εἶναι, ἀγοράζει δὲ ἐν τῷ αὐτῷ ὁ κακὸς τἀγαθῷ καὶ κάθηται καὶ γυμνάζεται, ἐὰν βούληται: ἐν δὲ τῇ Λακεδαίμονι πᾶς μὲν ἄν τις αἰσχυνθείη τὸν κακὸν σύσκηνον

[12] По замечанию (*Печатнова* [2013]. С. 422), в «Лакедемонской политии» Ксенофонт даже не называет их спартанским термином εἵλωτες, предпочитая общегреческое и гораздо более унизительное δοῦλοι, «рабы».

[13] *Luraghi* (2008). P. 222.

[14] См. подробнее: *Christensen* (2017).

[15] *Christensen* (2017). P. 382-383.

παραλαβεῖν, πᾶς δ᾽ ἂν ἐν παλαίσματι συγγυμναστήν. πολλάκις δ᾽ ὁ τοιοῦτος καὶ διαιρουμένων τοὺς ἀντισφαιριοῦντας ἀχώριστος περιγίγνεται, καὶ ἐν χοροῖς δ᾽ εἰς τὰς ἐπονειδίστους χώρας ἀπελαύνεται, καὶ μὴν ἐν ὁδοῖς παραχωρητέον αὐτῷ καὶ ἐν θάκοις καὶ ἐν τοῖς νεωτέροις ὑπαναστατέον, καὶ τὰς μὲν προσηκούσας κόρας οἴκοι θρεπτέον, καὶ ταύταις τῆς ἀνανδρίας αἰτίαν ὑφεκτέον, γυναικὸς δὲ κενὴν ἑστίαν οὐ περιοπτέον καὶ ἅμα τούτου ζημίαν ἀποτειστέον, λιπαρὸν δὲ οὐ πλανητέον οὐδὲ μιμητέον τοὺς ἀνεγκλήτους, ἢ πληγὰς ὑπὸ τῶν ἀμεινόνων ληπτέον. ἐγὼ μὲν δὴ τοιαύτης τοῖς κακοῖς ἀτιμίας ἐπικειμένης οὐδὲν θαυμάζω τὸ προαιρεῖσθαι ἐκεῖ θάνατον ἀντὶ τοῦ οὕτως ἀτίμου τε καὶ ἐπονειδίστου βίου.

«Также достойно удивления, что Ликург достиг того, что для граждан хорошая смерть предпочтительнее позорной жизни. Действительно, при внимательном наблюдении всякий найдет, что такие люди гораздо реже умирают, чем предпочитающие бежать от опасности. Поистине, за мужеством следует более продолжительная жизнь, чем за трусостью, так как мужество не только удобнее и приятнее, но оно легче выполнимо и надежнее. Ясно и то, что добрая слава следует только за мужеством, потому что, можно сказать, все готовы идти за храбрыми. Нельзя пропустить и того, как Ликург и этого достиг. Он для храбрых приготовил явное благополучие, а для трусов явное злополучие. Во всех городах человек, оказавшийся трусом, только имя носит труса, и тем не менее одинаково с храбрыми участвует в собраниях, сидит с ними рядом и по желанию занимается гимнастическими упражнениями; но в Лакедемоне всякому гражданину стыдно сидеть за обедом рядом с трусом или бороться с трусом в палестре. Часто, когда предстоятели распределяют играющих в мяч, трус остается без места; на праздничных хорах его удаляют в непочетные места; на улице он должен уступать с дороги, с места он должен вставать даже перед младшими. Кроме того, он должен дочерей воспитывать дома, так что вина в трусости переходит даже на них, и они остаются без мужей; дом свой он должен оставлять без жены, и за это он опять подвергается штрафу. Он не может выходить, намазавшись маслом, и подражать хорошим гражданам, в противном случае подвергается ударам от лучших граждан. При таком бесчестии, наложенном на трусов, я нисколько не удивляюсь, что в Спарте скорее предпочитают смерть, чем такую бесчестную и позорную жизнь» (перевод Г.А. Янчевецкого.)

Здесь, как и в речи ассирийского царя, и в элегии Тиртея, в качестве аргумента в пользу храбрости используется то, что трусы на войне погибают чаще, чем храбрецы. Однако Ксенофонт подчеркивает: знания этого простого факта недостаточно для того, чтобы в час смертельной опасности воин предпочел храбро сражаться, а не бежать. Поэтому Ксенофонт перечисляет средства социального давления, которые должны сделать существование человека, уличенного в трусости, невыносимым. В «Киропедии» также перечисляются аналогичные меры — и их перечисляет Кир сразу вслед за речью ассирийского царя, в ответ на предложение Хрисанфа произнести аналогичную речь перед своим воинством (Xen. *Cyr.* III.3.51-53):

> ...ἦ καὶ δύναιτ᾽ ἄν, ἔφη ὁ Κῦρος, εἷς λόγος ῥηθεὶς αὐθημερὸν αἰδοῦς μὲν ἐμπλῆσαι τὰς ψυχὰς τῶν ἀκουόντων, ἢ ἀπὸ τῶν αἰσχρῶν κωλῦσαι, προτρέψαι δὲ ὡς χρὴ ἐπαίνου μὲν ἕνεκα πάντα μὲν πόνον, πάντα δὲ κίνδυνον ὑποδύεσθαι, λαβεῖν δ᾽ ἐν ταῖς γνώμαις βεβαίως τοῦτο ὡς αἱρετώτερόν ἐστι μαχομένους ἀποθνῄσκειν μᾶλλον ἢ φεύγοντας σῴζεσθαι; ἆρ᾽ οὐκ, ἔφη, εἰ μέλλουσι τοιαῦται διάνοιαι ἐγγραφήσεσθαι ἀνθρώποις καὶ ἔμμονοι ἔσεσθαι, πρῶτον μὲν νόμους ὑπάρξαι δεῖ τοιούτους δι᾽ ὧν τοῖς μὲν ἀγαθοῖς ἔντιμος καὶ ἐλευθέριος ὁ βίος παρασκευασθήσεται, τοῖς δὲ κακοῖς ταπεινός τε καὶ ἀλγεινὸς καὶ ἀβίωτος ὁ αἰὼν ἐπανακείσεται; ἔπειτα διδασκάλους οἶμαι δεῖ καὶ ἄρχοντας ἐπὶ τούτοις γενέσθαι οἵ τινες δείξουσί τε ὀρθῶς καὶ διδάξουσι καὶ ἐθιοῦσι ταῦτα δρᾶν, ἔστ᾽ ἂν ἐγγένηται αὐτοῖς τοὺς μὲν ἀγαθοὺς καὶ εὐκλεεῖς εὐδαιμονεστάτους τῷ ὄντι νομίζειν, τοὺς δὲ κακοὺς καὶ δυσκλεεῖς ἀθλιωτάτους ἁπάντων ἡγεῖσθαι. οὕτω γὰρ δεῖ διατεθῆναι τοὺς μέλλοντας τοῦ ἀπὸ τῶν πολεμίων φόβου τὴν μάθησιν κρείττονα παρέξεσθαι.
>
> «А разве может одна речь сразу же возбудить в душе человека чувство стыда или удержать его от постыдных поступков, или вызвать в нем воинское рвение ради одной только славы, или стремление преодолеть любые опасности? Может ли она заставить его предпочесть смерть в бою — спасению, добытому в бегстве?
>
> Если вы хотите, чтобы люди прониклись подобными чувствами и остались верны им, то необходимо, прежде

> всего, установить законы, согласно которым доблестным будут предоставлены почет и свобода, а трусы будут наказаны таким позором, что жизнь их, исполненная горестей, станет для них невыносимой. Далее, я полагаю, над людьми должны быть поставлены наставники и руководители, которые будут справедливо управлять ими, наставлять их и приучать к доблестным поступкам, пока они полностью не осознают, что по-настоящему доблестные и славные оказываются и самыми счастливыми, а трусы и опозоренные — самыми несчастными из людей. Именно такие чувства должны воодушевлять воинов, от которых ждут, что полученное ими воспитание окажется сильнее страха, внушаемого врагом» (пер. В.Г. Борухович, Э.Д. Фролова).

Итак, и Ликург, и Кир прекрасно понимают: простого теоретического знания того факта, что те, кто обращаются к врагу спиной, погибают чаще, нежели встречающие его лицом к лицу, недостаточно для того, чтобы в момент смертельной опасности остановить инстинктивный порыв человека к бегству. Для этого необходимы социальные меры, формирующие систему ценностей гражданина таким образом, что он будет искренне убежден: лучше смерть, чем позорное и жалкое существование труса.

Как уже было отмечено, прочие черты спартанского общества, которые Ксенофонт считает достойными восхищения и подражания — значение, предаваемое физическим упражнениям, уважение к старшим и скромность, состязательный характер образования и упражнений, общие трапезы воинов, призванные создать неформальные отношения между простыми воинами и командирами — также воспроизведены Ксенофонтом в его идеальной Персии, построенной Киром[16].

Итак, можно попытаться реконструировать полемику, в которую вступил Ксенофонт, вложив цитату из Тиртея в уста ассирийского царя. Как мы уже видели, карикатурное изображение Тиртея,

[16] *Christensen* (2017). P. 384-385. Об агонистической природе спартанского образования, в описании Ксенофонта, см: *Печатнова* (2014). Об отношении Ксенофонта к спартанским сисситиям см.: *Alvino* (2018). P. 544-563.

вероятно, было частью антиспартанского нарратива. Мы можем реконструировать эту часть нарратива таким образом: Тиртей, легендарный поэт спартанцев, чьи стихи веками вдохновляли их на подвиги, на деле не просто был афинянином, но на родине своей был презираем: это был туповатый школьный учитель, слагавший неумелые бравурные вирши. В качестве примера таковых могли приводиться стихи 11-20 Tyrt. fragm. 8 Prato или их комический парафраз: полюбуйтесь, мол, какими аргументами этот человек побуждает спартанцев храбро сражаться! он объясняет, что обращающие спину к врагу погибают чаще, чем встречающие его лицом к лицу — надо думать, потому, что у них нет глаз на спине и ниже! Вот он, источник знаменитой спартанской доблести — банальный факт из области анатомии, изложенный не самым умным афинским школьным учителем!

«Нет, — отвечает на это Ксенофонт, влагая пародийный пересказ Тиртея, возможно, заимствованный у оппонента, в уста ассирийского царя, а затем заставляя своего Кира оспорить эффективность такого рода риторики. — Вы не потрудились понять ни Тиртея, ни самой сути законодательства Ликурга. И Ликург в своих законах, и Тиртей в своих стихах указывают на подлинный источник спартанской доблести: целый ряд социальных мер и практик, направленных на то, чтобы внушить гражданам, что жизнь труса — жалкая доля, которая хуже смерти, участь же храбреца и в жизни, и в смерти блаженна. Именно это вдохновляет на подвиги лучше любой песни или речи».

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

Доватур (1989) — Доватур А.И. Введение в древнегреческую элегию и Феогнидов сборник // Феогнид и его время. Ленинград: Издательство ЛГУ, 1989. С. 1-12.

Печатнова (2013) — Печатнова Л.Г. Некоторые замечания по поводу «Лакедемонской политии» Ксенофонта // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / Под редакцией профессора Э.Д. Фролова. 2013. Выпуск 13. С. 421-432.

Печатнова (2014) — Печатнова Л.Г. Древние авторы о спартанской агонистике // МНЕМОН. Исследования и публикации по истории античного мира / Под редакцией профессора Э.Д. Фролова. 2014. Выпуск 14. С. 119-129.

Строгецкий (2014) — Строгецкий В.М. Становление исторической мысли в Древней Греции и возникновение классической греческой историографии. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2014.

Adkins (1985) — Adkins A.W.H. Poetic Craft in the Early Greek Elegists. Chicago – L.: The University of Chicago Press. 1985.

Alvino (2018) — Alvino M. C. Aphroditē and Philophrosynē: Xenophon's Symposium between Athenian and Spartan paradigm // Socrates and Socratic Dialogue / Ed. by A. Stavru, Chr. Moore. Leiden: Brill, 2018. P. 544-563.

Barron, Easterling (1985) — Barron J.P., Easterling P.E. Early Greek Elegy: Callinus, Tyrtaeus, Mimnermus // Cambridge History of Classical Literature. I. Greek Literature / Ed. by P.E. Easterling, B.M.W. Knox. Cambridge: CUP, 1985.

Campbell (1967) — Greek Lyric Poetry. A Selection of Early Greek Lyric, Elegiac and Iambic poetry / Ed. by D. Campbell. NY, 1967.

Christensen (2017) — Christensen P. Xenophon's View on Sparta // The Cambridge Companion to Xenophon / Ed. M.A. Flower. Cambridge: CUP, 2017. P. 376-402.

Ebeling (1892) — Ebeling H.L. A Study in the Sources of Messeniaca of Pausanias. PhD thesis, John Hopkins University, 1892.

Figueira (2009) — Figueira T. The Evolution of the Messenian Identity // Sparta: New Perspectives / Eds. S. Hadkinson, A. Powell. Swansea: The Classical Press of Wales. 2009. P. 211-244.

Frazer (2013) — Pausanias, Description of Greece / Trans. with comm. by J.C. Frazer. Vol. III. London, 1913.

Hurt (2002) — Hurt P. Slaves, Warfare, and Ideology in the Greek Historians. Cambridge: CUP, 2002.

Luraghi (2008) — Luraghi N. The Ancient Messenians: Construction of Ethnicity and Memory. Cambridge: CUP, 2008. P. 222-223.

Pearson (1962) — Pearson L. The Pseudo-History of Messenia and Its Authors // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1962. Bd. 11. H. 4. S. 397-426.

Raaflaub (2003) — Raaflaub K. Freedom to Messenians? // Helots and their Masters in Laconia and Messenia / Eds. N. Luraghi, S. Alcock. Cambridge: CUP, 2003.

Zoia A. BARZAKH

TYRTAEUS, THE KING OF ASSYRIA

XENOPHON'S "CYROPAEDIA" AND EDUCATION OF WARRIORS IN SPARTA

The article proposes that the oration of the king of Assyria in Xenophon's Cyropaedia (III, 3, 44-45) can contain the allusion to, or rather a parody on, one of the elegies of Tyrtaeus (fragm. 8 Prato, vv. 11-20). Both the Assyrian king, a tyrant and Xenophon's paradigmatic loser, and the famous martial poet of Sparta stress that those who prefer to flee are more likely to be killed than those who stay firm in the face of danger, since a fleeing man turns the undefended parts of his body to his enemy. The source of this parody could have been some anti-Spartan pamphlet: after the liberation of Messenia and founding of the city Messene by Epaminondas (369 BC) Athens were full of pro- and anti-Spartan agitation, since both Messenia and Sparta hoped to have Athens as their ally. In this polemics, Xenophon took the Spartan side. Xenophon's attitude towards Epaminondas' liberation of Messenia can be understood best ex silentio: in contrast with his detailed depiction of all the surrounding events, such as the Spartan embassy to Athens, in Hellenica VII, he does not mention Messenian liberation and foundation of Messenia at all. Xenophon's reaction to the parody of Tyrteus by pro-messenian polemist is clear from the subsequent oration of Cyrus (Xen. Cyr. III, 3, 51-53). The system of education and social values, described in this oration, bears many similarities to the Spartan system as described in "Lacedaemonian Politeia" 9, 3-6. According to Cyrus and to Xenophon, the real source of martial virtue is neither a song nor oration, but a series of well-established and long-standing social practices that make the citizens aware of the idea that the life of a coward isn't worth living and the brave man is the happiest one in life and death.

REFERENCES

Adkins (1985) — Adkins A.W.H. Poetic Craft in the Early Greek Elegists. Chicago - London: The University of Chicago Press. 1985.

Alvino (2018) — Alvino M. C. Aphroditē and Philophrosynē: Xenophon's Symposium between Athenian and Spartan paradigm // Socrates and

Socratic Dialogue / Ed. by A. Stavru, Chr. Moore. Leiden: Brill, 2018. P. 544-563.

Barron, Easterling (1985) — Barron J.P., Easterling P.E. Early Greek Elegy: Callinus, Tyrtaeus, Mimnermus. // Cambridge History of Classical Literature, I, Greek Literature / Ed. by P. E. Easterling, B. M. W. Knox. Cambridge: CUP, 1985.

Campbell (1967) — Greek Lyric Poetry. A Selection of Early Greek Lyric, Elegiac and Iambic poetry / Ed. by D. Campbell. NY, 1967.

Christensen (2017) — Christensen P. Xenophon's View on Sparta // The Cambridge Companion to Xenophon / Ed. M.A. Flower. Cambridge: CUP, 2017. P. 376-402.

Dovatur (1989) — Dovatur A.I. Vvedenie v drevnegrecheskuju jelegiju i Feognidov sbornik // Feognid i ego vremja. Leningrad: Izdatel'stvo LGU, 1989. S. 1-12.

Ebeling (1892) — Ebeling H.L. A Study in the Sources of Messeniaca of Pausanias. PhD thesis, John Hopkins University, 1892.

Figueira (2009) — Figueira T. The Evolution of the Messenian Identity // Sparta: New Perspectives / Eds. S. Hadkinson, A. Powell. Swansea: The Classical Press of Wales, 2009. P. 211-244.

Frazer (2013) — Pausanias, Description of Greece / Transl. with comm. by J.C. Frazer. Vol. III. London, 1913.

Hurt (2002) — Hurt P. Slaves, Warfare, and Ideology in the Greek Historians. Cambridge: CUP, 2002.

Luraghi (2008) — Luraghi N. The Ancient Messenians: Construction of Ethnicity and Memory. Cambridge: CUP, 2008. P. 222-223.

Pearson (1962) — Pearson L. The Pseudo-History of Messenia and Its Authors // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 1962. Bd. 11. H. 4. S. 397-426.

Pechatnova (2013) — Pechatnova L. G. Nekotorye zamechanija po povodu «Lakedemonskoj politii» Ksenofonta // MNEMON. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira / Pod redakciej professora Je.D. Frolova. 13 (2013). S. 421-432.

Pechatnova (2014) — Pechatnova L. G. Drevnie avtory o spartanskoj agonistike // MNEMON. Issledovanija i publikacii po istorii antichnogo mira / Pod redakciej professora Je. D. Frolova. 14 (2014). S. 119-129.

Raaflaub (2003) — Raaflaub K. Freedom to Messenians? // Helots and their Masters in Laconia and Messenia / Eds. N. Luraghi, S. Alcock. Cambridge: CUP, 2003.

Strogeckij (2014) — Strogeckij V. M. Stanovlenie istoricheskoj mysli v Drevnej Grecii i vozniknovenie klassicheskoj grecheskoj istoriografii. Moskva – Berlin: Direkt-Media, 2014.

ТРЕНИРОВКА МУЖЕСТВА — ВЕРСИЯ НИКИЯ

Р.В. Светлов

На страницах платоновского диалога «Лахет» знаменитый афинский политический и военный деятель Никий предлагает как минимум две версии того, как следует воспитывать афинское юношество. Мы обсуждаем первую из них, которая связана с обучением навыкам индивидуального гоплитского боя. Критика этой версии со стороны собеседников Никия связана с культурными реалиями древнегреческого ополчения. За исключением граждан Спарты и ряда специализированных отрядов в некоторых полисах, примеры которых крайне редки, греческие гоплиты не были профессиональными воинами. Афинский институт эфебии стал инструментом военной подготовки, каким мы его знаем по «Афинской политии» Аристотеля, лишь во времена Филиппа и Александра Македонских. Эффективность гоплитского боя вызывалась удачным сочетанием вооружения, строя и тех условий, в которых битва принималась. Это позволяло гражданам не посвящать себя всецело воинскому тренингу, так как в своем большинстве это были крестьяне, а сами войны в архаической и раннеклассической Греции имели аграрный характер. Но в этом заключался и уязвимость такого консервативного взгляда на войну, так как профессиональные воины все равно получали преимущество, что и стало очевидным во время и после Пелопоннесской войны. В связи с критикой предложений Никия мы рассматриваем платоновские проекты создания профессиональных вооруженных сил, которые он выдвигает в рамках своих политических проектов. Мы отмечаем, что концепция тотальной военной подготовки в «Законах» является проектом создания такого рода гражданского общества, которое является своего рода коллективным «моральным самосознанием». Его деятельность направлена на себя (а это и есть политика в высшем смысле данного слова), а не на буржуазное предпри-

HYPOTHEKAI
2020. Вып. 4. С. 41-56
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2020. Issue 4. P. 41-56
DOI: 10.32880/2587-7127-2019-4-4-41-56

нимательство. В связи с этим индивидуальный тренинг, предлагаемый Никием, также не выдерживает критики. С другой стороны центром воспитательной деятельности по Платону является врачевание души. Отсутствие представлений о природе души, как и четкого понимания, что же такое мужество, делает все попытки сформулировать правила воспитания обреченными на неудачу. Судьба «младших» Аристида и Фукидида, вопрос о воспитании которых стал поводом для беседы, подтверждает это.

Воспитание будущего воина — более чем актуальная тема для античной культуры, так как война в эту эпоху была явлением, если и не желанным, то столь же естественным, как смена времен года. В архаическое и раннеклассическое время право быть воином совпадало с правом быть гражданином: большинство полноправных граждан полиса разом можно было увидеть в четырех случаях: на народном собрании, во время городских священнодействий, в театре и на поле боя — где единство гражданского коллектива наглядно выражалось в тесном строе фаланги. В течение и после Пелопоннесской войны развитие наемничества привело к тому, что право на оружие перестало совпадать с правом на гражданство, большинство греческих городов (до какого-то времени кроме Спарты, где, впрочем, численность полноправных граждан неуклонно сокращалась) старались набирать для ведения войны наемные дружины, которые все чаще заменяли граждан на поле боя. Это стало одной из причин кризиса античного полисного сознания, что очень хорошо описывает Платон в «Государстве»: при рассказе о деградации государственного строя от демократического к тираническому Платон утверждает, что у наемника душа чаще всего именно тираническая, то есть худшая из всех возможных (Pl. *Resp.* 575b). А в «Законах» Платон говорит, что именно использование наемников привело к упадку могущества персидской державы (Pl. *Leg.* 697e).

Основатель Академии в своих текстах ориентирован именно на раннеклассическую эпоху — время, когда Афины стали лидером эллинского мира, с одинаковой успешностью сражаясь и на суше, и на море. При этом он прекрасно понимает, что тогда были заложены истоки не только афинского могущества, но и последующего кризиса.

Рассматривая платоновский взгляд на воспитание воина, мы обратимся к фрагменту диалога, который не часто (в России) привлекает к себе внимание исследователей. Диалогу, названному по имени одного из славных генералов эпохи Пелопоннесской войны - Лахета. Речь у нас пойдет главным образом о том, какой путь воспитания мужественного и эффективного воина предлагает другой персонаж этого диалога, Никий, не менее известный афинский военный и политический деятель.

Прежде чем мы приведем фрагмент, который намереваемся обсудить, несколько слов о диалоге. Действие «Лахета» происходит во время Пелопоннесской войны, скорее всего на рубеже зимы / весны 423 г. до н.э., уже после поражения афинян при Делии (424 г.), но еще до решающей битвы при Амфиполе (422 г.). Сократ участвовал в обеих, несчастливых для его города, кампаниях[1], но Лахет, рассказывающий о его мужестве, упоминает только первую. Еще одним аргументом в пользу начала 423 года является то, что Никий и Лахет представляют Сократа другим участникам диалога — Лисимаху и Мелесию, т.е. философ еще не приобрел сомнительную известность благодаря аристофановым «Облакам», поставленным как раз весной 423 г.[2].

Датировка важна для нас по той причине, что она подчеркивает драматический контекст, в рамках которого идет эта беседа. Пелопонесская война все еще длится, вес больше афинян гибнет на полях сражений. Подрастающему поколению требуется не «мужество вообще», а мужество вполне конкретное — способность выжить на поле боя, а еще лучше — победить, стать славным воином. Мелесий и Лисимах, пожилые афиняне, потомки славных Аристида Справедливого и Фукидида (одного из лидеров аристократической партии) спохватились по поводу воспитания своих подрастающих сыновей (носящих имена их великих дедов), того воспитания, которое уместно именно сейчас, в разгар постоянных военных действий и позвали для обсуждения этого вопроса «экспертов» — Никия и Лахета.

[1] Об участии Сократа в Пелопоннесской войне см. известную статью М. Андерсона «Сократ как гоплит»: *Anderson* (2005). P. 273-288.

[2] Драматическая датировка «Лахета» рассматривается в частности, в исследованиях *Schmid* (1992). P. 93, *Nails* (2002). P. 312.

Сюжетно «Лахет» начинается сразу после того, как «тренер» по гопломахии (искусству сражаться в гоплитском вооружении) по имени Стесилай демонстрирует упражнения с новым для афинян оружием — «δορυδρέπανον», какой-то странной смеси серпа и копья, о внешнем виде которого ученые спорят уже давно[3].

Стесилай был не единственным «новомодным» учителем мономахии. Лахет сообщает, что сталкивался с немалым числом подобных людей (Pl. *Lach.* 183c). Другой пример наставников индивидуального боя — братья Евтидем и Дионисодор из диалога «Евтидем». В самом начале этого текста Сократ аттестует братьев как «истинных многоборцев», которые превосходят самых знаменитых атлетов тем, что учат одерживать победы и в устных схватках (например, на суде), и в поединке в тяжелом вооружении (Pl. *Euthyd.* 271c. Ср. свидетельство Ксенофонта о Евтидеме: Xen. *Mem*. III.1.1).

Итак, вот слова Никия:

> «По моему мнению, такая наука по многим основаниям будет пригодна для молодых людей. И не нужно какого-либо другого времяпрепровождения, которое им нравится, если они обладают свободным временем. И дело не только в том, что эти занятия с необходимостью будут поддерживать их тела в лучшем состоянии - ведь они ни в чем не уступают каким-либо видам гимнастики, а упражняться при этом нужно не меньше — но и в том, что такие гимнастические упражнения, как и занятия верховой ездой, особенно присущи свободному человеку. Ведь только те, кто упражнялись в пользовании оружием, готовы к соревнованию, в котором мы являемся атлетами, и к той схватке, которая нас ожидает. К тому же эта наука поспособствует, если начнется настоящая битва, когда нам, удерживая строй, доведется биться со многими воинами. Но более всего помогает она, когда шеренги воинов рассыпаются, и приходится выдерживать схватку один на один: или преследуя того, кто от тебя отбивается, или, в случае отступления, отбиваясь от нападающего. С тем, кто обладает таким знанием, ничего не случится и если он сражается против одного, и если ему доведется биться со многими; благодаря ему он всегда будет в выигрыше. Более того, это знание

[3] См., например, *Secunda* (1981).

> вызовет в нем стремление к другой прекрасной науке. Каждый, кто подготовлен для схватки в гоплитском вооружении, возжелает быть обученным всему, что связано с командованием над воинским строем. Когда же он овладеет и этим, то возжаждет обрести навыки, связанные с делами военачальника. Совершенно очевидно, что все умения и навыки, которыми обладает данная наука, прекрасны и ценны для мужа, который как изучает их, так и пользуется ими, и только такой образ действий направляет нас к тому, чтобы обрести знание. Нужно прибавить так же — и это немаловажно — что подобное знание в значительной степени прибавляет всем мужам на войне храбрости и мужества. Не будет бесчестием так же сказать, хотя кому-то это может показаться пустяком, что оно также придает мужу осанистость там, где он должен выглядеть более внушительно, ибо благодаря своему облику он кажется врагам еще ужасней. Итак, Лисимах, мне представляется, как я и говорю, что молодежь необходимо обучать этой науке, и я рассказал, отчего у меня сложилось такое мнение. Если же у Лахета другая точка зрения на этот вопрос, я с удовольствием выслушаю его» (Pl. *Lach*. 181d-182d).

Упражнения Стесилая, позитивно оцененные Никием, и есть наука (греч. μάθημα), по его мнению, полезная для подрастающего поколения. Логика Никия кажется если не безупречной, то понятной: воспитание идет от частного к общему — от навыков единичного бойца к навыкам офицера. Да и внешний облик, который может быть «вылеплен» гимнастическими занятиями в палестрах также вполне пригодится античному воину — поскольку античность ориентируется на понимания блага как совершенства, в том числе эстетического.

Впрочем, любой современный мужчина, которому довелось служить в армии, укажет, что подобная стратегия выработки воинских навыков не слишком соответствует реалиям солдатского быта. Хотя нынешний образ ведения войны радикально отличается от греческого боя фаланг, во главе угла остаются, прежде всего, совместные упражнения, которые и отличают армейскую подготовку от обычной физкультуры или тренировки спортсменов.

Проблема заключается в том, что нам очень мало известно, как подобная совместная подготовка, особенно подготовка боя в строе

фаланги, происходила в V-IV вв. до н.э. в греческих городах — за исключением Спарты и Фив (в случае Фив мы имеем в виду период, начавшийся перед победой при Левктрах 371 г. и длившийся в течение всей недолговечной фиванской гегемонии). Особое место занимают наемники — греческие историки (Фукидид, Ксенофонт) подсказывают, что и пельтасты, и всадники, служившие за деньги, активно готовились к войне. Но нас интересуют тяжеловооруженные гоплиты — то есть полноправные граждане. Кажется, что строй фаланги мог быть сформирован лишь в итоге длительной тренировки, а ее марш и перестроение на поле боя регулировались предшествующей подготовкой. Все это верно по поводу спартанцев, о которых Плутарх говорит, что они были «непревзойденными мастерами военного дела», которые тренировались действовать даже тогда, когда их строй был прорван (Plut. *Pel.* 23.3). Но мы не можем сказать то же самое о других греческих городах, в том числе об Афинах, интересующих нас в первую очередь. Быть может, именно на это указывают слова Перикла из его надгробной речи по первым погибшим в Пелопоннесской войне, когда он противопоставляет постоянную тренировку спартанцев афинскому воинскому бесстрашию: «Что касается воспитания, то противники наши еще с детства закаляются в мужестве тяжелыми упражнениями, мы же ведем непринужденный образ жизни и тем не менее с не меньшей отвагой идем на борьбу с равносильным противником» (Thuc. II.39, пер. Ф.С. Мищенко)

Ведь возникает вопрос — когда афинянин мог пройти военную подготовку, которая сделала бы его готовым к слаженным маршам и перестроениям бойцом фаланги? Едва ли это могло быть во время службы в качестве эфеба. Эфебия — очень сложный институт, связанный в первую очередь с обрядами перехода из юношеского, неполноправного с правовой точки зрения, состояния в состояние гражданина. В институт полноценной военной подготовки эфебия превратится лишь после реформы Эпикрата (336/5 гг. до н.э.), произошедшей после поражения афино-фиванской армии под Херонеей в условиях все возраставшего военного могущества Македонии. По свидетельству «Афинской политии» Аристотеля, после первого года обучения в этой, новой, эфебии юноши показывали свои навыки действий в строю, после чего получали щит и копье — знаки принадлежности к гоплитам (Arist. *Ath.* Pol. 42.4).

До этой реформы военная подготовка была только частью этого очень архаического по происхождению социального института[4]. Эфеб готовился как легковооруженный воин, как защитник пограничных крепостей, для участия в «горячих» военных действиях эфебы привлекались лишь в крайнем случае.

В любом случае даже если эфеб получал нужную «строевую» гоплитскую подготовку, затем он становился «обычным» гражданином — земледельцем, ремесленником, — и навыки сложных эволюций явно снижались. Отсюда можно предположить, что специфика древнегреческого военного дела эпохи архаики и классики была связана не с постоянным тренингом, а с тем, что эллины смогли выбрать максимально удачный вид боя, долгое время не требовавший «профессионализации» военных навыков. Он был прямо связан с «изобретением» гоплитского вооружения, произошедшим, видимо, на рубеже VIII-VII или в середине VII в до н.э[5]. и его постепенным усовершенствованием. Это вооружение было рассчитано на действия в группе воинов, распределенных по фронту и в глубину, и предназначено для ближнего боя. Одновременно расширялся слой тех, кто имел и возможность, и право быть так вооруженным — зажиточных крестьян, которых описывал Гесиод в «Трудах и днях». Земледелие кормило эллинов, а потому право на землю и право на распоряжение ее продуктами были главнейшими правами свободного человека, в том числе афинянина[6]. О том, насколько тесно могут быть связаны земледелия и война нам повествует Тит Ливий в книгах, посвященных истории раннего Рима (эволюция «функционала» латинского бога Марса является еще одним подтверждением этого).

Однако эта связь войны с земледелием накладывает ограничения на саму подготовку к войне: крестьянин должен иметь время для того, чтобы возделывать свою землю или, если он достаточно зажиточен, руководить этим процессом. Освобожденные от такой

[4] Это очень хорошо показал П. Видаль-Накэ: *Vidal-Naquet* (1981).

[5] Авторитетное исследование этого процесса принадлежит Г. ван Визу: *van Wees* (2000).

[6] О «крестьянской» подоплеке войн в Элладе см. книгу В. Хансона «Война и сельское хозяйство в классической Греции»: *Hanson* (1998).

надобности спартанцы (благодаря наличию особого «крепостного» сословия илотов) могли и должны были посвятить себя военному делу: могли благодаря полученному свободному времени, а должны — поскольку крестьяне-илоты, лишенные прав, в том числе на ношение оружия, были для них постоянной угрозой.

Вновь оставим спартанцев в стороне и посмотрим на характер гоплитского боя: тесный строй, удар фаланги в котором масса наступающего строя и буквальное выталкивание противника с его позиции играли доминирующую роль. Для него было характерно также четкое распределение мест в строю, когда наиболее искусные занимали самые опасные места: в первом ряду, на правом фланге, в последней линии — все это не подразумевало многообразия способов применения греческого ополчения. Доминирующим тактическим средством (если не появлялось возможности засады или обхода противника с фланга и тыла) была атака, в которую гоплиты зачастую бросались бегом (при это идеальная линия фронта, которую так любят изображать современные художники, конечно же исчезала) и которая должна была привести противника в состояние шока. Однако если сражение затягивалось, фаланга в сущности разбивалась на отдельные группы взаимно поддерживающих друг друга воинов, которые могли либо наступать, либо, наоборот, отходить перед напором противника (срв. поведение Сократа и Лахета во время «Делийского бега» — Pl. *Lach.* 181b).

В любом случае принципом фаланги классического периода была не сложность, а простота: сравните описания Геродотом греческих армий времен Персидской войны с пестрым и разнообразно вооруженным воинством, которое привел в Европу Ксеркс. Если греки вынуждали более разнообразно вооруженного противника к бою на своих условиях, они одерживали безусловную победу (Марафон, Платеи — решающий эпизод у храма Геры). Необходимость парировать маневр врага могла привести к поражению (Фермопилы, Делий). В случае, если характер боя как-то менялся, возникала патовая ситуация (Кунакс).

Простота, которой добивались и унификацией (в основных моментах, конечно) вооружения, и его характером — оно дорогое, но достаточно простое в использовании, — была связана с непрофессиональным характером ополчения. Повторимся, греческие гоп-

литы времен VI-V вв., за исключением Спарты, это не профессионалы, но «милиция», которая, конечно, знает, как обращаться с оружием, и как строиться перед боем, но не тренируется в этом регулярно. Современные исследователи, подчеркивая данный факт, даже говорят о том, что доминирующей установкой становится отказ от непосредственной военной подготовки[7].

Все это стало элементом «культурного кода» классического эллина; долгое сохранение достаточно архаичных форм военного дела, за которое эллины начали платить уже во время Пелопоннесской войны, а окончательной расплатой стало установление македонской гегемонии, было связано не только с первоначальной эффективностью гоплитского боя, но и с властью традиции. Так, традиция долгое время накладывала определенный отпечаток на использование античными полководцами тех инструментов, которые они имели в руках. Лишь во время Пелопоннесской войны вспомогательные подразделения (легковооруженные, конница, пельтасты) постепенно перестали быть «обслугой» для фаланги. До этого времени они лишь прикрывали ее фланги и тыл, завязывали бой, но не играли решающей роли[8]. После Сфактерии и Амфиполя отношение к не-гоплитам будет меняться.

С течением времени необходимость профессионализации вооруженных сил становилась все более очевидна. Люди, которые всю жизнь проводят в военных тренировках, конечно же в любом случае добьются преимущества над самым сплоченным ополчением. Одним из первых решение этого вопроса предложил Гипподам Милетский. Как сообщает Аристотель, он предложил разделить всех граждан на ремесленников, земледельцев и воинов — единственных, кто имеет право обладать оружием (Arist. *Pol.* 1267b 30-33). Любопытен аргумент Аристотеля против этого предложения: земледельцы и ремесленники в этом случае оказываются «почти рабами» носящих оружие. Они не смогут участвовать в выборах стратегов и начальников внутренней стражи. А когда вооруженных граждан будет достаточно много, то они и станут решающей силой. «Если же они будут сильнее, то к чему остальным гражданам принимать

[7] См. *Konijnendijk* (2018). P. 69.
[8] Срв. *Rey* (2011). P. 60-61.

участие в государственном управлении и иметь право голоса в назначении должностных лиц?» (Arist. *Pol.* 1268a 28-31. Пер. С.А. Жебелева). Аристотель, таким образом, приравнивает право носить оружие праву быть субъектом политического действия.

Самые известные проекты «профессионализации» военного дела предложил Платон. Первый из них содержится в «Государстве». Сословие воинов там напоминает на первый взгляд сословие полноправных лакедемонян, но это только первый взгляд, так как спартанцы готовили себя к войне ради сохранения сословной собственности, платоновские же воины сражаются не за собственность, которой не имеют (даже жены и дети у них общие), а ради защиты родины от врагов внешних и внутренних. И они не являются субъектами политики, каковые в «государстве» лишь мудрецы.

В платоновских «Законах» на наш взгляд происходит модификация концепции вооруженных носителей власти. Все полноправные граждане воображаемой Магнесии получают статус воинов — причем вместе с мужчинами тренируются и женщины. Раз в месяц они проводят военную подготовку, куда чаще же — гимнастические соревнования, причем соревнуются они лишь в тех упражнениях, которые пригодны для подготовки к военному делу и, при этом, вооруженные. Помимо прочего граждане Магнесии устраивают игровые баталии, имитирующие разные моменты военных действий (Pl. *Leg.* 828d и далее). Платон предлагает ряд новаций даже на уровне первичных упражнений. Так, он довольно подробно обсуждает необходимость тренировки как правой, так и левой руки - дабы обе они могли в равной степени держать оружие. Из его слов можно сделать вывод, что внимание к правой и левой руке в те времена было неравномерным: левая «всего лишь» удерживала щит, в то время как правая действовала копьем или мечом. Платон приводит в качестве примера панкратион, управление колесницами, (и то, и другое искусства требуют развития обеих конечностей), скифов, которые умеют равным образом стрелять с правой и левой рук. Он убежден, что проповедуемый им тип физического развития — куда более эффективен (Pl. *Leg.* 794d - 795c).

Тренинг становится едва ли не важнейшим делом магнеситов, зато в результате они готовы к любой опасности и к схватке с любым врагом. Это выделяет их среди граждан других государств, которые

такими тренингами не озабочены (Pl. *Leg.* 831d). В отличие от воинов Каллиполиса, магнеситы также обладают собственностью и являются субъектами политических действий. Но все это происходит по той причине, что магнеситы не заняты приобретением профессий, характерных для других городов — «купцов, корабельщиков, всяких прислужников» (Pl. *Leg.* 832a). Не могут быть они и ремесленниками, так как ремесленные занятия отвлекают гражданина, мешают ему заниматься самосовершенствованием и заботой о государственных делах Pl. *Leg.* 846d). Лишь земледельческая забота достойна их — впрочем, судя по всему, все основные работы в Магнесии осуществляют рабы. Все остальные нужды также удовлетворяются трудом рабов и «натурализованных» чужеземцев, которые в том числе выступают «общественными учителями», получающими за свой труд плату от государства (но не становясь полноправными гражданами!).

Иными словами, вся жизнь магнесита отдана управлению государством, а это жизнь политическая. Граждане идеального полиса заняты прежде всего самосовершенствованием: гражданское общество в «Законах» — это своего рода коллективное «моральное самосознание», которое направлено именно на себя (а это и есть политика в высшем смысле данного слова), а не на экономическую деятельность. Благодаря этому они избегают стяжательства, лжи, партийных распрь и т.д. Вместе с тем, армия данного государства состоит из граждан, чье моральное усовершенствование происходит параллельно с мусическим и военным.

В связи со всем сказанным выше становится понятна позиция собеседников (Лахета и Сократа) по поводу предложенного Никием пути воспитания мужества. Для Лахета решающим аргументом является то, что люди, подобные Стесилаю никогда не преподают паноплию в Спарте, следовательно, образцовое воинское воспитание не подразумевает подобных «умников» и их «софизмов» (Лахет называет изобретение Стесилая σόφισμα, что в данном случае может быть переведено, как «уловка», «трюк», «хитрость»). Дополнительным аргументом является анекдотический случай, произошедший со Стесилаем и его «алебардой» во время одного из морских походов, свидетелем которого был Лахет (Pl. *Lach*. 183a - 184c)[9].

[9] Рассуждения Лахета, опровергающие слова Никия, следуют практически сразу за ними, что напоминает по своему характеру «двойные речи»,

Сократ же просто не уделяет внимания «казусу Стесилая». Для него основанием, с которого должно начинаться любое рассуждение о мужестве, является тезис о том, что воспитанию (и оздоровлению) подлежит душа и лишь потом и в связи с этим тело (Pl. *Lach*. 185d). Стесилай в число таких воспитателей явно не попадает. Если обучение у него и дает какие-то дополнительные воинские «опции», то явно за счет основных для гоплита.

Следовательно, и путь воспитания будущего стратега, предложенный Никием, Сократа также не устраивает. «Наука» Стесилая не сработает по причинам историческим — специфике традиционного гоплитского боя, о котором мы рассказывали, а также по причине сущностной — она не затрагивает душу, не прибавляет к ней ничего, кроме навыка хитроумия. Недаром Никий с легкостью забывает о приведенном нами в начале материала пассаже, определяя в дальнейшем мужество как «знание о том, чего следует страшиться и на что решиться как на войне, так и во всем прочем» (Pl. *Lach.* 194e-195a).

Сократ, впрочем, опровергает и это определение мужества - и по той причине, что, согласно Никию, такое знание можно получить у прорицателей, и потому, что понятое в максимально интенсивной трактовке, это определение оказывается применимо ко всей добродетели в целом, в то время как целью беседы является лишь мужество.

И здесь можно выдвинуть еще одно соображение, которое может объяснить, отчего упражнения Стесилая, как и последовательность воспитания, предложенная Никием, не устраивают Платона. Это соображение позволит нам не апеллировать к более поздним текстам Платона, где тема мужества и проблема его воспитания была рассмотрена с самых разных сторон.

Давайте еще раз вспомним, что большинство греческих армий эпохи архаики и классики не были профессиональными. Но это означает, что как бы идеальна не была манера гоплитского боя для

столь распространенные в софистической и юридической практике того времени. См. об этом *Emlyn-Jones* (1999) P. 127-128. В некотором смысле в данном диалоге Лахет символизирует яростную часть мужества, Никий — осторожный (и суеверный) интеллект. Но, хотя Лахет опровергает Никия, его позиция также окажется уязвимой.

греческих условий, ни она, ни какие индивидуальные тренировки не помогут, если бойцы будут лишены воинского духа. Это тем более важно, поскольку на поле боя выходит ополчение.

Поэтому так необходимы харизма предводителя воинства, а также храбрость его солдат. Но это свойство «прибавляется» не физическими упражнениями, а чем-то иным: тем способом врачевания душ, который и пытается нащупать Сократ. Но прежде всего ему нужно понять, что из себя представляет лекарство, которое делает человека мужественным. Или, говоря ближе к тексту диалога, что из себя представляет вид добродетели под названием «мужество», который нужно «присоединить» к душам сыновей Лисимаха и Мелесия (Pl. *Lach.* 190b).

Сложность определения этого вида демонстрируется всей остальной частью диалога, так что у Сократа / Платона нет готового решения. В том числе и из-за непроясненности методологии нахождения ответов на подобные вопросы о природе атрибута, а не о его проявлениях (именно эти, «неудобные» вопросы начинает задавать современникам Сократ). Однако даже отсутствие ответа на вопрос о мужестве не отрицает негативной оценки как упражнений «умника» Стесилая, так и предложения Никия. Индивидуальный тренинг, да еще с использованием диковинного оружия противоречит природе боя фаланги. А самые продуманные физические упражнения, даже если они делают внешний облик воина прекрасным, не гарантируют воспитания в его душе мужества. Именно этот, так и не идентифицированный в «Лахете» элемент (очевидно присутствующий у самого Сократа, не пасовавшего на поле боя, однако так и не выведенный на свет речами собеседников), является залогом успеха воспитания детей Лисимаха и Мелесия в духе их великих дедов.

Драматизм ситуации заключается в том, что из новых Аристида и Фукидида, насколько нам известно, ничего путного не получилось. В псевдо-платоновском «Феаге» юный Аристид изображен раскаявшимся и осознавшим, что вдали от Сократа он деградирует. Юный Фукидид наоборот не ценит своего счастья и бранится со своим учителем. Аристид утверждает, что Фукидид просто не понимает и не ценит своего счастья, которое заключается в близости к Сократу. С известной долей фантазии можно предположить, что рассуждения Аристида в «Феаге» продолжают тезис, который при-

водит Сократ в «Лахете»: добродетель есть нечто, «присоединение» чего к человеку делает того добродетельнее (Pl. *Lach.* 189e-190b). Только в «Феаге» этим «нечто» оказывается сам Сократ и его общество. Аристид признается, что в отсутствии Сократа он деградировал, в его же присутствии — даже толком ничему у Сократа не научившись, он схватывал, о чем идет речь во время философских бесед и «делал успехи». Впрочем к моменту, когда происходит действие «Феага», это состояние (близости философии) у Аристида уже прошло (Pl. *Theag.* 130a-e).

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ
REFERENCES

Arist. Pol. — Aristotle. Politica / Ed. W.D. Ross, Aristotle's Politica. Oxford, Clarendon Press. 1957.

Arist. Athen. Pol. — Aristotle. Athenaion Politeia / Ed. Kenyon. Oxford. 1920.

Pl. Euthyd. — Plato. Euthydemus / John Burnet (ed.) Oxford Classical Texts: Platonis Opera, Vol. 3: Tetralogiae V–VII. London, 1903.

Pl. Lach. — Plato. Laches / John Burnet (ed.) Oxford Classical Texts: Platonis Opera, Vol. 3: Tetralogiae V–VII. London, 1903.

Pl. Leg. — Plato. Leges / John Burnet (ed.) Oxford Classical Texts: Platonis Opera, Vol. 5: Tetralogia IX Definitiones et Spuria. London, 1907.

Pl. Resp. — Plato. Republic / John Burnet (ed.) Oxford Classical Texts: Platonis Opera, Vol. 4: Tetralogia VII. London, 1902.

Pl. Theag. — Plato. Theages / John Burnet (ed.) Oxford Classical Texts: Platonis Opera, Vol. 3: Tetralogiae V–VII. London, 1903.

Plut. Pelop. — Plutarch. Pelopidas // Plutarch's Lives. with an English Translation by. Bernadotte Perrin. Cambridge, MA. Harvard University Press. London. William Heinemann Ltd. V/5, 1917.

Thuc. Hist. — Thucydides. Historiae in two volumes. Oxford, Oxford University Press. 1942.

Xen. Mem. — Xenophontis opera omnia, vol. 2, 2nd edn. Oxford, Clarendon Press. 1971.

Anderson (2005) — Anderson M. Socrates as Hoplite // Ancient Philosophy. 25. 2005. P. 273-288.

Emlyn-Jones (1999) — Emlyn-Jones S. Dramatic Structure and Cultural Context in Plato's Laches // The Classical Quarterly. Vol. 49. No. 1 (1999). P. 123-138.

Hanson (1998) — Hanson V. Warfare and Agriculture in Classical Greece. Revised Edition. Berkeley - Los Angeles: University of California Press.

Konijnendijk (2018) — Konijnendijk R. Classical Greek Tactics. A Cultural History. Leiden.

Nails (2002) — Nails D. The people of Plato: a prosopography of Plato and other Socratics. Indianapolis -Cambridge.

Rey (2011) — «Taktikè technè» — the neglected element in classical 'hoplite' battles in Ancient Society. Vol. 41 (2011). P. 45-82.

Schmid (1992) — Schmid W. On Manly Courage: A Study of Plato's Laches. Southern Illinois University Press.

Secunda (1981) — Sekunda N. The Rhomphaia, a Thracian Weapon of the Hellenistic Period // Ancient Bulgaria: Papers Presented to the International Symposium on the Ancient History and Archaeology of Bulgaria, University of Nottingham, 1981. Part 1. P. 275–283.

van Wees (2000) — van Wees H. The Development of the Hoplite Phalanx. Iconography and Reality in the Seventh Century / H. van Wees (ed.) //War and Violence in Ancient Greece. London. P. 125-166.

Vidal-Naquet (1981) — Vidal-Naquet P. Le chasseur noir et l'origine de l'éphébie athénienne // Vidal-Naquet P. Le Chasseur noir. Formes de pensée et formes de société dans le monde grec. Maspero. P. 151-175.

Roman V. Svetlov

TRAINING FOR COURAGE — THE VERSION OF NICIAS

In Plato's dialogue “Laches”, a famous Athenian political leader and general Nicias offers at least two versions of how to educate Athenian youth. The article discusses the first of them, which is related to training individual hoplite combat skills. The criticism of this version from Nicias' opponents is connected with the cultural realities of the ancient Greek militia. With the exception of the citizens of Sparta and a number of specialized units in some poleis, instances of which are extremely scarce, Greek hoplites were not professional warriors. The Athenian institution of ephebia, as we know it from Aristotle’s “Constitution of the Athenians”, became an instrument of military training only in the time of Philip and Alexander the Great.

The effectiveness of the hoplite combat "style" was based on a successful combination of weapons, battle formation and the conditions in which the battle was accepted. This allowed citizens not to devote themselves to hard military training, since they were largely peasants, and the wars in archaic and early classical Greece had an agrarian character. But such a conservative view of the war also vulnerable, as professional warriors still got the advantage, which became evident during and after the Peloponnesian war. In connection with criticism of Nicias' proposals, Plato's projects of establishing professional armed forces within the framework of his political models are analysed. It is noted that the concept of total military training in the "Laws" is a project to create a civil society characterized by a kind of collective "moral consciousness." Its activity is aimed at himself (and this is eminently politics), and not at bourgeois entrepreneurship. In this regard, the individual training offered by Nikias does not withstand scrutiny either. On the other hand, according to Plato, the focus of any educational activity is the healing of the soul. The lack of understanding of the nature of both soul and courage makes all attempts to formulate the rules of education doomed to failure. The life of the "younger" Aristide and Thucydides, whose training became a subject of the discussion, confirms this.

ВОЕННОЕ ВОСПИТАНИЕ В ОСТГОТСКОЙ ИТАЛИИ

(РУБЕЖ V–VI ВЕКОВ)

В.М. Тюленев

В статье преимущественно на материале сочинений Эннодия и Кассиодора анализируются традиции военного воспитания в Остготской Италии и их преломление в латинской риторике. Показано, что в новых политических условиях, после установления власти Теодориха Великого, когда римляне в подавляющем большинстве были отстранены от исполнения военных обязанностей, педагогические усилия представителей римской элиты оказались направлены на обучение детей свободным искусствам и прежде всего риторике. Источники же свидетельствуют главным образом о воспитании военного духа и о формировании боевых навыков у готской молодежи. В статье показано, что главной целью воспитания воина-гота было воспроизведение в молодом человеке образа предков (отца, деда) и формирование набора традиционных для воина качеств, объединенных в понятии доблести (*virtus*). Особое место в этом процессе занимали военные игры (*militares ludi*), в ходе которых оттачивались навыки верховой езды, стрельбы из лука и пр.; важнейшим же принципом такого воспитания был принцип состязательности (агональный дух воспитания). Одновременно с этим отмечается, что римская риторика навязывала германской традиции воспитания воинов нравственный идеал. По мысли Кассиодора, человек, владеющий оружием, должен стремиться также к нравственной чистоте. Кроме того, в статье показано, что военное воспитание в Остготской Италии могли получать дети римских аристократов, что, скорее всего, было возможно при размывании культурной идентичности, инкорпорации в германский социум.

HYPOTHEKAI
2020. Вып. 4. С. 57-73
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2020. Issue 4. P. 57-73
DOI: 10.32880/2587-7127-2019-4-4-57-73

В своем панегирике королю Теодориху Великому, составленном в 507 г., медиоланский диакон Эннодий среди похвал новому повелителю Италии благодарил его особенно за принесенный на Апеннины мир, благодаря чему силовое разрешение конфликтов сменилось судебными спорами, а место кровопролитных сражений заняли военные упражнения готской молодежи. При этом Эннодий позволяет читателю увидеть, каким образом осуществлялись эти тренировки. Обращаясь к королю, он пишет: «…какими словами следует воспеть то, что ты… следишь, чтобы на твоих глазах неукротимая молодежь среди благ мира тренировалась для войны? До сих пор сохраняют крепость сил уже одержавшие победы отряды, и уже растут новые! Закаляются мускулы от [метания] копий, и, играя, [юноши] совершают те же действия, что и смелые [воины]… Пока они бросают с помощью детских ремней для метания упругие копья, пока луки, которые могли бы ежедневно убивать людей, нацеливают вдаль, вся область у стен города оказывается вытоптана в ходе демонстрации стычек» (Ennod. *Op.* 263. 83-84)[1].

Это описание военных игр готской молодежи, несмотря на его краткость[2], пожалуй, самое обстоятельное для рубежа V-VI вв., позволяющее увидеть, с одной стороны, отношение римлянина к новым практикам, принесенным варварами в жизнь Италии, а с другой стороны, сами эти практики, имеющие прямое отношение к военному воспитанию. Рассматривая приведенную выше цитату в контексте всего панегирика и даже всего литературного наследия Эннодия, без труда можно ощутить, насколько изменилось у римлян периода становления варварских королевств восприятие окружающей социальной действительности. Нам уже приходилось писать о том, что, несмотря на ощущение стабильности и даже процветания римского мира в конце V – начале VI в., положение римской аристократии в общественной и политической жизни существенно из-

[1] Здесь и далее ссылки на сочинения Эннодия с указанием номера произведения (Op.) и отрывка даются по изданию: *Ennodius M.F.* Opera / Ed. F. Vogel // MGH AA Bd. 7. Berlin, 1885.

[2] Разумеется, подобное описание военных игр несопоставимо ни по объему, ни по содержанию с «Тактикой» Арриана, где представлен римский кавалерийский турнир. О нем см.: *Негин* (2010). С. 31-35.

менилось[3]. В течение V века она лишилась прежде всего своей военной функции. Если верить свидетельству Анонима Валезия, то Теодорих в конце своего правления запретил римлянам ношение оружия, «даже небольших ножей» (*Anon. Val.* XIV.83). Многочисленные литературные свидетельства не оставляют у читателей сомнений, что сами представители римской знати видели себя уже связанными не с использованием меча, но с ношением гражданской тоги или священнического паллия.

Изменения социальной роли римлян в новом политическом мире привели к серьезному пересмотру всей ценностной шкалы. Тот же Эннодий в письме 501 г., направленном к Флавию Фаусту, славословя молодого консула Авиена, сына своего адреса, ставит его достоинства и достижения выше заслуг таких великих римлян, как Фабий, Торкват, Камилл и Деций, победителей вейян, галлов, самниев (Ennod. *Op.* 9. 5-6). В новых исторических условиях, когда судьба Рима зависела уже не от римских, а от готских мечей, когда римлянам практически не осталось места в военной системе государства, Эннодию поневоле приходилось пренебрегать славой легендарных римлян, связанной с победами на полях сражений, ставя акцент на образованности своего героя и прославляя его успехи в риторике.

В еще более резкой форме интеллектуальные достижения как путь к возвышению и к славе противопоставлены воинской доблести в письме Эннодия к Боэцию, написанном в 510 г. по поводу получения последним консульства. Восславив Бога как главного виновника успехов Боэция, Эннодий пишет далее похвалу новому консулу: «…у предков обычным было стяжать вершину курульного кресла трудом на [ратном] поле… но ты ищешь иной род добродетели… Наш претендент после решительного сражения получил заслуженный триумф, между тем как никогда не видел войны. В суде он снискал лавровые венки и не считал необходимым вступать в сражение. Он просиял меж мечей Цицерона и Демосфена и достиг вершин как одного, так и другого из названных [ораторов], словно рожденный в самое мирное для искусств время» (Ennod. *Op.* 370.3-4).

В то же время, нелишним будет вспомнить рассказ Прокопия Кесарийского, приведенный им в самом начале «Войны с готами»,

[3] *Тюленев* (2014). С. 305-316.

где он говорит о реакции германской знати на решение королевы Амаласунты отдать юного Аталариха в школу и указывает, что те «обвиняли ее, что сын ее воспитывается не правильно и не так, как следует для их вождя; что науки очень далеки от мужества, а наставления старых людей по большей части обычно приводят к трусости и нерешительности… необходимо, чтобы тот, кто в будущем хочет быть смелым в любом деле и стать великим, был избавлен от страха перед учителями и занимался военными упражнениями. Они говорили, что Теодорих не позволял никому из сыновей готов посещать школы учителей» (Proc. *BG* I.2; пер. С.П. Кондратьева). Упреки, если верить Прокопию, закончились требованием удались учителей от Аталариха и дать ему обычное для германца воспитание. Сопоставление этого рассказа с оценками Эннодия и других римских писателей, искавших способ спасти римским мир в традиционной системе образования, способно убедить читателя в том, что на Апеннинах конца V – первой половины VI в. существовали две образовательные системы: германская, ориентированная на воспитание воинов, и римская, связанная с изучением свободных искусств[4].

Сказанное выше ставит, по крайней мере, два вопроса. Во-первых, что нам известно о военном воспитании германцев вообще и готов, в частности, помимо того, что позволяет заключить приведенная в самом начале статьи цитата из панегирика Эннодия; во-вторых, сохранялись ли какие-то традиции военной подготовки молодежи у римлян в период существования Остготского королевства в Италии? Решению этих двух вопросов и будет посвящена данная статья.

Начнем по порядку, с рассмотрения первого вопроса. О внимании со стороны остготской королевской власти к вопросам подготовки воинов помимо панегирика, составленного Эннодием, говорят прежде всего тексты «Варий» Кассиодора. Не забывая о том, что Флавий Кассиодор, создавая послания и речи от имени готских королей, наполнял их «римским» звучанием, в результате чего читатель вынужден чаще слышать римского ритора, нежели варварского

[4] *Riché* (1962). P. 102–107; *Vitiello* (2006). P. 40-44.

конунга[5], мы не должны тем не менее отказывать текстам «Варий» в более или менее достоверном отражении как германских практик, так и германского менталитета.

Чтение целого ряда писем, включенных в «Варии», показывает, что аксиологические представления германцев, в том числе о доблести и путях ее достижения, мало изменились к VI в. со времен Корнелия Тацита и его «Германии». Как и германцы, описанные у Тацита почти за четыре сотни лет до образования Остготского королевства в Италии, соплеменники Теодориха считали войну важнейшей частью социальной жизни, а подготовку молодежи к войне — определяющим условием сохранения культурной самобытности. Именно готовность юноши к участию в войне превращало его в полноценного члена общества. Как писал об этом Кассиодор, у готов именно доблесть демонстрирует, что человек уже достиг «правового возраста» (*aetatem legitimam*) (Cass. *Var.* I.38.2). В этой системе ценностей покой (*otium*) оказывался несовместим с доблестью и мужественностью, и если в какое-то время не оказывается повода к войне, то этот «отдых» необходимо использовать исключительно для подготовки к новым сражениям. Не случайно, обращаясь к сиятельному мужу, комиту Освину (судя по имени, германцу), Кассиодор от лица Теодориха настаивает на том, чтобы воины готовили себя к предстоящим сражениям: «пусть воин во время покоя (*in otio*) учится тому, что может пригодиться во время войны» (Cass. *Var.* I.40.1). Предметом гордости оставалась сопричастность войне, которая и определяла место человека в обществе. Не удивительно поэтому обращение короля Витигеса к готам (536 г.), где он пишет, что был избран королем не в тесных покоях, а на широком поле, не под веселый шум бесед, а под звуки боевых труб (Cass. *Var.* X.31.2). Итак, рассмотрим, каким образом шло формирование готов-воинов и какое риторическое оформление эти педагогические практики варваров получали у Кассиодора.

В 408 г. Теодорих во время подготовки похода в Галлию поручил Флавию Кассиодору подготовить письмо, названное им «Ко всем готам» (*Universis gothis Theodericus rex*). В этом послании Кассиодор от лица короля, если не формулирует программу воспитания

[5] *Шкаренков* (2004). С. 17-18.

воинов, то по крайней мере указывает на наиболее важные компоненты этого процесса. Начав с напоминания о том, что человек всему должен учиться в раннем возрасте, поскольку «то, что не изучается в юности, остается неведомым во взрослом возрасте» (Cass. *Var.* I.24.3), автор призывает взрослых воинов-остготов взять с собой в поход молодежь, чтобы та под началом своих отцов приобретала тот опыт, который ей самой предстоит передать потомкам: «Погружайте юношей ваших в марсову науку, пусть они под началом вашим видят, что́ они должны передать потомкам» (Cass. *Var.* I.24.3). Эта же мысль о необходимости учиться ратному делу на практике проводится им и в другом письме, адресованном префекту претория Абунданцию и написанном в самом конце правления Теодориха, предположительно в 525 или 526 г. В нем Кассиодор еще раз использует образ «Марсовой школы», изображая войну как необходимый экзамен для ее выпускников: «Покажут юноши наши в сражениях (*in bellis*) то, чему научились в гимнасии доблести (*in gymnasio virtutis*). Марсова школа отправляет [их] на экзамен» (Cass. *Var.* V.24).

Проводя свою мысль о необходимости «школы», Кассиодор апеллирует к законам природы, беря примеры из жизни различных животных. В уже упомянутом письме к сиятельному мужу Освину Кассиодор, настаивая на необходимости смолоду учиться ратному делу, поясняет, что и телята вступают друг с другом в единоборства, которым будут предаваться во взрослом возрасте, и щенки еще в детстве учатся охотиться (Cass. *Var.* I.40.1)[6]. И в упомянутом выше письме Теодориха «Ко всем готам» Кассиодор свой (или королевский) призыв учиться на практике также сопровождает сравнением с поведением хищных птиц, которые выталкивают своих еще слабых птенцов из гнезда, чтобы те не оказались излишне обременены покоем (*ne molle otium consuescant*; Cass. *Var.* I.24.3).

Как можно видеть, в основе военного воспитания германцев лежит общий для античной педагогики принцип подражания предкам или следования примеру предков (*imitatio maiorum*). Именно подобное воспроизведение обычаев и нравов своих отцов и дедов, передача этого опыта новому поколению цементировало общество,

[6] Буквально: «играют в охоту» (*venationibus ludunt*).

сохраняя и упрочивая его культурную идентичность[7]. Задача воспитателей, таким образом, сводится к научению молодежи быть такой, какими являются сами «воспитатели» и их предшественники. Собственно, призывом к этому Теодорих и завершает свое послание: «старайтесь таких оставить сыновей, какими, как известно, были отцы ваши» (Cass. *Var.* I.24.3). Выраженная латинским языком, устами римского ритора Кассиодора эта норма вполне отвечала духу германского общества, историческая память которого была прежде всего родовой памятью, а существование этого общества во времени воспринималось исключительно как воспроизведение устойчивых образцов и типов.

Итак, вернемся к панегирику Эннодия, чтобы еще раз рассмотреть принципы военной подготовки готов. Как видно из приведенного им описания военных игр готской молодежи, тренировки состояли из отработки навыков верховой езды (прямо об этом не сказано, но упоминание вытоптанного поля заставляет предполагать, что упражнения выполнялись верхом на конях), стрельбы из лука и метания дротиков, неотъемлемой частью этих игр было также театрализованное изображение сражений. Не случайно Эннодий противопоставляет их гладиаторским боям, видя прежде всего внешнее сходство этих зрелищ. О военных играх как элементе германской культуры сообщают и более поздние источники. Исидор Севильский в 20-е годы VII в., подводя итог своей истории готов, пишет, что «больше всего они (готы. — *В. Т.*) любили упражняться с оружием и готовиться к битвам. У них был обычай ежедневных игровых состязаний» (Isid. *Hist.* 70). А спустя два века Нитхард, говоря уже о франках, рассказывает о традиции устраивать военные игры, бытовавшей у сыновей Людовика Благочестивого: «… большие отряды саксов, гасконцев, австразийцев и бретонцев быстро бросались друг на друга с обеих сторон; при этом одни из них отступали и, прикрывшись щитами, спасались бегством от нападав-

[7] О месте концепта *mos maiorum* в римском обществе периода Республики и дискуссиях вокруг этого понятия см.: *Дементьева* (2009). С. 203-212. Следование обычаям предков оставалось нормой аристократического этоса и в эпоху Поздней Античности. См., в частности: *Манукян* (2018). С. 420.

ших, но потом, в свою очередь, преследовали тех, от кого бежали. Наконец, оба короля, окруженные лучшими юношами, набрасывались друг на друга с громкими криками, выставив вперед копья и, как в настоящей битве, то одна, то другая стороны отступала» (Nith. *Hist.* III.6; пер. А.И. Сидорова).

Очевидно, что военные упражнения предполагали не только тренировку ловкости, точности в стрельбе, выносливости, физической силы, но и несли в себе агональный дух, подобно тому как сама война, предполагавшая стяжание славы, была проникнута этим духом состязательности[8]. В рассказе Эннодия нет прямого указания на то, что военные игры остготов предполагали выявление победителей и раздачу им каких-либо наград[9], однако то, что нам известно о менталитете германцев, заставляет предполагать, что участники такого игрового обучения жаждали первенства и победы даже в том, что Эннодий именует *simulacrum congregationis* («подобие, видимость стычки»). Когда же Кассиодор пишет о жажде славы, стяжаемой за доблесть (*virtutis gloriam*, Cass. *Var.* I.24.1), он вряд ли риторической топикой замещал действительность.

К влиянию со стороны римской идеологии, пожалуй, следует относить другое, а именно стремление римских авторов засвидетельствовать, что военное воспитание германцев предполагало не только сосредоточенность на войне как таковой, но и формирование у молодежи той нравственной составляющей, которая была близка и понятна прежде всего представителям римской элиты. Не случайно Кассиодор в послании, составленном от имени Теодориха Великого к Бойону, пишет: «постыдно, если юноши наши, уже пригодные для войны, будут слабо подготовлены к устроению своей жизни и окажется так, что те, как видно, способны вести войны, не в состоянии управлять своим домом». И далее римский квестор подчеркивает особо: «тот, кто способен пронзить врага, должен оберегать себя от всякого порока» (Cass. *Var.* I.38.2)[10]. Сложно судить, насколько ус-

[8] *Махлаюк* (2006). С. 300.

[9] Скорее всего, никаких реальных наград или призов для победителей не было. В лучшем случае отличившиеся в игровом состязании воины могли рассчитывать на крики одобрения со стороны зрителей.

[10] В связи с этим можно вспомнить также Иордана, пусть и не римлянина по крови, но вполне разделявшего многие ценностные представления

пешны были попытки римлян навязать пришедшим в Италию готам свои представления о нравственном воспитании воинов. Не будем забывать о том, что слова Кассиодора, написанные от имени короля, прежде всего являются декларацией, в которой представлен некий идеал, не обязательно нашедший отражение в общественной жизни. Бесспорно, что воспитание германского воина предполагало не только приобретение им и тренировку навыков ведения индивидуального боя или в составе группы. Разумеется, слушая сказания и песни, в которых воспевалось прошлое его народа, мальчик или юноша с молодых ногтей впитывал в себя саму идею племенного единства, сохраняемого благодаря доблести и героизму предков, качествам, которые будут требоваться и от него самого и отсутствие каковых неизбежно подвергнет весь его род риску погибнуть. Однако источники, созданные римлянами, ничего не сообщая об этом, заставляют исследователей полагаться либо на рассказы Иордана, большинство из которых уходят корнями в устную традицию, либо на песни, записанные в эпоху классического Средневековья[11].

Также остается неясным, велико ли было стремление представителей германской военной элиты получить хотя бы основы классического образования. Конечно, среди германцев периода Великого переселения народов было немало людей, следовавших в той или иной степени римскому образу жизни, людей, в том числе образованных людей, и даже преуспевших в литературных занятиях[12]. Разумеется, приобщаться к римской культуре могли и варвары, оказавшиеся на военной службе в Империи, прежде всего при дворах императоров, где был доступ к книгам, а также открывалась возможность поддерживать контакты с учителями и просто образованными людьми[13]. Немалую роль, наверное, играло приобщение германцев к христианской религии с ее проповедью иного, нежели в традиционном германском обществе, нравственного идеала. Тем не

римлян, который с восхищением пишет о том, что издавна у готов «отважнейшие мужи, имея маленькую передышку от военных дел, впитывали философские учения» (Iord. *Get.* 70; пер. Е.Ч. Скржинской).

[11] *Riché* (1962). P. 106.

[12] *Mathisen* (1997). P. 139-148; *Goltz* (2002). S. 300-302; *Тюленев* (2019). С. 206-208.

[13] *Goltz* (2002). S. 301.

менее, случаи обращения германского молодого человека к занятиям свободными искусствами, как видно из свидетельства Прокопия, скорее были исключением из правил[14]. И тот же Прокопий дает понять, что германцы предпочитали, чтобы юноши занимались военными упражнениями, проводя время в компании своих сверстников[15], при этом юношеский дух увлекал молодых людей в те самые пороки, противостоять которым так призывал Кассиодор. Даже если свидетельство Прокопия о том, что те товарищи Аталариха, в кругу которых он по оставлении учителей свободных искусств продолжил свое воспитание, стали побуждать его к пьянству, к общению с женщинами и портили его характер (Proc. *BG* I.3), не имеет под собой реальных оснований, тем не менее картина, созданная византийским историком, не выглядит совершенно неправдоподобной.

Рассмотрим теперь вопрос о сохранении традиций военного воспитания у римлян, живших в Остготской Италии. Эннодий, с панегирика которого началось наше обсуждение темы, стремясь поставить своего героя выше его предшественников, намеренно лукавит, представляя Теодориха Великого своеобразным новатором, заменившим военными играми готской молодежи кровавые гладиаторские бои (Ennod. *Op.* 263.85-86). Можно было бы предположить, что традиционное христианское неприятие как гладиаторских боев, так и театрализованных представлений, привело к забвению обычных для римской культуры практик, и в начале VI в. военные игры остготов вполне могли выглядеть как нечто необычное. Но хорошо известно, что военные игры как элемент развлечения и одновременно тренировок практиковались в римском обществе на протяжении столетий[16], а потому Эннодий, будучи начитанным человеком, о них, безусловно, знал, к тому же память о римских военных играх сохранялась у современников Эннодия. Так, Иордан вспоминает в

[14] Если верить Прокопию Кесарийскому, то королева Амаласунта не просто отдала Аталариха в школу учителя, но приставила к нему трех старейшин, «наиболее умных и достойных» (Proc. *BG* I, 2), по всей видимости, разделявших желание матери дать сыну обычное для римлянина образование.

[15] *Riché* (1962). P. 105.

[16] *Bougard* (2012). P. 25; *Негин* (2010). С. 27; *Махлаюк* (2006). С. 310.

«Гетике» о военных играх (*militares ludi*), устроенных в начале III в. императором Септимием Севером по случаю рождения сына, и, судя по рассказу этого готского историка, игры включали в себя среди прочего борьбу «способом сцепления тел». Именно победа в этих играх позволяла будущему императору Максимину, варвару по происхождению, проведшему жизнь в деревне, оказаться в императорской гвардии и тем самым начать восхождение к власти (Iord. *Get.* 85-86).

Подобные практики, служившие обучению ратным навыкам и одновременно укреплению духа бойцов в ходе военных кампаний, сохранялись и в восточно-римском обществе VI в. Агафий Миринейский, говоря о событиях войны Юстиниана с остготами, рассказывает, как Нарзес приказал собранные для похода войска «как можно больше обучать военному делу и укреплять их дух ежедневными упражнениями, принуждая их бегать и в порядке вскакивать на лошадей, кружиться в пиррихе, некоем военном танце… чтобы они, живя безопасно на зимовке, не отвыкли совершенно от войны, а затем не ослабели и в самой битве» (Agath. II.1; пер. М.В. Левченко). Поэтому автор Эннодий не мог не сознавать, что подготовка готской молодежи к войне мало чем отличалась от такой подготовки в римской культуре, а пафос его скорее направлен на продвижение мысли о торжестве мира во времена Теодориха, чем на хвалу «новым» культурным практикам, прежде неведомым римлянам.

Но остается вопрос, сохранялось ли военное воспитание (в форме игр или в иных формах) у римской молодежи периода остготского господства над Италией. Очевидно, что, обращаясь к риторической традиции и читая произведения, большинство из которых исходят из церковных кругов (как в случае с Эннодием), мы оказываемся в плену представлений их авторов о том, что происходило на их глазах, при том что часто личный опыт писателя переносился на общую оценку социального мира. Найдя себя в духовном служении и видя вокруг себя таких, как и он сам, людей книги, Эннодий мог не замечать предпринимаемых представителями римской элиты попыток передать новому поколению сумму навыков, связанных с военной карьерой. В конце концов, полное расставание римлян с идеалами войны и военной службы, даже если учесть влияние на этот процесс пацифистской идеологии христианства, не могло про-

изойти столь стремительно, чтобы за какие-то два-три десятка лет оказались забыты практики, формировавшиеся столетиями.

Доступные нам источники свидетельствуют, по крайней мере, об одном случае, когда римлянин сделал военную карьеру на службе у Теодориха Великого. Речь идет о Киприане, который памятен, прежде всего, как обвинитель сенаторов Альбина и Боэция и виновник их гибели (Anon. *Val*. 85-86). О Киприане известно не так много, но Кассидор, составивший ему письмо от имени короля Аталариха в 527 г., дает возможность понять, что в свое время (возможно, в 504-505 гг.) Киприан в составе готского войска участвовал в походе на Дунай (Cass. *Var.* VIII.21.3), после чего сделал превосходную карьеру в королевстве, став не только патрицием, но и заняв место магистра оффиций[17]. Послание, исполненное славословий, завершается хвалой Киприану как отцу, воспитавшему прекрасных сыновей. Как видно, Киприан добился того, чтобы дети его выучили язык готов (Cass. *Var.* VIII.21.7), что, скорее всего, должно было способствовать их успешной политической и военной карьере. Нам в связи с обсуждаемым вопросом особенно важным представляется указание Кассиодора на то, что дети Киприана «не замедлили обучиться военным навыкам». Более того, получение детьми Киприана военных навыков доказывается и на лингвистическом уровне. Кассиодор, говоря о воспитании этих юношей и сравнивая их с орлами (*more aquilae*)[18], использует ту же самую метафору, что и в разговоре о военном воспитании остготов (см. выше: Cass. *Var.* I.24.3). Безусловно, в изменившихся политических условиях, когда Италия находилась под властью готских королей, детям Киприана для того, чтобы оказаться на военной службе, пришлось стать «немного готами», выучив язык новых властителей (как и многим готам пришлось стать «немного римлянами», чтобы сознавать самим и демонстрировать для других законность своего пребывания в сердце Римской империи).

Подводя итог, нужно еще раз обратить внимание на следующее. Поскольку на рубеже V-VI вв. в Италии политическая власть и

[17] *Martindale* (1980). P. 332–333.

[18] Образ орла важен для Кассиодора прежде всего тем, что это хищная птица, которая питается добычей (*quorum victus semper ex praeda est*), как и воины, живущие от войны (Cass. *Var.* I, 24, 3).

ее военная составляющая перешли к остготам, источники знакомят нас главным образом с принципами воспитания готского воина, которые сводились к двум основным моментам. Во-первых, молодой человек должен был формироваться, прежде всего, как член этнокультурной общности, для которого безусловной ценностью было бы сохранение и передача существующего опыта; поскольку же мы имеет дело с обществом военизированным, то и опыт этот был в первую очередь военным. Во-вторых, практические навыки, необходимые молодому человеку в бою, отрабатывались в постоянных (если верить текстам, «ежедневных») тренировках, проводимых в форме военных игр. Именно игровое начало наполняло воспитание воина агональным духом. Одновременно с этим, если говорить не только об исторических реалиях, но и о социальных надеждах, римляне, попавшие под власть остготов и стремившиеся заложить фундамент мирного сосуществования с германцами (чтобы римляне и готы стали «как один народ»[19]), старались навязать германскому воину нормы христианской и римской морали. Но движение навстречу предполагало и то, что сами римляне неизбежно менялись. Принимая власть готов, некоторые представители римской аристократии, как видно, давали военное воспитание своим детям, стремясь инкорпорировать их в новый военно-политический организм.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

Agath. — Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. М., 1996.

Anon. Val. — Anonymus Valesianus. Pars posterior / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 9. Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. 1. Berlin, 1892. S. 306–328.

Cass. Var. — Cassiodorus. Variae / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 12. Berlin, 1904.

Ennod. Op. — Ennodius M. F. Opera / Ed. F. Vogel // MGH AA Bd. 7. Berlin, 1885.

[19] Эта формула повторяется и в «Вариях» Кассиодора, и у Анонима Валезия. См.: Cass. *Var*. III, 3, 3; Anon. *Val*. XII, 60.

Iord. Get. — Iordanis De origine actibusque gentis Getarum / ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 5,1. Berlin, 1882. S. 53-138.

Isid. Hist. — Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Historia gothorum, wandalorum, sueborum / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 11. Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. 2. Berlin, 1894. S. 267-303.

Nith. Hist. — Нитхард. История в четырех книгах / Пер. А.И. Сидорова // Историки эпохи Каролингов. М., 1999.

Proc. BG — Прокопий Кесарийский. Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М., 1950.

Дементьева (2009) — Дементьева В. В. Римская идентичность: формирований традиций гражданского коллективизма // Античный мир и археология. Вып. 13. Саратов, 2009. С. 203–212.

Манукян (2018) — Манукян Э. М. Род Аполлинариев и социокультурные стратегии галло-римской аристократической фамилии в IV–V вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История. Политология. 2018. Т. 45. № 3. С. 415–426.

Махлаюк (2006) — Махлаюк А. В. Солдаты Римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб., 2006.

Негин (2010) — Негин А.Е. Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб., 2010.

Тюленев (2019) — Тюленев В.М. Римская школа на позднеантичном латинском Западе (Южная Галлия и Италия в V – первой половине VI в.). Иваново, 2019.

Тюленев (2014) — Тюленев В.М. Слово против меча: новое содержание romanitas у Эннодия // ANTIQVITAS AETERNA. Поволжский антиковедческий журнал. Вып. 4: История понятий, категориальный аппарат современной исторической науки и проблемы (ре)конструкции прошлого / Под ред. А.В. Махлаюка и О.Л. Габелко. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 2014. С. 305-316.

Шкаренков (2004) — Шкаренков П.П. Римская традиция в варварском мире. Флавий Кассиодор и его эпоха. М., 2004.

Bougard (2012) — Bougard F. Des jeux du cirque aux tournois: que reste-t-il de la competition Antique ua haut Moyen Âge? // Agôn: la compétition, Ve-XIIe siècle / Eds. F. Bougard, R. Le Jan, Th. Lienhard. Brepols, 2012. P. 5-41.

Goltz (2002) — Goltz A. Gelehrte Barbaren? Antike Bildung und germanische Oberschicht in der Spätantike // Gelehrte in Antike / Hrsg. von A. Goltz, A. Luther und H. Schlage-Schöningen. Köln, 2002. S. 297-316.

Martindale (1980) — Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Mathisen (1997) — Mathisen R. W. Les Barbares intellectuels dans l'Antiquité tardive // Dialogues d'histoire ancienne. Vol. 23. № 2. 1997. P. 139-148.

Riché (1962) — Riché P. Éducation et culture dans l'Occident barbare. VI-e – VIII-e siècles. Paris, 1962.

Vitiello (2006) — Vitiello M. Il principe, il filosofo, il guerriero: Lineamenti di pensiero politico nell'Italia ostrogota. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006.

Vladimir M. Tyulenev

MILITARY EDUCATION IN OSTROGOTHIAN ITALY

(AT THE TURN OF 5TH – 6TH CENTURIES)

In the article, traditions of military education in Ostrogothian Italy and their interpretation in rhetoric are analyzed predominately in the works of Ennodius and Cassiodorus. It is indicated that under new political circumstances after the establishment of the power of Theodoric the Great, when the Romans were overwhelmingly discharged from military duties, the pedagogical efforts of the Roman elite representatives turned out to be aimed at teaching children liberal arts and, above all, rhetoric. The sources, on the other hand, testify mainly to the education of the military spirit and the formation of combat skills among Gothic youth. The article shows that the main goal of educating a Goth warrior was to reproduce the image of ancestors (father, grandfather) in a young man and form a set of qualities traditional for a warrior, united in the concept of valour (*virtus*). A special place in this process was occupied by the military games (*militares ludi*), during which the skills of riding, archery, etc. were perfected; the most important principle of such education was the principle of competitiveness (the agonal spirit of education). At the same time, Roman rhetoric imposed a moral ideal on the German tradition of educating warriors; according to Cassiodorus, a man who owns a weapon should strain after moral purity. The article also shows that the children of Roman aristocrats could receive military education in Ostrogothian Italy, which could have become possible due to the erosion of cultural identity and incorporation into German society.

REFERENCES

Agath. — Agafii Mirineiskii. O tsarstvovanii Yustiniana / Per. M.V. Levchenko. M., 1996.

Anon. Val. — Anonymus Valesianus. Pars posterior / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 9. Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. 1. Berlin, 1892. S. 306–328.

Cass. Var. — Cassiodorus. Variae / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 12. Berlin, 1904.

Ennod. Op. — Ennodius M. F. Opera / Ed. F. Vogel // MGH AA Bd. 7. Ber-lin, 1885.

Iord. Get. — Iordanis De origine actibusque gentis Getarum / ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 5,1. Berlin, 1882. S. 53-138.

Isid. Hist. — Isidori Iunioris episcopi Hispalensis Historia gothorum, wandalorum, sueborum / Ed. T. Mommsen // MGH AA Bd. 11. Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. 2. Berlin, 1894. S. 267-303.

Nith. Hist. — Nitkhard. Istoriya v chetyrekh knigakh / Per. A.I. Sidorova // Istoriki epokhi Karolingov. M., 1999.

Proc. BG — Prokopii Kesariiskii. Voina s gotami / Per. S.P. Kondrat'eva. M., 1950.Dement'eva (2009). — Dement'eva V.V. Rimskaya identichnost': formirovanij tradicij grazhdanskogo kollektivizma // Antichnyj mir i arheologiya. Vyp. 13. Saratov, 2009. S. 203-212.

Manukyan (2018) — Manukyan E.M. Rod Apollinariev i sociokul'turnye strategii gallo-rimskoj aristokraticheskoj familii v 4–5 vv. // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Istoriya. Politologiya. 2018. T. 45. № 3. S. 415-426.

Mahlayuk (2006) —Mahlayuk A.V. Soldaty Rimskoj imperii. Tradicii voennoj sluzhby i voinskaya mental'nost'. SPb., 2006.

Negin (2010). — Negin A.E. Rimskoe ceremonial'noe i turnirnoe vooruzhenie. SPb., 2010.

Shkarenkov (2004) — Shkarenkov P.P. Rimskaya tradiciya v varvarskom mire. Flavij Kassiodor i ego epoha. M., 2004

Tyulenev (2019) — Tyulenev V.M. Rimskaya shkola na pozdneantichnom latinskom Zapade (Yuzhnaya Galliya i Italiya v 5 – pervoj polovine 6 v.). Ivanovo, 2019.

Tyulenev (2014) — Tyulenev V.M. Slovo protiv mecha: novoe soderzhanie romanitas u Ennodiya // ANTIQVITAS AETERNA. Povolzhskij

antikovedcheskij zhurnal. Vyp. 4: Istoriya ponyatij, kategorial'nyj apparat sovremennoj istoricheskoj nauki i problemy (re)konstrukcii proshlogo / Pod red. A.V. Mahlayuka i O. L. Gabelko. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj universitet, 2014. S. 305-316.

Bougard (2012) — Bougard F. Des jeux du cirque aux tournois: que reste-t-il de la competition Antique ua haut Moyen Âge? // Agôn: la compétition, Ve-XIIe siècle / Eds. F. Bougard, R. Le Jan, Th. Lienhard. Brepols, 2012. P. 5-41.

Goltz (2002) — Goltz A. Gelehrte Barbaren? Antike Bildung und germanische Oberschicht in der Spätantike // Gelehrte in Antike / Hrsg. von A. Goltz, A. Luther und H. Schlage-Schöningen. Köln, 2002. S. 297-316.

Martindale (1980). — Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. AD 395–527. Cambridge: Cambridge University Press, 1980.

Mathisen (1997) — Mathisen R. W. Les Barbares intellectuels dans l'Antiquité tardive // Dialogues d'histoire ancienne. Vol. 23. № 2. 1997. P. 139-148.

Riché (1962) — Riché P. Éducation et culture dans l'Occident barbare. VI-e – VIII-e siècles. Paris, 1962.

Vitiello (2006) — Vitiello M. Il principe, il filosofo, il guerriero: Lineamenti di pensiero politico nell'Italia ostrogota. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2006.

“WON BY THE SPEAR”

THE IMPORTANCE OF THE *DORY* TO THE ANCIENT GREEK WARRIOR

Steven Ross MURRAY

The spear, or *dory,* was the major weapon of the ancient Greeks. The ancient Greek warrior, especially the hoplite, was known for his prowess in using the dory as a thrusting weapon in hand-to-hand combat and as part of the formidable Greek phalanx, but the dory, too, could be used as a missile weapon, when necessary. Other specialized throwing-spears were commonplace among the ancient Greeks’ arsenal of weapons. The Greeks incorporated a throwing loop, called an *ankyle*, that was used to maximize the distance that a spear could be thrown, enhancing the ancient Greeks’ military dominance on the battlefield. The dory, and its athletic kin, the javelin, or *akon* or *akonition*, were fixtures in ancient Greece, and often Greek soldiers would carry two spears into battle for an edge over their adversaries. The following is a description of the dory, its construction and development, and how modern-day experiments indicate how impressive the ankyle was at helping the ancient Greeks to achieve victory that was “won by the spear”.

Sophocles, in his fifth century BCE tragedy, *Ajax*, forever immortalized the importance of the spear, or *dory* (δόρυ), to the ancient Greeks. The dory was the weapon of choice for the ancient Greek warrior, especially the hoplite, who would typically be fitted with a helmet, greaves, and a shield for protection[1], but used the spear as his main offensive weapon. The dory simply was invaluable to the hoplite, and his masterful use of it was the reason for his successes. In fact, the conquering of a foe

[1] *Snodgrass* (1964). P. 137, *De Groote* (2016). P. 197-212.

HYPOTHEKAI
2020. Вып. 4. С. 74-88
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2020. Issue 4. P. 74-88
DOI: 10.32880/2587-7127-2019-4-4-74-88

as well as the capturing of booty was known as being "won by the spear" rather than the more ubiquitous phrase of being "won by the sword[2]". The spoils of war were referred to as "prizes of the spear" and "spear-won" by Sophocles (*Ajax.* 141-146, 210) and included such things as booty, brides, and slaves.

> Just so with the passing of the night loud tumults oppressed us to our dishonor, telling how you visited the meadow wild with horses and destroyed the cattle of the Greeks, their spoil, *prizes of the spear* which had not yet been shared, how you killed them with flashing iron (141-146, emphasis added).
>
> Daughter of Teleutas the Phrygian, speak, since for you his *spear-won* mate bold Ajax maintains his love, so that with some knowledge you could suggest an explanation (210, emphasis added).
>
> What insult will he forego against "the bastard offspring of his spear's war-prize," against your "cowardly, unmanly betrayer," dear Ajax (1014) (Soph. *Aj.* 141-146, 210, 1014)[3].

The dory, or hoplite's spear, was a constant with the famed warrior and essential to his success. The spear was constructed from a wooden shaft, with a metal spearhead fitted to one end and a metal butt-spike (*sauroter*, or "lizard killer") fixed to the other end. The length and style of the spear would not have been completely consistent, because hoplites were citizen-soldiers, they often built their own weapons. Regional variances, too, would affect the length, weight, and girth of the shafts. Differing sources of wood, based on the area from where the hoplite hailed as well as the accessibility of metals — bronze or iron — and the skilled craftsmen available to make the spearhead and sauroter, all would have affected the final qualities of the spear. Nonetheless, common traits of the spears can be ascertained from iconographic and archaeological evidence, as we have no complete surviving examples of the dory from antiquity.

Numerous vase paintings depict ancient Greek soldiers holding spears. From these images, we can estimate that a dory was a length equal to or greater than the warrior's height, but care must be taken here,

[2] *Anderson* (1991). P. 25.

[3] Perseus Digital Library. Retrived from http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0184%3Acard%3D134 (August, 2020).

as obviously not all hoplites were the same height and that artists were not bound by realism when creating the artwork. Further, modifications, over time, must have occurred, as the hoplites incorporated spears in their arsenal for several centuries. However, by looking at various images of hoplites and their spears, a fair estimate of a length of approximately 200 cm, perhaps longer, give or take 10-20 percent, would seem reasonable, but longer lengths are possible.

The shaft of the dory was wooden, and as such, each spear would have had differing dimensions, depending on the wood that was sourced, the craftsmen making it, and the personal preferences of the warrior who would use it. The archaeological evidence of extant spearheads and butt-spikes makes estimating the girth of the wooden shaft, at least where the shaft interfaced with the metal ends, at around 20 mm, and perhaps up to 25 mm, in diameter[4]. The shaft may or may not have been tapered, as the iconography on vases, other containers, and drinking vessels is inconsistent, but Aristophanes (Ar. *Peace*, 549n) refers to a spear-maker, which can be interpreted as a "spear-scraper," giving credence to the idea of tapered shafts.

A tapered shaft would lessen the overall weight of the spear, alter its center of gravity, and allow the grip to be placed at a personalized area, depending on the warrior's wishes. The type of wood used for the shaft varied over time. We know that Homer refers to ashen spears in the *Iliad* (Hom. *Il.* 4.47)[5], yet the only known surviving piece of wood, found in a sauroter, was of pine, hinting that either replacement shafts were made from whatever local wood could be sourced or that different woods were used originally. Both ideas are conjecture, however, as we have little formal evidence in support of either[6]. In the heroic age, as mentioned previously, ash is described as being used, but during the classical age, it is believed that cornel became in vogue, and later both olive and pine are thought to have been used[7].

[4] *Bardunias, Ray* (2016). P. 13-15

[5] "… with goodly spear of ash." Perseus Digital Library. Retrieved from https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.01.0134%3Abook%3D4%3Acard%3D1 (August, 2020).

[6] *Fink* (2014).

[7] *Fink* (2014). P. 34.

The spearhead of the dory was cast in metal, often from iron or bronze, depending on the period and the convenience of what metal was available, and had a leaf-shaped blade. The sockets on the spearheads were roughly 20 to 25 mm in diameter, but the overall length of the spearhead varied considerably, from 15 to 30 cm, perhaps longer. The socket was fixed to the wooden shaft using a resin or rivets or some combination thereof. If the dory were to be a thrusting-only weapon, a butt-spike (*sauroter* or "lizard killer") was installed on the rear of the spear's shaft.

The sauroter generally came in two shapes, pyramidal or cylindrical, and it served three primary functions: 1) to allow the spear to be planted in the ground (Hom. *Il.* 10.153), having it in a "ready" position for a warrior to grab easily as well as to prevent the rear of the shaft from rotting; 2) it would alter the spear's center of gravity more to the aft, increasing the distance that the spear could be thrusted toward an adversary; and 3) it could be used as an offensive weapon[8], hence how it earned its moniker of "lizard killer." Using the sauroter as a secondary stabbing weapon, especially if the spear had been damaged or fractured into two or more pieces, would have been effective for injuring a foe, and an excellent tool for delivering the *coup de grâce* on a not-yet-deceased, yet downed, opponent[9].

Although, the dory was the main offensive weapon of the hoplite — used typically as a thrusting weapon for stabbing and slicing his foe — ultimately to gain an advantage and to win in hand-to-hand combat. The dory, too, could have been used secondarily as a throwing weapon, similar to the athletic javelin, or (*akontion* or *akon*). Ammonios tells us that the two implements, while different, could be used as missile weapons.

Akontion is different from dory. The *akontion* is smaller than the *dory*, while the *dory* is the largest missile that is thrown by hand[10].

We have long known that missile weapons were part of the arsenal of the ancient Greek warrior. Tyrtaeus, the Spartan lyric poet, describes where "light-armed" soldiers, being protected with shields, used rocks and spears to pelt their foes (*Tyrtaeus*, 8.28; 11-13; 35-38). The warrior

[8] *De Groote* (2016). P. 204
[9] *Murray, Sands, O'Roark* (2011). P. 139.
[10] *Ammonios* (2004). P. 48.

to which Tyrtaeus is referring, however, is different from the hoplite, but very much an integral part of the phalanx, and not just a supporting figure[11]. The differentiation between these types of warriors was not always clear[12], especially during the Archaic period, and this is best depicted in a drinking cup, called a *kylix*, from the Athenian Agora (see Figure 1. P. 82). On the inside of the kylix, a painting portrays a Greek warrior, running, carrying a shield and two spears, while wearing greaves and a leather cap. He is similar to a hoplite, but the absence of a bronze helmet is telling, suggesting that he is one of the "light-armed" warriors that Tyrtaeus described because he carries a shield, providing him cover. Further, the depicted warrior carries two spears, of unequal length, with differing spearheads. These differences, however, are key in distinguishing the *dory* from the *akon* or some similar, missile weapon.

Of the two weapons, the one on the top is shorter, with a smaller spearhead, suggesting that it could be used more effectively as a throwing-implement rather than a thrusting-weapon. Snodgrass[13] suggests that the size of the spear is but one criterion for signaling that a spear is for throwing and that the slenderness of the spearhead is, too, an important criterion, provide it is light in weight. The pictured warrior's spears have shafts of roughly the same length, similar to his height, sleek in appearance, and look to be light enough to be used effectively as missile weapons. Neither weapon has a sauroter to serve as a counter-weight to its spearhead, but this is consistent with the period and archaeological record. The sauroter is known to have "disappeared" at the end of the Bronze Age, especially in southern Greece, and possibly came back into favor during the seventh century B.C.E.[14], but according to Snodgrass[15] was still considered to be rare. The characteristics of the spears would make them useful for throwing, especially the absence of the sauroter. The butt-spike would weigh down the tail of the spear, meaning it would fly awkwardly, with its tail much lower than its spearhead. In all likelihood, the spear would land on its tail rather than its forward tip, making the weapon quite limited in its effectiveness as a throwing implement.

[11] *van Wees* (2000). P. 146-156.
[12] *Krentz* (2002). P. 29.
[13] *Snodgrass* (1964). P. 137.
[14] *Anderson* (1991). P. 25.
[15] *Snodgrass* (1964). P. 133.

A warrior having two spears, with one being shorter and perhaps lighter, would be a sound tactic in battle. The shorter spear could be used as a missile weapon, perhaps injuring and weakening a warrior's adversary, while the longer, heavier spear could be used in hand-to-hand combat as a thrusting-weapon. Anderson states: "But the two spears of the epic hero are used indifferently for throwing or for thrusting; it is the use of the first spear for throwing that renders a second spear necessary for thrusting at close quarters"[16].

Further, van Wees writes[17], "hoplite equipment regularly included two spears, at least one of which was normally thrown before the solider engaged in closer combat".

Three distinct iconographic examples are found in the archaeological record supporting that the ancient Greek hoplite carried two spears, of unequal length, into battle. The first example is a seventh-century B.C.E. Protocorinthian flask (*aryballos*), used to carry oil (see Figure 2. P. 83). The second artifact is an alabastron from Corinth, from the seventh century (see Figure 3. P. 84). The last piece of evidence is a Protocorinthian olpe, today referred to as the Chigi vase, dating from 640 B.C.E. (see Figure 4. P. 85).

The aryballos pictures warriors with two spears, but the detail of the artwork is limited and provides modest features of the spears themselves. On the left, a warrior is depicted carrying two spears, one in his right hand, at the level of his waist, with his arm bent so that he could use the spear in an underhand-thrusting movement; the other spear is located wedged between the warrior's left hand and his shield. He faces four opponents. Two of them also are armed with two spears, but they hold one spear over their heads, with their right hands, and the other spear is drawn by their shield-carrying left hand, near their wrists. Another combatant and archer are depicted to the rear of the hoplite, but we cannot be certain if they are his friend or foe. The battle-scene seems to mimic Tyrtaeus's description of battlefield tactics. Anderson writes,

> ...it seems to portray the state of affairs already deduced from Tyrtaeus — the intermingling of armored and unarmored men and the use

[16] *Anderson* (1991). P. 16.
[17] *van Wees* (2000). P. 148.

> of missile weapons, including the bows and arrow, which Tyrtaeus does not mention. The hoplite's spear may be for throwing...[18].

Unfortunately, the limited artistic detail informs of little of the specifics of the spears, but it does suggest that hoplites used two spears.

A hoplite's battlefield equipment is shown on an alabastron from Corinth (see Figure 3). Of particular interest are the two spears pictured. One spear is longer, with a broad spearhead and thicker shaft, providing evidence that it would be a thrusting-weapon, while the other spear is shorter, with a thinner shaft, and is fitted with a throwing loop. The throwing loop, called an ankyle (Greek: άγκῦλη, Latin: *amentum*), was a leather strap, affixed to the spear to allow the thrower to increase the distance of his throws. Modern research has shown that the ankyle can increase the distance that the dory is thrown by 50.5 percent[19], a significant improvement. A similar study examined the effect the anklye made on throws of the athletic javelin, or *akon* or *akonition* — a lighter implement, designed for throwing — and an increase of 58 percent was noted[20].

The ankyle differed on the akon versus the dory in that the former was "free" — indicating that the leather strap was wrapped around the javelin, back on itself to temporarily secure it to the akon, with no knot used — while the dory had the ankyle attached permanently. Miller states:

> …it is clear that the ankyle was not tied to the shaft of the akon: it would fall off after unwinding completely. Indeed, the vase paintings clearly show that no knot was used on the ankyle[21].

Modern reenactments with the javelin show that it was, indeed, the case, and that three wraps around the javelin, with the ankyle, would work well (see Figure 5. P. 86)[22].

The military spear would require immediate readiness. Hence, the rationale for the ankyle being firmly and permanently attached to the dory. Harris[23] asserts that because military tactics required "instant ac-

[18] *Anderson* (1991). P. 17.

[19] *Murray, Sands, O'Roark* (2011). P. 137-151.

[20] *Murray, Sands, Keck, O'Roark* (2010). P. 43-55, 329-333.

[21] *Miller* (2004). P. 69.

[22] *Murray, Sands, Keck, O'Roark* (2010). P. 43-55, 329-333; *Murray, Ross, Sands, A. O'Roark* (2012) P. 143-154.

[23] *Harris* (1963). P.29.

tion," "…the thong [ankyle] of the military javelin must obviously have been permanently attached to the shaft." Plutarch (Plut. *Vit. Phil*. 6.4-5) tells us this indirectly when he describes where an ancient warrior, named Philopoemen, had his thigh pierced by a spear during battle and that the weapon could not be removed because the ankyle prevented it. With that being the case, it is obvious that the ankyle was firmly attached to the spear. Another ancient writer, Livy (*Livy* 37.41), describes where the ankylai on spears of soldiers before the Battle of Magnesia in 190 B.C.E. were softened and stretched after being in the rain, reducing their effectiveness. If the ankylai were easy to remove, no experienced soldier would allow them to get wet to the point where they would be ineffective. Further, the iconography completely confirms that the military spears used fixed ankylai; the shorter spear on the Corinthian alabastron is depicted with an ankyle, and the spears on the Chigi vase have attached, throwing loops clearly displayed. The historical evidence, both literary and pictorial, demonstrates that spears were thrown by the ancient Greek warriors. Snodgrass states:

> It seems an inescapable conclusion that the early hoplite often, though not invariably, went into battle carrying two or more spears; and it is very probable that one at least of these was habitually thrown[24].

The evidence is clear. The ancient Greek warrior used the dory as a thrusting weapon, in close combat, and his adeptness with it led to many successes. The battle strategy and tactics of the ancient Greek phalanx are beyond the scope of this article, but there is no doubt that using thrusting and throwing weapons led to great success of the ancient Greek warrior. The adage, "won by the spear" denotes just how important the dory was to the Greek hoplite, but not only as a thrusting weapon, but as a missile weapon, too, with the appropriate modifications. The use of an affixed ankyle on a throwing spear most definitely increased the range of the weapon. Modern research indicates that an improvement of 50.5 percent is realistic, depending on the style of the spear. With that kind of increase, it is easy to see how victory was "won by the spear."

[24] *Snodgrass* (1964). P. 138.

Figure 1.

Detail of the interior of a black-figure Siana cup found in the Athenian Agora, ca. sixth century B.C.E., depicting a Greek warrior, running at full stride, carrying two spears of unequal length and a shield. See M. B. Moore and M. Z. Philippides. *The Athenian Agora, Volume XXIII: Attic Back-Figured Pottery*, Princeton, 1986, 299-300, no. 1678. The photograph is the courtesy of The American School of Classical Studies. The image and description were published previously in S. R. Murray et al. Throwing the Ancient Greek *Dory*: How Effective is the Attached *Ankyle* at Increasing the Distance of the Throw? *Palamedes* 6 (2011), 137-151.

Figure 2.

Protocorinthian Aryballos, c. 690–680 B.C.E., from Lechaion (Corinth Museum CP-2096); see Snodgrass, *Early Greek Armour and Weapons: From the End of the Bronze Age to 600 B.C.*, Edinburgh 1964, pl. 15. The images are the courtesy of the University of California Press. The image and description were published previously in S. R. Murray et al. Throwing the Ancient Greek *Dory*: How Effective is the Attached *Ankyle* at Increasing the Distance of the Throw? *Palamedes* 6 (2011), 137-151.

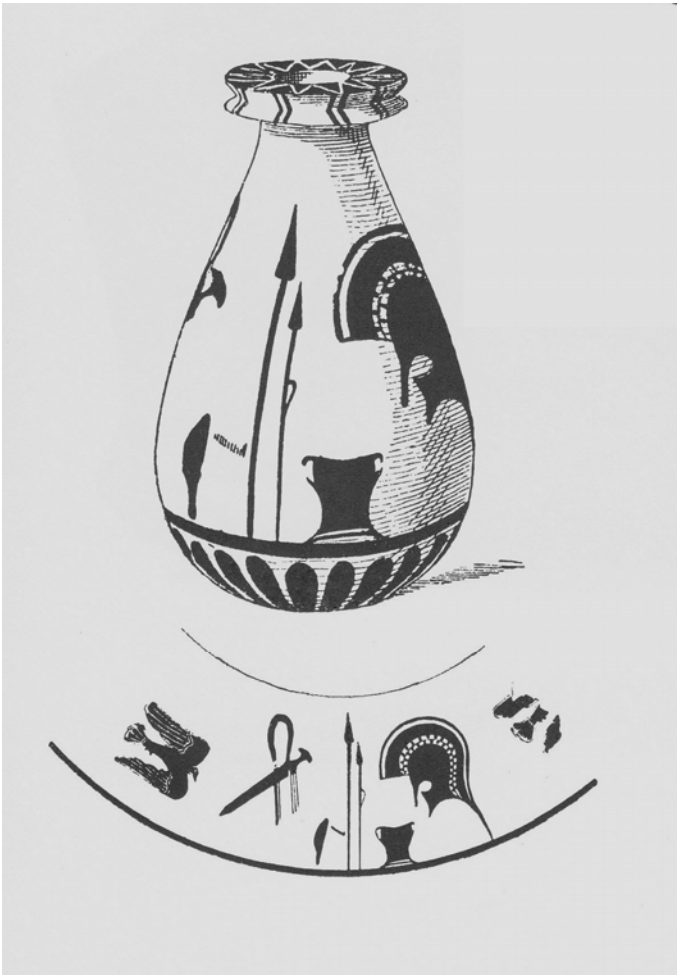


Figure 3.

An alabastron from Corinth, ca. 625 B.C.E. (Berlin 3148), depicting hoplite equipment, especially two spears, with one being shorter and having an attached throwing loop, or *ankyle* (Greek: ἀγκῦλη, Latin: *amentum*). The image and the description were published previously in S.R. Murray et al. Throwing the Ancient Greek *Dory*: How Effective is the Attached *Ankyle* at Increasing the Distance of the Throw? *Palamedes* 6 (2011), 137-151.

Figure 4.

Protocorinthina olpe, now known as the Chigi vase, ca. 640 B.C.E., depicting Greek warriors outfitted with spears and shields; note that each spear on the left of the image is fitted with a throwing loop, or *ankyle*. The photograph is the courtesy of Dr. Jeffrey M. Hurwit of the Department of Classics and the Department of Art History at the University of Oregon. The figure and description were published previously in S. R. Murray et al. Throwing the Ancient Greek *Dory*: How Effective is the Attached *Ankyle* at Increasing the Distance of the Throw? *Palamedes* 6 (2011), 137-151.

Figure 5.

An athlete holding a javelin, with a leather thong (Greek: ἀγκύλη, Latin: *amentum*) fastened around the shaft. Detail from an Attic red-figure cup, ca. 470 B.C.E. Paravey Collection, Louvre Museum, Paris, France. Photograph by Maria-Lan Nguyen. Used with permission.

REFERENCES

Ammonios (2004) — Ammonios, On Similar and Different Words 23, from the translation of S.G. Miller // Arete: Greek Sports from Ancient Sources. Berkeley: University of California Press, 2004.

Anderson (1991) — Anderson J. K. Hoplite Weapons and Offensive Arms // Hoplites: The Classical Greek Battle Experience / Ed. V.D. Hanson. London: Routledge, 1991. P. 15-37.

Bardunias, Ray (2016) — Bardunias Paul M. and Ray F.E., Jr. Hoplites at War: A Comprehensive Analysis of Heavy Infantry Combat in the Greek World, 750-100 BCE. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2016.

De Groote (2016) — De Groote K. R. 'Twas When My Shield Turned Traitor'! Establishing the Combat Effectiveness of the Greek Hoplite Shield // Oxford Journal of Archaeology 35(2). 2016. P. 197-2012.

Fink (2014) — Fink D.L. The Battle of Marathon in Scholarship: Research, Theories and Controversies Since 1950. Jefferson, North Carolina: McFarland & Company, Inc., Publishers, 2014.

Harris (1963) — Harris H.A. Greek Javelin Throwing // Greece & Rome, Second Series 10 .1963. P. 26-36.

Krentz (2002) — Krentz P. Fighting by the Rules: The Invention of the Hoplite Agon // Hesperia 71. 2002. P. 23-39.

Miller (2004) — Miller S.G. Arete: Greek Sports from Ancient Sources. Berkeley: University of California Press, 2004.

Murray, Sands, Keck, O'Roark (2010) — Murray S. R., Sands W.A., Keck N.A., O'Roark D.A. Efficacy of the Ankyle in Increasing the Distance of the Ancient Greek Javelin Throw // Nikephoros: Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum, 23. 2010. P. 43-55.

Murray, Sands, O'Roark (2011) — Murray S. R., Sands W.A., O'Roark D. A. Throwing the Ancient Greek Dory: How Effective is the Attached Ankyle at Increasing the Distance of the Throw? // Palamedes 6 . 2011. P. 177-186.

Murray, Sands, O'Roark (2012) — Murray S. R., Sands W.A., O'Roark D.A. Recreating the Ancient Greek Javelin Throw: How Far Was the Javelin Thrown? Nikephoros: Zeitschrift für Sport und Kultur im Altertum, 25. 2012. P. 143-154.

Snodgrass (1964) — Snodgrass A. Early Greek Armour and Weapons: From the End of the Bronze Age to 600 B.C. Edinburgh: Edinbourgh University Press, 1964.

van Wees (2000) — van Wees H. The Development of the Hoplite Phalanx: Iconography and Reality in the 7th Century // War and Violence in Classical Greece / Ed. H. van Wees. London: Duckworth and the Classical Press of Wales, 2000. P. 125-166.

«КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ»

СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ МАКЕДОНСКИХ ФАЛАНГИТОВ В ЭПОХУ ФИЛИППА II И АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО

А.А. Клейменов

В статье рассматриваются организация, содержание и результативность процесса обучения воинов македонской фаланги во времена Филиппа II и Александра III. Основой исследования выступает сопоставление прямых указаний восходящей к Эфору античной письменной традиции с другими данными о социально-политическом и военном развитии Македонии IV в. до н.э. Определяется, что македонская тяжеловооруженная пехота комплектовалась преимущественно выходцами из сельской местности, отличавшимися хорошим уровнем физического развития. Возможность отбора кандидатов в войско была обеспечена высоким демографическим потенциалом страны. К вступлению в состав царской армии македоняне были мотивированы возможностью повышения социального статуса и улучшения материального положения посредством получения денежного жалования и земельного надела. Особенности македонской фаланги как типа построения определили содержание обучения новобранцев. Оно включало в себя строевую подготовку, в ходе которой формировалось умение строиться в различные типы боевого порядка и слаженно двигаться в соответствии с командами. Важным компонентом обучения было усвоение приемов обращения с длинным копьем-сариссой. Для обеспечения мобильности армии, выработки у бойцов выносливости практиковались учебные марши с полным воинским снаряжением и запасом провианта. Целый комплекс мер был нацелен на формирование строгой воинской дисциплины, не характерной для македонской пехоты в предшествующее время. Все это позволило быстро создать и последовательно увеличивать фалангу сариссофоров. Имеющиеся недостатки в индивидуальной подготовке компен-

HYPOTHEKAI
2020. Вып. 4. С. 89-120
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2020. Issue 4. P. 89-120
DOI: 10.32880/2587-7127-2019-4-4-89-120

сировались в процессе накопления воинами боевого опыта, чему способствовал профессиональный характер македонской армии. Организационно корпус фалангитов был разделен на таксисы, имевшие постоянный состав и включавшие в себя уроженцев одного региона, причем как ветеранов, так и молодежь. В боевом построении фаланги наиболее опасные и ответственные позиции занимали опытные воины. Это обеспечивало боеспособность каждого таксиса и сохранение жизни неопытных фалангитов, получавших возможность перенимать навыки и умения у ветеранов.

Военная отрасль, наряду со здравоохранением и образованием, является направлением человеческой деятельности, в котором хорошая обученность выступает важнейшим залогом успеха, а ошибки в подготовке кадров обходятся слишком дорого. Последствиями плохой работы системы военного обучения для воина могут стать увечье и смерть, а для страны — поражение и утрата независимости. Это обусловило бессмертие слов великого полководца и военного педагога А.В. Суворова, который одновременно с назиданием и гордостью заявил: «За ученого трех неученых дают. Нам мало трех! Давай нам шесть! Давай нам десять на одного!»[1]. Подтверждение истинности данных слов обнаруживается не только в судьбе самого графа Рымникского и князя Италийского. Впрочем, когда речь заходит о временах очень отдаленных, выявление особенностей системы воинского обучения и ее влияния на результаты войн является непростой задачей. В этом отношении особенно показательна эпоха Филиппа II и Александра Великого, чьи громкие победы продемонстрировали подавляющее превосходство македонской «военной машины» над основными оппонентами и превратили «македонскую фалангу» в один из самых известных символов древней военной истории.

Нельзя не отметить, что античная письменная традиция сообщает о процессе обучения македонской пехоты эпохи великих завоеваний весьма лаконично. По сути, в нашем распоряжении есть два блока информации. Первый из них связан с мероприятиями,

[1] *Суворов* (2017). С. 48.

проведенными Филиппом II после его прихода к власти, и восходит к рассказу Эфора[2]. Его данные наиболее объемно представлены в сочинении Диодора Сицилийского, где упоминаются собрания, поднявшие моральный дух македонян, меры по улучшению организации армии, обеспечение людей подходящим военным снаряжением, непрерывные занятия в строю с оружием (συνεχεῖς ἐξοπλασίας) и тренировки боевых умений (γυμνασίας ἐναγωνίους ἐποιεῖτο). Автор к этому времени относит внедрение сомкнутых боевых порядков и создание «македонской фаланги» (τὴν Μακεδονικὴν φάλαγγα) (Diod. XVI.3.1-2). Данные той же традиции содержатся в сборниках стратегем. Согласно Полиэну, Филипп приучал македонян проходить по 300 стадий, неся с собой шлемы, щиты-пельты, поножи, сариссы, а также провиант и иное походное снаряжение (Polyaen. IV.2.10). Фронтин сообщает, что Филипп, впервые собирая войско, запретил пользоваться повозками, ограничил число обозной прислуги, выступающим в поход воинам приказывал нести на себе тридцатидневный запас муки (Front. *Strat.* IV.1.6). Второй блок информации об обучении македонской армии связан с правлением Александра, который, согласно Диодору, сразу после прихода к власти устраивал учения в строю с оружием (ἐξοπλισίας μελέτας) и военные упражнения (γυμνασίας πολεμικὰς), делая воинов дисциплинированными (εὐπειθῆ) (Diod. XVII.2.3).

Получить представление о системе обучения бойцов македонской фаланги можно лишь посредством сопоставления этих фрагментарных сообщений с другими данными о социально-политическом и военном развитии Македонии IV в. до н.э. Прежде всего, необходимо обратить внимание на особенности человеческих ресурсов страны, ставших базой для формировании корпуса тяжеловооруженной пехоты. Определяется, что население Македонии вело преимущественно сельский образ жизни, так как урбанизация страны, особенно по сравнению с Грецией, была слабой[3]. Ведущими занятиями являлись землепашество, пастушеское скотоводство, охота, добыча древесины и металлов, а привычные к физическому труду и сравнительно холодным зимам жители были крепкими и

[2] *Hammond* (1980). P. 56.
[3] *Hammond* (1979). P. 199.

выносливыми[4]. Это были преимущественно свободные общинники, которые в дофилипповское время формировали пешее ополчение, отличавшееся плохим вооружением и низкой дисциплиной[5]. Несмотря на последнее обстоятельство, наличие воинских качеств было обязательным для полноценного члена социума. Македония являлась страной с сильными пережитками родоплеменных отношений, а в подобных обществах отождествление понятий «свободный общинник» и «воин» весьма устойчиво[6]. Способность выступать в роли воина была важным условием для социализации македонских юношей. Согласно «Политике» Аристотеля, у македонян ранее существовал обычай, согласно которому человек, не убивший ни одного врага, обязан был подпоясываться недоуздком (Arist. *Pol.* VII.2.6). Контекст сообщения позволяет считать указанное правило исчезнувшим до воцарения Филиппа II, однако восприятие свободного македонянина как воина не исчезло. Так, среди мужской части населения страны были распространены танцы с оружием, призванные пробудить воинственный дух и физически подготовить молодежь к сражениям[7]. Популярным способом времяпрепровождения являлась охота. Афиней передает сведения Гегесистрата, согласно которым в период жизни Кассандра (то есть, в эпоху Филиппа и Александра. — *А. К.*) у македонян был обычай, запрещавший возлежать за столом тем, кто не убил на охоте копьем дикого кабана (Athen. I.18a). Занятие охотой, безусловно, наделяло македонян качествами, полезными для воинов. Здесь можно опереться на авторитетное мнение Ксенофонта, считавшего, что охота лучше всего учит военному делу, так как укрепляет дух и тело, приучает передвигаться с оружием по любым дорогам и исполнять приказы, формирует неприхотливость и выдержку (Xen. *Cyneg.* 12; *Cyrop.* I.2.10). Возможность отбора кандидатов в войско была обеспечена и достаточно высоким демографическим потенциалом страны: согласно современным подсчетам, общее количество мужчин, годных для

[4] *Thomas* (2007). P. 48-49, 53-54; *Gabriel* (2010). P. 34-36.

[5] *Шофман* (1960). С. 111-112; *Шахермайр* (1984). С. 14-15; *Bosworth* (1988). P. 10.

[6] *Gat* (2006). P. 229.

[7] *Wheeler* (1982). P. 230.

несения военной службы, в Македонии времен Филиппа и Александра достигало 200-300 тысяч[8].

Превращение македонских общинников в бойцов непобедимой фаланги произошло в рамках инициированного Филиппом II процесса строительства новой армии. Его частью являлось создание корпуса тяжеловооруженной пехоты, осуществленное практически с нуля, так как в предшествующее реформам время в Македонии институт гоплитии из-за особенностей социально-экономического развития не был сформирован[9]. Благодаря пребыванию заложником в Фивах в годы юности Филипп непосредственно познакомился с греческим опытом применения пехоты, который он, несомненно, использовал[10]. Тем не менее, царь-реформатор не стал переносить на македонскую почву эллинский вариант фаланги, а создал новую, отличавшуюся более глубоким построением и экипировкой воинов, имевших сравнительно небольшие щиты и более длинные двуручные копья-сариссы, позволявшие воздействовать на противника на более дальней дистанции и прикрывать передний край построения сразу несколькими рядами копий[11]. Как отметил М.А. Сирс, внедрению нового типа построения способствовало то, что македонские крестьяне не были носителями греческой «гоплитской» культуры и не имели связанных с ней предубеждений против иных типов пехоты[12]. Создание фаланги началось вскоре после прихода Филиппа II к власти: об этом свидетельствуют обстоятельства битвы на Лихнидском озере 358 г. до н.э., которая закончилась победой Филиппа над войском иллирийского царя Бардила, годом ранее полностью разгромившего армию македонского царя Пердикки III. В сражении одну из решающих ролей сыграла отборная пехота Филиппа[13], что в

[8] См. *Thomas* (2007). P. 49; *Anson* (2008). P. 25.

[9] *Billows* (1995). P. 12; *Anson* (2013). P. 18; *Greenwalt* (2014). P. 42.

[10] См. Diod. XVI.2.2; Just. VII.5.1; Plut. *Pelop.* 26. Об первичных источниках этой информации и влиянии фиванского периода жизни Филиппа на реформаторскую деятельность Филиппа: *Hammond* (1997).

[11] См.: *Garlan* (1972). P. 96-98; *Noguera Borel* (1996). P. 839-850; *Le Bohec-Bouhet* (1999). P. 77-79; *Коннолли* (2000). С. 68-70; *Brizzi* (2004). P. 32-34.

[12] *Sears* (2019). P. 160.

[13] См. Diod. XVI. 4.3-7; Front. *Strat*. II.3.2.

совокупности с указаниями эфоровской традиции позволяет принять точку зрения, согласно которой к тому времени некоторая часть македонян уже была вооружена сариссами и обучена сражаться в фаланге[14].

Это был важный рывок в развитии македонского военного дела, так как всего за год Филиппу удалось создать эффективную тяжеловооруженную пехоту. Конечно, в полном виде процесс строительства новой македонской армии должен был занять почти все время царствования Филиппа[15]. Продолжилось и обучение фалангитов. Об этом свидетельствует поступательное увеличение размеров фаланги. Если в битве на Лихнидском озере 358 г. до н.э. участвовали около 10 000 македонских пехотинцев (Diod. XVI.4.3), из которых, видимо, лишь часть сражалась в строю фаланги, то в сражении на Крокусовом поле в объединенном македоно-фессалийском войске Филиппа было уже 20 000 пехотинцев (Diod. XVI.35.5). К концу правления царь-реформатор обладал армией, македонское ядро которой включало уже 24 000 тяжеловооруженных пехотинцев[16]. Согласно различным оценкам, к началу Восточного похода в 334 г. до н.э. в македонской армии насчитывалось от 18 000 до 21 000 фалангитов, разделенных на полки-таксисы по 1 500 человек в каждом, шесть из которых Александр взял с собой в Азию[17]. Во время самой экспедиции к Александру периодически прибывали подкрепления из Европы. Известно, в Гордии к экспедиционным силам присоединились 3 000 македонских пехотинцев (Arr. *Anab.* I, 29, 4), а спустя три года в Ситтакене еще 6 000 (Diod. XVII, 65, 1; Curt. V, 1, 40; 42). Судя по контексту античных сообщений, пополнение сил царя осуществлялось не за счет оставленных на Балканах войск, а посредством призыва новобранцев[18]. Через специальную подготов-

[14] *Hammond* (1980). P. 58; *Anson* (2010). P. 63. Иное мнение см. *Markle* (1977). P. 331; *Markle* (1978). P. 483-497; *Mattew* (2015). P. 35-46.

[15] *Ellis* (1976). P. 52; *Griffith* (1979). P. 407.

[16] *Griffith* (1980). P. 59; *Anson* (2008) P. 18-19; *Нефёдкин* (2019). С. 48.

[17] *Milns* (1976). P. 104-105; *Rzepka* (2008). P. 43-45; *Нефёдкин* (2019). С. 51-52.

[18] *Noguera Borel* (2006). P. 231.

ку для службы в фаланге должны были пройти все пополнявшие ее македоняне. Так, прибывавшие в Азию пехотинцы, очевидно, обучались еще в Македонии[19]. В случае масштабного набора в армию подготовка новых воинов превращалась в комплекс мероприятий государственного значения, который и фиксировался в источниках. Это имело место как в начале правления Филиппа, так и после прихода к власти Александра. В армии, с которой последний начинал азиатскую экспедицию, новобранцы составляли, как предполагается, до 25% личного состава[20].

Поступательный рост численности корпуса тяжеловооруженных пехотинцев обеспечивался высокой мотивацией македонян. В начале своего царствования Филипп, судя по данным Диодора, формировал ее на собраниях, где речами поднимал дух македонян, растерянных из-за разгрома войска Пердикки и большой опасности, нависшей над страной (Diod. XVI.3.1). Призывы спасти страну от гибели тогда сработали, однако в дальнейшем мотивация новобранцев была обеспечена иными факторами. Вхождение в состав царской армии для македонян означало смену социального статуса, так как жители селений превращались в педзетайров (πεζέταιροι), то есть «пеших друзей», отчасти приближенных по своему положению к аристократам[21]. Улучшалось и их материальное положение, так как педзетайры получали денежное довольствие и земельные наделы из царского фонда[22]. Благодаря этому комплектовалась армия, профессиональная по своему характеру, но тесно связанная с породившей ее страной[23].

Все вышеперечисленное позволяет заключить, что македонская система подготовки бойцов фаланги подразумевала обучение физически пригодных к воинской службе, высоко мотивированных, но не знакомых с особенностями тяжелой пехоты как рода войск новобранцев, при этом данная система обеспечивала весьма быстрый рост численности фалангитов и их боевую эффективность.

[19] *Фор* (2008). С. 84-85.
[20] *Нефёдкин* (2019). С. 70.
[21] *Griffith* (1979). 405-406, 414-415.
[22] *Anson* (2008). P. 17-20; *Gabriel* (2010). P. 83.
[23] *Billows* (1995). P. 16; *Hatzopoulos* (1996). P. 443.

Ключом стала сама македонская фаланга, для обеспечения боеспособности которой следовало, прежде всего, сформировать у личного состава умение действовать сариссами и сохранять построение[24]. Обучение этому не подразумевало индивидуального подхода и больших затрат времени, что, как указано в научной литературе, могло быть одним из факторов, подтолкнувших Филиппа к выбору данного пути развития пехоты в кризисный для царства Аргеадов период[25]. Впрочем, простоту необходимой для фалангитов подготовки не следует преувеличивать: длинная сарисса была весьма неудобна в обращении и даже обычное передвижение в строю фаланги требовало от бойцов большой слаженности движений[26].

Авторы эллинистических тактических трактатов подробно описывают различные варианты построения македонской фаланги, упоминая, что она могла состоять из 32, 16 и 8 шеренг, при этом дистанция между бойцами составляла 4, 2 и 1 локоть соответственно (Asclep. *Tact.* 2.1; 4.1-3; Ael. *Tact.* 4; 11; Arr. *Tact.* 5.5-6). Последний, неглубокий, но наиболее плотный вариант построения применялся для сдерживания вражеского наступления (Ael. *Tact.* 11). Все строевые эволюции осуществлялись в строго определенном порядке по командами, подаваемым голосом, видимыми знаками или звуками трубы (Asclep. *Tact.* 12.10; Ael. *Tact.* 34; Arr. *Tact.* 27.1-5). Эти же принципы построения фаланги и обеспечения ее маневрирования, несомненно, применялись и в эпоху великих македонских завоеваний[27]. У македонских новобранцев было нужно сформировать и отработать до автоматизма умение строиться в различные типы боевого порядка, совершать перестроения и слаженно двигаться в соответствии с командами. Все эти качества формировались на упомянутых Диодором «занятиях в строю с оружием» (см. Diod. XVI.3.1; XVII.2.3). Отрывочные данные источников и отсутствие у македонян своего опыта использования фаланги заставляют согла-

[24] *Hammond* (1989). P. 103; *Ashley* (1998). P. 37-38; *Gabriel* (2010). P. 63-64; *Anson* (2010). P. 63-65.

[25] *Anson* (2010). P. 63-65; *Gabriel* (2010). P. 63.

[26] *Heckel, Jones* (2006). P. 12.

[27] *Секунда* (2004). С. 38-40; *Bosworth* (1988) P. 260-261; *English* (2009). P. 21.

ситься с выводом об участии греческих инструкторов в обучении первых сариссофоров[28]. В дальнейшем эти функции, видимо, были возложены на самых опытных и заслуженных педзетайров[29]. Результаты строевой подготовки македонских тяжеловооруженных пехотинцев были весьма высоки. Как показывают военные события, фаланга Филиппа и Александра могла осуществлять сложные строевые маневры даже в трудных боевых условиях. В качестве примеров можно указать решающие битвы эпохи — сражение при Херонее 338 г. до н.э., где фаланга Филипп осуществила ложное отступление с последующей решительной контратакой[30], а также битву при Гавгамелах 331 г. до н.э., в ходе которой фалангиты сумели избежать пагубных последствий атак персидских серпоносных колесниц, быстро формируя проходы для них в своих боевых порядках, а затем столь же быстро смыкая строй[31]. Акцент на строевой подготовке новобранцев не только обеспечивал тактическую эффективность фаланги, но имел и иные, не менее важные последствия. Даже в наши дни, когда строевая подготовка утратила прямое тактическое значение, она является важным инструментом укрепления воинской дисциплины, средством развития коллективизма и исполнительности[32]. Проводя строевые учения, Филипп и Александр не только обеспечивали сохранение порядков фаланги в бою, но и прививали своим фалангитам дисциплину, которой македонской пехоте в предшествующее время явно не хватало[33].

Большим значением также обладали упомянутые Диодором тренировки боевых умений (Diod. XVI.3.1). Прежде всего, новобранцы обучались обращению с длинной сариссой. Отчасти Филиппу и Александру должно было помочь то, что принципы исполь-

[28] *Нефёдкин* (2019). С. 44.

[29] *Фор* (2008). С. 85.

[30] *Hammond* (1980). P. 60-61; *Ashley* (1998). 156-157; *Hanson* (1999). P. 150; *Ray* (2012). P. 134.

[31] Подробнее по этому вопросу см. *Нефёдкин* (2020). С. 34-38.

[32] *Апакидзе, Дуков* (1987). С. 3.

[33] Наиболее примечательный в этом отношении случай передает Фукидид, упомянувший ночное паническое бегство македонян из собственного лагеря накануне сражения с иллирийцами и линкестами (Thuc. IV, 125, 1-2).

зования тяжелого копья с двуручным хватом многим уроженцам сельских общин были знакомы благодаря практике охоты на кабанов[34]. Тем не менее, новобранцам следовало выучить приемы обращения с сариссой при разном варианте построения фаланги, а также развить необходимую для этого выносливость[35]. Неизвестно, практиковались ли педзетайры в использовании иного древкового оружия. Существует несколько письменных фрагментов, которые могут быть восприняты как свидетельства применения фалангитами дротиков (см. Arr. *Anab.* I.21.2; III.26.3; Diod. XVII.11.3-4; Polyaen. II.38), в связи с чем некоторые из исследователей склонны считать распространенные на Балканах той эпохи метательные копья вспомогательным вооружением сариссофоров[36]. Согласно другому мнению, македонские фалангиты использовали в качестве дополнительного оружия обычные гоплитские копья, чему также специально обучались[37]. Основным предметом вооружения педзетайров, конечно, была сарисса, и они со временем научились весьма ловко манипулировать этим достаточно громоздким копьем. Так, в битве при Херонее отступавшая лицом к неприятелю македонская фаланга с помощью своего оружия успешно защищалась от атак наседавших афинян (Polyaen. IV.2.2). В 335 г. до н.э., во время военных действий на берегах Дуная, пехотинцы Александра сариссами пригибали хлебные колосья на пути следования армии (Arr. *Anab.* I.2.5). Особенно ярко разрушительную силу атаки фалангитов описал Диодор, сообщающий, что во время неожиданного нападения на индийских наемников, до того сдавшихся Александру, македоняне своими сариссами пробивали щиты врагов и вонзали им в легкие железные наконечники (Diod. XVII.84.4)[38].

[34] *Gabriel* (2010). P. 65.

[35] Попытку реконструкции набора приемов обращения с сариссой, использовавшихся македонскими фалангитами, см. *Mattew* (2015). P. 167-224.

[36] *Ashley* (1998) J.R. Op. cit. P. 35; *Коннолли* (2000). С. 70; *Mattew* (2015). P. 49-51.

[37] *Griffith* (1980). P. 58-59; *Hammond* (1994). P. 19.

[38] Ср. Curt. VIII.10.33-38; Arr. *Anab.* IV. 27.3-4; *Metz Epit.* 39-45.

Другим элементом обучения фалангитов, известным благодаря восходящим к Эфору сообщениям античных «Стратегем», являлась маршевая подготовка, подразумевавшая организацию переходов, во время которых пехотинцы двигались, неся на себе доспехи и сариссы, походное снаряжение и провиант на 30 дней. Полиэн упоминает о том, что Филипп приучал солдат преодолевать по 300 стадий (Polyaen. IV.2.10), что составляет около 55 км[39]. Такие тренировочные марши формировали у пехотинцев умение двигаться в походной колонне, развивали общую выносливость. Прямым следствием стало приспособление пехоты к быстрым переходам. В условиях реальных военных кампаний указанные Полиэном показатели в большинстве случаев были, конечно, труднодостижимыми[40], однако значение маршевой подготовки тяжеловооруженной пехоты, являвшейся наименее подвижным родом войск эпохи, было огромным. В совокупности с отказом от обозов, она привела к росту мобильности всей армии, которая теперь могла перемещаться быстрее войск греческих полисов, существовать некоторое время за счет собственных продовольственных запасов и пользоваться горными дорогами[41]. В частности, все эти качества позволили Александру после завершения иллирийской кампании 335 г. до н.э. всего за 13 дней провести все свое войско от северо-западных границ Македонии до восставших Фив, что подразумевало преодоление пути в 400 км, часть которого проходила по горным тропам[42]. Полученную благодаря тренировкам способность преодолевать до 30 км за сутки полносоставная армия Александра демонстрировала и в ходе азиатской экспедиции[43]. Помимо сугубо практического значения у учебных походов были и иные цели: как отмечается в современной военной науке, маршевая подготовка личного состава способствует слаживанию подразделений, выработке у военнослужащих чувства коллективизма, готовит их к предельному напряжению воли и фи-

[39] В источниках того времени, как правило, применялся аттический вариант стадии, составлявший около 185 м. См. *Engels* (1978). P. 158.

[40] *Krentz* (2007). P. 161.

[41] См. *Engels* (1978). P. 22-23; *Gabriel* (2010). P. 87.

[42] *Hammond* (1998). P. 44; *Worthington* (2000). P. 92.

[43] *Engels* (1978). P. 12-20; *Ferrill* (1997). P. 183; *Ashley* (1998). P. 26.

зических сил в бою[44]. Так же регулярная организация длительных и трудных переходов приводила к повышению требований, предъявляемых к воинской дисциплине македонян.

Последнее имело особое значение. Известно, что Филипп II с большим вниманием относился к дисциплине в своих войсках. Касалось это не только рядовых воинов. Полиэн сообщает, что македонский царь выгнал из армейского лагеря командира наемников тарентийца Докима за принятие теплых ванн (Polyaen. IV.2.1), а во время похода на Фивы подверг изгнанию македонских командиров Аэропа и Дамасиппа, нанявших на постоялом дворе некую женщину и приведших ее в лагерь (Polyaen. IV.2.3)[45]. Дисциплинарные меры, применяемые к простым воинам и командирам в эпоху Филиппа и Александра, были разнообразны. За незначительный проступок провинившегося заставляли долгое время стоять неподвижно в полном вооружении (см. Ael. *Var. hist.* 14.48) или публично секли (Arr. *Anab.* IV.13.2; Curt. VIII.6.7), а за более серьезные нарушения практиковалась смертная казнь (см. Arr. *Anab.* VII.8.3; Curt. X.4.2; Plut. *Alex.* 22; 57). Прививание дисциплины осуществлялось не только через угрозу наказания. Прежде всего, ее формированию способствовал интенсивный характер подготовки фалангитов, не имевших возможности пребывать в праздности, которая, по авторитетному мнению А.В. Суворова, «корень всему злу, особливо военному человеку»[46]. Филипп II не был первым военачальником, боровшимся с разлагающим воздействием безделья на армию. Так, в схожем ключе ранее действовал Ификрат, который для обеспечения высокой боеспособности и дисциплинированности своих воинов постоянно устраивал учения и организовывал различные работы (Polyaen. III.9.32; Nep. 11.2). Есть версия, что именно опыт Ификрата способ-

[44] *Вашурин* (1961). С. 4.

[45] Высказано предположение, что указанный в стратегеме командир Аэроп являлся отцом трех братьев-линкестийцев Аррабея, Геромена и Александра, первые двое из которых были казнены за участие в заговоре против Филиппа (Arr. *Anab.* I.25.1; Just. XI.2.1-2). С этих позиций дисциплинарная мера, описанная Полиэном, может быть расценена как ответ на демонстративное неуважение к царской власти со стороны аристократа и его друга. См. *Hammond* (1979). P. 15; *Heckel* (2006). P. 5.

[46] *Суворов* (1949). С. 51.

ствовал появлению постоянных тренировок в македонской военной практике[47]. С негативным влиянием праздности на моральное состояние войска боролся и Александр: известно, что во время своего пребывания в Ситтакене осенью 331 г. до н.э. полководец, стремясь предотвратить ослабление боевого духа воинов и поддержать их дисциплину, устроил соревнования бойцов в доблести, обеспечив победителям продвижение на командные должности (Curt. V. 2. 1-3; Diod. XVII.65.2-3). Это мероприятие буквально соответствует предписаниям, встречающимся в трудах Ксенофонта[48], что дает основания считать организацию соревнований для побуждения македонян к совершенствованию в воинском ремесле и поддержания их дисциплины регулярной практикой, характерной и для времен Филиппа.

Конечно, подготовка македонской пехоты не была идеальной, что подтверждается и античной письменной традицией. Так, Диодор, описывая жестокое сражение, развернувшееся на подступах к Фивам в 335 г. до н.э., указывает, что на определенном этапе схватки противники израсходовали дротики и стали сражаться мечами. Македонян было много, их фаланга являлась силой, но фиванцы превосходили крепостью тела благодаря привычке к гимнастическим упражнениям/борьбе (τοῖς γυμνασίοις συνεχέσιν ἀθλήμασιν) (Diod. XVII.11.4). Эпизод, не имеющий прямого отношения к собственно боевым действиям, но явно противопоставляющий македонского воина и греческого атлета, имел место в период индийского похода Александра, когда из-за вспыхнувшего на пиру конфликта в поединке сошлись македонянин Корраг и афинянин Диоксипп. Схватка закончилась победой греческого атлета, вооруженного лишь палицей, над противником, имевшим щит, сариссу, дротик и меч (Diod. XVII.100-101; Curt. IX. 7. 16-26). Наличие этих эпизодов в античном письменном наследии нельзя считать случайностью. Эллинская традиция воспитания, как известно, подразумевала занятия атлетикой, которая одними греческими авторами считалась полезным элементом военной подготовки, а другими воспринималась

[47] *Mattew* (2015). P. 34.
[48] *Махлаюк* (2006). С. 308-309.

как мало связанная с реальной боевой практикой[49]. Тем не менее, одна из гимнасических дисциплин имела прямое отношение к формированию боевых умений тяжеловооруженных пехотинцев. Речь идет о «гопломахии» (ὁπλομαχία), весьма широко распространившейся с конца V в. до н.э. и подразумевавшей овладение приемами обращения с гоплитским вооружением, не особо полезными в строю, но эффективными в боевых схватках вне фаланги[50].

Различия в подготовке основной массы македонской пехоты и эллинских полисных войск объясняются разницей культур. Известно, что в македонских городах эллинистического времени гимнасии активно использовались для обязательных занятий юношей-эфебов в рамках их военной подготовки, однако о присутствии подобной практики в период Аргеадов данных нет[51]. Атлетические занятия в гимнасиях были частью жизни населения крупных македонских городских центров[52], однако большинство новобранцев армии Филиппа и Александра, очевидно, не были знакомы с эллинской спортивной традицией, которую им заменял труд пастухов и землепашцев[53]. Обращает на себя внимание один любопытный нюанс: согласно Плутарху, Александр не любил атлетов и, устраивая различные охотничьи состязания и бои на палках (ῥαβδομαχία), не проявлял интереса к соревнованиям по кулачному бою или панкратиону и не назначал наград для их участников (Plut. *Alex.* 4). Отрицание пользы от атлетики для воинов прослеживается, в том числе, в повлиявшей на Александра литературе. Так, в Илиаде, чтение которой завоеватель называл лучшим средством достижения доблести (Plut. *Alex.* 8), кулачный боец Епей признается, что многим уступает в битвах, так как «знать превосходно нельзя одинаково всякое дело» (Hom. *Il.* 23, 670-675). Еврипид, один из любимых трагиков Александра (Plut. *Alex.* 8), указывает на бесполезность в сражении навы-

[49] Обзор данных античной традиции см. *Чехов* (2016). С. 209-211.

[50] *Wheeler* (1982). P. 224-225; *Anderson* (1991). P. 29-35; *Sekunda* (2000). P. 9; *Hunt* (2007). P. 133-134.

[51] *Sekunda* (2010). P. 464. Подробнее об этом аспекте военной подготовки в эллинистической Македонии см. *Hatzopoulos* (2001). 134-135.

[52] См. *Hatzopoulos* (2011). P. 61.

[53] *Шахермайр* (1984). С. 11.

ков в метании диска или кулачном бое (Euripid. *Aut.* fr. 282). Ксенофонт в Киропедии, видимо, хорошо знакомой Александру[54], неоднократно описывает пользу от занятия охотой для воинской подготовки, но также указывает, что овладеть каким-либо искусством можно только оставив все лишнее, потому Кир, в его версии, при обучении пехотинцев сражаться в сомкнутом строю оставил лишь боевые упражнения в панцире, с мечом и щитом (Xen. *Cyrop.* II.1.21). Впрочем, сводить все к воздействию литературы нельзя. Выходцы из македонских сельских общин и без эллинской гимнасической практики должны были обладать вполне приемлемой физической формой. Будет уместно вспомнить указания Вегеция Рената, подчеркивавшего, что воспитанные в деревнях новобранцы привычны к жаре и холоду, могут довольствоваться малым, а их тело закалено физическим трудом, в то время как горожан следует после призыва на службу учить работать, бегать, носить тяжести (Veget. I.3). Располагая неплохими «человеческими ресурсами», македонские цари готовили своих воинов непосредственно к походам и участию в сражениях сообразно тактической функции, не тратя ценное время и ресурсы на второстепенные навыки. В частности, вооруженные сариссами пехотинцы сражались с противниками, как правило, на большой дистанции, из-за чего для них умение обращаться с мечом не относилось к числу важных и потому развивалось плохо[55].

Несмотря на указанные недостатки, по общему уровню воинской подготовки македоняне значительно превосходили своих греческих оппонентов, что вынудило афинян, шокированных разгромом в битве при Херонее, значительно изменить военное обучение молодежи посредством трансформации института эфебии[56]. Нельзя не учитывать то, что македонские пехотинцы имели возможность на практике хорошо закрепить навыки, полученные при обучении, а также приобрести новые умения, полезные в боях и походах. В отличие от гоплитов из полисных ополчений, македонские фалангиты

[54] *Stark* (1958). P. 203-205; *Tatum* (1989) P. 238-239; *O'Brien* (1994). P. 49.

[55] *Ashley* (1998). P. 38.

[56] *Lendon* (2005). P. 114.

были профессионалами, которые периодически тренировались и отрабатывали навыки использования оружия в ходе военных кампаний, благодаря чему у них формировался набор необходимых физических качеств и умений, а также психологическая устойчивость[57]. Ветераны, имевшие за плечами опыт многих боев и походов, были ценнейшим ресурсом македонской армии. Не случайно Юстин сообщает, что Александр взял с собой в Азию не юношей, не людей цветущего возраста, а ветеранов (*veteranos*), в основном уже служивших под командованием его отца и дядей и более похожих на отборных учителей военного дела, чем на воинов (Just. XI.6.4-5). Эта оценка, конечно, утрирована и игнорирует факт наличия молодежи в экспедиционных силах, но прекрасно передает значение, которое придавал Александр опыту воинов. Различия в боеспособности молодежи и ветеранов наиболее четко проявились на начальной стадии Восточного похода в ожесточенных боевых столкновениях, проходивших у осажденного Александром Галикарнасса осенью 334 г. до н.э. Так, Диодор, описывая попытку неких македонских воинов из таксиса Пердикки взобраться ночью на городские стены, указывает на очевидную для Мемнона, командира персидских сил, неопытность (τὴν ἀπειρίαν) атакующих (Diod. XVII.25.5)[58]. Позже слабость молодых фалангитов проявилась при отражении вылазки осажденных, пытавшихся сжечь македонские осадные машины. Согласно Диодору, атаку осуществили 2 000 отборных наемников, которые в развернувшемся сражении брали верх пока в бой не вступили «старики-македоняне» (οἱ γὰρ πρεσβύτατοι τῶν Μακεδόνων), ходившие в походы еще с Филиппом. Превосходя молодых солдат воинским разумением и опытом, «старики» упрекнули их в трусости, построились щитом к щиту и остановили противника (Diod. XVII. 26.2-27.2). Информацию Диодора о большом

[57] *Mattew* (2015). P. 192-193.

[58] Этот эпизод описывает и Арриан, указывая на участие в нем двух нетрезвых македонских гоплитов из таксиса Пердикки и приводя ряда других, не встречающихся у Диодора деталей (см. Arr. *Anab.* I.21.1-4), что позволяет согласиться с исследователями, считающими данных инцидент реально произошедшим. См. *Tarn* (1948). P. 73; *Bosworth* (1988). P. 48; *Ashley* (1998). P. 207; contra *Milns* (1969). P. 63.

вкладе македонских ветеранов в отражение этой атаки подтверждает и Курций Руф, упоминая, что ведущую роль в исправлении ситуации под Галикарнассом сыграл старый воин Атаррий, остановивший отступление молодежи (Curt. V.2.5; VIII.1.36)[59]. Впрочем, это единственные известные случаи, когда неопытность части воинов Александра могла привести к тяжелым последствиям. Как правило, македонская пехота демонстрировала высокие боевые качества. Уже вскоре фалангиты, испытывавшие трудности под Галикарнассом, хорошо показали себя в сложных ситуациях, как это было в битве при Иссе 333 г. до н.э., где сариссофоры отразили яростную атаку греческих наемников, пытавшихся воспользоваться разрывом порядков македонской фаланги (Arr. *Anab.* II.12.5-7), и при штурме Тира, в котором немалую роль сыграли воины из таксиса Кена, поднявшиеся на стены города с кораблей по перекидным мосткам (Arr. *Anab.* II.23.2-24.3).

Накопление опыта македонскими фалангитами было обеспечено не только естественным ходом времени, но и особенностями системы комплектования и построения подразделений сариссофоров. Основные организационно-тактические единицы македонской фаланги — таксисы — были введены рано. Первые из них, судя по данным Диодора, были сформированы на начальном этапе военных преобразований Филиппа, который, как указывается, улучшил разделение армии на подразделения (τάξεις) (Diod. XVI.3.1). Предположительно, несколько позже, к 352 г. до н. э., Филипп сформировал таксисы, укомплектованные выходцами из Верхней Македонии[60]. Таксисы имели постоянный состав и включали в себя уроженцев одного региона: для обозначения этих подразделений применялись наименования отдельных македонских племен (см. Diod. XVII.57.2), а пополнение распределялось между таксисами «по племенам» (ἔθνη)

[59] Арриан ничего не сообщает о проблемах армии Александра при отражении вылазки, упоминая лишь отважные действия участников вылазки и большое количество убитых (Arr. *Anab.* I.22.1-6). Предполагается, что трудности, возникшие у армии Александра, в данном случае искусственно замалчиваются. См. *Bosworth* (1976). P. 21-22; *Liotsakis* (2019). P. 25-27.

[60] *Hammond* (1978) P. 130-131.

(Arr. *Anab.* III.16.10-11). Упоминаемые ἔθνη в историографии воспринимаются и как сугубо территориальные образования[61], и как племенные объединения, являвшиеся наследием предшествующего периода истории Македонии[62]. В любом случае, таксисы при подобных принципах формирования включали в себя земляков, причем как ветеранов, так и молодых воинов. Командиры таксисов, как правило, являлись уроженцами той же «титульной» области, что и подопечные[63]. В условиях профессионального войска подразделения педзетайров превращались в воинские коллективы, спаянные общностью происхождения, совместным участием в тренировках, походах и сражениях.

Расположение воинов в боевом построении таксиса не было случайным. Благодаря авторам эллинистических тактик известно, что в македонской фаланге должности командиров рядов — лохагов — занимали воины, отличавшиеся силой, хорошим вооружением, опытом и сообразительностью. В сражениях они составляли переднюю шеренгу, возглавляя атаку. В последующих шеренгах воины располагались по убыванию их опыта и иных боевых качеств. Замыкали строй ураги, отбиравшиеся не столько исходя из силы, сколько по опыту и сообразительности (Asclep. *Tact.* 3.5-6; Ael. *Tact.* 13; Arr. *Tact.* 12.1-11). При подобном построении, применявшемся уже со времен Филиппа, наличие в середине фаланги даже слабо обученных или «необстрелянных» воинов не сильно влияло на эффективность всей формации[64]. Система комплектования и принципы построения подразделений македонской фаланги в совокупности обеспечивали ее боеспособность, сохранение жизни неопытных воинов, давали последним возможность перенимать навыки и умения у ветеранов. Трудности, возникшие у молодых македонян под Галикарнассом, можно объяснить несоблюдением обычного порядка построения в условиях внезапной атаки осажденных. Согласно Диодору, Александр, узнав о действиях противника,

[61] *Hatzopoulos* (1996). P. 451-452; *Rzepka* (2008). P. 42.

[62] *Шофман* (1960). С. 112; *Juhel* (2011) P. 611-612.

[63] *Hatzopoulos* (1996) P. 337; *Milns* (1976). P. 104; *Lane Fox* (2011). P. 373-374.

[64] *Mattew* (2015). P. 194.

расположил свои силы в три линии, поместив во втором и третьем эшелонах наиболее опытных и боеспособных (Diod. XVII.26.4). Видимо, это была импровизация, нацеленная на обеспечение устойчивости пехоты в обороне, но на деле приведшая к ослаблению передней линии и ее отступлению под натиском противника. Неудачный характер этого решения Александра подтверждается отсутствием подобных вариантов построения пехоты в его дальнейшей полководческой деятельности.

Таким образом, систему обучения македонских фалангитов-педзетайров эпохи Филиппа II и Александра Великого следует оценивать как конкретно-историческое явление. Базируясь на греческих наработках в области военного дела, специфике македонской фаланги как типа боевого построения и особых условиях царства Аргеадов, данная система включала в себя строевую подготовку, тренировки в обращении с сариссой, учебные марши в полной выкладке, меры по формированию воинской дисциплины. Это позволяло македонским монархам быстро готовить не знакомых со службой в тяжеловооруженной пехоте и воинской дисциплиной, но физически крепких новобранцев к участию в полевых сражениях в составе фаланги сариссофоров, прививать им стойкость, готовность следовать приказам и выносить тяготы длинных пеших переходов. Профессиональный характер новой македонской армии и особенности организационной структуры корпуса фалангитов способствовали накоплению у последних ценного боевого опыта, компенсировавшего пробелы, имевшиеся в первичном обучении. Данная система дала возможность быстро сформировать и последовательно увеличивать фалангу сариссофоров, боеспособность личного состава которой возрастала с каждой новой военной кампанией. Так возникла грозная военная сила, сыгравшая большую роль в превращении слабого царства Аргеадов в «супердержаву» античных Балкан, а затем и в обширную империю, границы которой простирались от берегов Дуная до Аравийского моря.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

Ael. Tact. — The Tactics of Aelian / Ed. by C. Matthew. Barnsley: Pen & Sword, 2012.

Ael. Var. hist. — Claudii Aeliani Varia historia / Ed. M.R. Dilts. Leipzig: Teubner, 1974.

Asclep. Tact. — Asclepiodotus // Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / Ed. by. W.A. Oldfather, A.S. Pease, J.B. Titchener. London - New York: Harvard University Press, 1923. P. 244-333

Athen. — Athenaei Navcratitae, Dipnosophistarum libri XV / Ed. G. Kaibel. Lipsiae: Teubner, 1887.

Arist. Pol. — Aristotle's Politica / Ed. W.D. Ross. Oxford: Oxford University Press, 1957.

Arr. Anab. — Flavii Arriani Anabasis Alexandri / Ed. A.G. Roos. Lipsiae: Teubner, 1907.

Arr. Tact. — Arrianus Flavius Tactica // Flavii Arriani quae exstant omnia / Ed. A.G. Roos. Vol. 2. Lipsiae: Teubner, 1968. P. 129-176.

Curt. — Q. Curtii Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt / Ed. Th. Vogel. Lipsiae: Teubner, 1889.

Diod. — Diodorus Siculus. Library of history. Cambridge; London: Harvard University Press. Books, 1980-1989.

Euripid. Aut. — Euripides. VoI VII. Fragments: Aegeus - Meleager / Ed. by C. Collard, M. Cropp. Cambridge; London: Harvard University Press, 2008.

Front. Strat. — Iuli Frontini strategematon libri quattuor / Ed. G. Gundermann. Lipsiae: Teubner, 1888.

Hom. Il. — Гомер. Илиада / Пер. В.В. Вересаева. М. - Л.: Гослитиздат, 1949.

Just. — M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum / Ed. F. Rühl, O. Seel. Lipsiae: Teubner, 1935.

Nep. — Cornelii Nepotis. Liber de excellentibus ducibus exterarum gentium. Cum vitis Catonis et Attici. Edinburgh: Chambers, 1852.

Plut. — Plutarchi Vitae parallelae. Vol. 1-5 / Ed. C. Sintensis. Lipsiae: Teubner, 1879-1889.

Polyaen. — Polyaeni Strategematon libri VIII / Ed. E. Woelfflin, J. Melber. Lipsiae: Teubner, 1887.

Thuc. — Thucydidis Historiae. Vol. 1-2 / Ed. C. Hude. Lipsiae: Teubner, 1901-1903.

Veget. — F. Vegetius Renatus. Epitomae rei militaris libri IV / Ed. K. Lang. Lipsiae: Teubner, 1885.

Xen. Cyneg. — Xenophon. On hunting // Scripta minora / Ed. by E.C. Marchant, G.W. Bowersock. Cambridge: Harvard University Press, 1925. P. 365-458.

Xen. Cyrop. — Xenophon. Cyropaedia. Vol. 1-2 / Ed. W. Miller. London - New York: Heinemann, Mcmillan, 1914.

Anderson (1991) — Anderson J.K. Hoplite weapons and offensive arms // Hoplites: The Classical Greek Battle Experience / Ed. by V.D. Hanson. London - New York: Routledge, 1991. P. 15-37.

Anson (2008) — Anson E.M. Philip II and the Transformation of Macedonia: A Reappraisal // Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza. Claremont: Regina Books, 2008. P. 17-30.

Anson (2010) — Anson E.M. The Introduction of 'sarisa' in Macedonian warfare // Ancient Society. 40. 2010. P. 51-68.

Anson (2013) — Anson E.M. Alexander the Great: Themes and Issues. London - New York: Bloomsbury, 2013.

Ashley (1998) — Ashley J.R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359-323 BC. Jefferson: McFarland, 1998.

Billows (1995) — Billows R.A. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden - New York: Brill, 1995.

Bosworth (1976) — Bosworth A.B. Arrian and the Alexander Vulgate // Alexandre le Grand. Image et réalité / Ed. by E. Badian. Geneva: Fondation Hardt, 1976. P 1-46.

Bosworth (1988) — Bosworth A.B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Brizzi (2004) — Brizzi G. Le Guerrier de l'Antiquité classique: de l'hoplite au legionnaire. Monaco: Jean-Paul Bertrand, 2004.

Ellis (1976) — Ellis J.R. Philip II and Macedonian Imperialism. Princeton: Princeton University Press, 1976.

Engels (1978) — Engels D.W. Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley - Los Angeles: University of California Press, 1978.

English (2009) — English S. The Army of Alexander the Great. Barnsley: Pen & Sword, 2009.

Ferrill (1997) — Ferrill A. The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great. Boulder: Westview Press, 1997.

Gabriel (2010) — Gabriel R.A. Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. Washington: Potomac Books, 2010.

Garlan (1972) — Garlan Y. La guerre dans l'antiquité. Paris: Éditions Fernard Nathan, 1972.

Gat (2006) — Gat A. War in human civilization. Oxford - New York: Oxford University Press, 2006.

Greenwalt (2014) — Greenwalt W.S. Infantry and the Evolution of Argead Macedonia // Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel / Ed. by T. Howe, E.E. Garvin, G. Wrightson. Oxford - Philadelphia: Oxbow Books, 2014. P. 41-46.

Griffith (1979) — Griffith G.T. The Reign of Philip the Second // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550-336 BC. Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 201-646.

Griffith (1980) — Griffith G.T. Philip as a General and the Macedonian Army // Philip of Macedon / Ed. by M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos. Athens: Ekdotike Athenon, 1980. P. 58-77.

Hammond (1978) — Hammond N.G.L. A Cavalry Unit in the Army of Antigonus Monophthalmus: Asthippoi // Classical Quarterly. n.s. 28. 1978. 1. P. 128-135.

Hammond (1979) — Hammond N.G.L. The Development of the Macedonia State and the Struggle for Survival // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550-336 BC. Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 1-200.

Hammond (1980) — Hammond N.G.L. Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359-333 B.C. // Antichthon. 14. 1980. P. 53-63.

Hammond (1989) — Hammond N.G.L. The Macedonian State: Origins, Institutions and History. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Hammond (1994) — Hammond N.G.L. Philip of Macedon. London: Duckworth, 1994.

Hammond (1997) — Hammond N.G.L. What May Philip Have Learnt as a Hostage at Thebes? // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 48. 1997. 4. P. 355-372.

Hammond (1998) — Hammond N.G.L. The Genius of Alexander the Great. London: Duckworth, 1998.

Hanson (1999) — Hanson V.D. The Wars of the Ancient Greeks and Their Inventions of Western Military Culture. London: Cassel, 1999.

Hatzopoulos (1996) — Hatzopoulos M.B. Macedonian Institutions under the Kings. Vol. I. A Historical and Epigraphic Study. Athens: De Boccard, 1996.

Hatzopoulos (2001) — Hatzopoulos M.B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides. Athènes: De Boccard, 2001.

Hatzopoulos (2011) — Hatzopoulos M.B. Macedonians and Other Greeks // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC - 300 AD / Ed. by R.J. Lane Fox. Leiden - Boston: Brill, 2011. P. 51-78.

Heckel, Jones (2006) — Heckel W., Jones R. Macedonian Warrior. Alexander's elite infantryman. Oxford: Osprey, 2006.

Heckel (2006) — Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great. Malden; Oxford: Blackwell, 2006.

Hunt (2007) — Hunt P. Archaic and Classical Greece: Military Forces // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / Ed. by P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 108-146.

Juhel (2011) — Juhel P.O. Un fantôme de l'histoire hellénistique: le 'district' macédonien // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 51. 2011. 4. P. 579-612.

Krentz (2007) — Krentz P. Archaic and Classical Greece: War // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / Ed. by P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 147-185.

Lane Fox (2011) — Lane Fox R. Philip's and Alexander's Macedon // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC - 300 AD / Ed. by R.J. Lane Fox. Leiden - Boston: Brill, 2011. P. 367-391.

Le Bohec-Bouhet (1999) — Le Bohec-Bouhet S. L'apport macédonien de la guerre au IVe siècle avant J.-C. // Guerres et sociétés dans les mondes grecs (490/322) / Sous la direction de P. Brun. Paris: Armand Colin, 1999. P. 73-96.

Lendon (2005) — Lendon, J.E. Soldiers and Ghosts: A history of battle in classical antiquity. New Haven - London: Yale University Press, 2005.

Liotsakis (2019) Liotsakis V. Alexander the Great in Arrian's Anabasis. Berlin - Boston: de Gruyter, 2019.

Markle (1977) — Markle M.M. The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor // American Journal of Ancient History. 81. 1977. 3. P. 323-339.

Markle (1978) — Markle M.M. Use of the Macedonian Sarissa by Philip and Alexander // American Journal of Ancient History. 82. 1978. 4. P. 483-497.

Mattew (2015) — Mattew C.A. An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War. Barnsley: Pen & Sword, 2015.

Milns (1969) — Milns R.D. Alexander the Great. New York: Pegasus, 1969. 285 p.

Milns (1976) — Milns R.D. The Army of Alexander the Great // Alexandre le Grand. Image et réalité / Ed. by E. Badian. Geneva: Fondation Hardt, 1976. P. 87-129.

Noguera Borel (1996) — Noguera Borel A. L'évolution de la phalange macédonienne: le cas de la sarisse // Ancient Macedonia 6. Sixth International Symposium. Vol. 2. Thessalonica: Institute for Balkan Studies, 1996. P. 839-850.

Noguera Borel (2006) — Noguera Borel A. Le recrutement de l'armée macédonienne sous la royauté // Rois, cités, necropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine / Ed. by A.-M. Guimier-Sorbets, M.B. Hatzopoulos, Y. Morizot. Athens: De Boccard, 2006. P. 227-236.

O'Brien (1994) — O'Brien, J. Alexander the Great: The Invisible Enemy. London - New York: Routledge, 1994.

Ray (2012) — Ray F.E. Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC. Jefferson: McFarland, 2012.

Rzepka (2008) — Rzepka J. The Units of Alexander's Army and the District Divisions of Late Argead Macedonia // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 48. 2008. P. 39-56.

Sears (2019) — Sears M.A. Understanding Greek Warfare. London; New York: Routledge, 2019.

Sekunda (2000) — Sekunda N.V. The Greek Hoplite, 480-323 BC. London: Osprey, 2000.

Sekunda (2010) — Sekunda N. The Macedonian Army // A Companion to Ancient Macedonia / Ed. by J. Roisman, I. Worthington. Oxford: Blackwell, 2010. P. 446-471.

Stark (1958) — Stark F. Alexander's Path. London: John Murray, 1958.

Tarn (1948) — Tarn W.W. Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1948.

Tatum (1989) — Tatum J. Xenophon's Imperial Fiction. On the Education of Cyrus. Princeton: Princeton University Press, 1989.

Thomas (2007) — Thomas C.G. Alexander the Great in his World. Oxford: Blackwell, 2007.

Wheeler (1982) — Wheeler E.L. Hoplomachia and Greek dances in arms // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 22. 1982. 1. P. 223-233.

Worthington (2000) — Worthington I. Demosthenes' (in)activity during the reign of Alexander the Great // Demosthenes: statesman and orator / ed. by I. Worthington. London - New York: Routledge, 2000. P. 90-113.

Апакидзе, Дуков (1987) — Апакидзе В.В., Дуков Р.Г. Методика строевой подготовки. М.: Воениздат, 1987.

Вашурин (1961) — Вашурин П.С. Подготовка подразделений к маршброскам. М.: Воениздат, 1961.

Коннолли (2000) — Коннолли П. Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000.

Махлаюк (2006) — Махлаюк А.В. Солдаты римской империи. Традиции военной службы и воинская ментальность. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство «Акра», 2006.

Нефёдкин (2019) — Нефёдкин А.К. Конница эпохи эллинизма. СПб.: Издательство РГПУ им. А.И. Герцена, 2019.

Нефёдкин (2020) — Нефёдкин А.К. Боевые колесницы с серпами: «тяжелые танки» Древнего мира. М.: Яуза-пресс, 2020.

Секунда (2004) — Секунда Н. Армия Александра Великого / Пер. с англ. Я. Зверева. М.: АСТ, 2004.

Суворов (1949) — Суворов А.В. Полковое учреждение. М.: Воениздат, 1949.

Суворов (2017) — Суворов А.В. Наука побеждать. М.: Издательство АСТ, 2017.

Фор (2008) — Фор П. Повседневная жизнь армии Александра Македонского / Пер. с франц. Т.А. Левиной. М.: Молодая гвардия, 2008.

Чехов (2016) — Чехов И.В. Изменение прикладного значения атлетических практик в древнегреческой воинской традиции (VIII-III вв. до н.э.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 4 (66). 2016. С. 208-212.

Шахермайр (1984) — Шахермайр Ф. Александр Македонский / Пер. с нем. М.Н. Ботвинника и Б. Функа. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.

Шофман (1960) — Шофман А.С. История античной Македонии. Ч. I. Казань: Издательство Казанского университета, 1960.

Alexander A. KLEYMEONOV

"HOW THE STEEL WAS TEMPERED"

THE SYSTEM OF TRAINING THE MACEDONIAN PHALANGITES IN THE EPOCH OF PHILIP II AND ALEXANDER THE GREAT

The article discusses the organization, content and effectiveness of the training process for the soldiers of the Macedonian phalanx during the time of Philip II and Alexander III. The basis for the study is a comparison of direct instructions of the ancient written tradition dating back to Ephorus with other data on the socio-political and military development of Macedonia in the 4th century BC. It is revealed that the Macedonian heavy footmen were mainly recruited from people from the countryside who were physically fit. The possibility to select candidates for the army was provided by the country's high demographic potential. The Macedonians were motivated to join the royal army by the possibility to increase their social status and improve their financial situation through a salary and land allotment. The features of the Macedonian phalanx as a type of forming-up determined the content of training for new recruits. It included combat training, during which the skill to embattle in various types of battle order and to move seamlessly according to orders was formed. An important component of the training was practicing the techniques for handling a long sarissa spear. To ensure the mobility of the army and endurance in fighters, training marches with full military equipment and a supply of provisions were practiced. A whole range of measures was aimed at the formation of strict military discipline, not characteristic of the Macedonian infantry in the previous periods. All this made it possible to quickly create and consistently increase the phalanx of sarissophores. The existing shortcomings in individual training were compensated by the accumulated combat experience, which was facilitated by the professional character of the Macedonian army. Organizationally, the phalangite corps was divided into *taxes*, which had a permanent

personnel and consisted of the people, born in the same region, both veterans and youth. In the battle order of the phalanx, the most dangerous and responsible positions were occupied by experienced warriors. This ensured the combat effectiveness of each taxis and survival of inexperienced phalangites, who had the opportunity to adopt skills from veterans.

REFERENCES

Ael. Tact. — The Tactics of Aelian / Ed. by C. Matthew. Barnsley: Pen & Sword, 2012.

Ael. Var. hist. — Claudii Aeliani Varia historia / Ed. M.R. Dilts. Leipzig: Teubner, 1974.

Asclep. Tact. — Asclepiodotus // Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander / Edited by. W.A. Oldfather, A.S. Pease, J.B. Titchener. London - New York: Harvard University Press, 1923. P. 244-333

Athen. — Athenaei Navcratitae, Dipnosophistarum libri XV / Ed. G. Kaibel. Lipsiae: Teubner, 1887.

Arist. Pol. — Aristotle's Politica /Ed. W.D. Ross. Oxford: Oxford University Press, 1957.

Arr. Anab. — Flavii Arriani Anabasis Alexandri / Ed. A.G. Roos. Lipsiae: Teubner, 1907.

Arr. Tact. — Arrianus Flavius Tactica // Flavii Arriani quae exstant omnia / Ed. A.G. Roos. Vol. 2. Lipsiae: Teubner, 1968. P. 129-176.

Curt. — Q. Curtii Rufi historiarum Alexandri Magni Macedonis libri qui supersunt / Ed. Th. Vogel. Lipsiae: Teubner, 1889.

Diod. — Diodorus Siculus. Library of history. Cambridge; London: Harvard University Press. Books, 1980-1989.

Euripid. Aut. — Euripides. VoI VII. Fragments: Aegeus - Meleager / Ed. by C. Collard, M. Cropp. Cambridge; London: Harvard University Press, 2008.

Front. Strat. — Ivli Frontini strategematon libri qvattvor / Ed. G. Gundermann. Lipsiae: Teubner, 1888.

Hom. Il. — Gomer, Iliada / Per. V.V. Veresaeva. M. - L.: Goslitizdat, 1949.

Just. — M. Juniani Justini epitoma historiarum Philippicarum / Ed. F. Rühl, O. Lipsiae: Teubner, 1935.

Nep. — Cornelii Nepotis. Liber de excellentibus ducibus exterarum gentium. Cum vitis Catonis et Attici. Edinburgh: Chambers, 1852.

Plut. — Plutarchi Vitae parallelae. Vol. 1-5 / Ed. C. Sintensis. Lipsiae: Teubner, 1879-1889.

Polyaen. — Polyaeni Strategematon libri VIII / Ed. E. Woelfflin, J. Melber. Lipsiae: Teubner, 1887.

Thuc. — Thucydidis Historiae. Vol. 1-2 / Ed. C. Hude. Lipsiae: Teubner, 1901-1903.

Veget. — F. Vegetius Renatus. Epitomae rei militaris libri IV / Ed. K. Lang. Lipsiae: Teubner, 1885.

Xen. Cyneg. — Xenophon. On hunting // Scripta minora / Ed. by E.C. Marchant, G.W. Bowersock. Cambridge: Harvard University Press, 1925. P. 365-458.

Xen. Cyrop. — Xenophon. Cyropaedia. Vol. 1-2 / Ed. W. Miller. London - New York: Heinemann, Mcmillan, 1914.

Anderson (1991) — Anderson J.K. Hoplite weapons and offensive arms // Hoplites: The Classical Greek Battle Experience / Ed. by V.D. Hanson. London -New York: Routledge, 1991. P. 15-37.

Anson (2008) –Anson E.M. Philip II and the Transformation of Macedonia: A Reappraisal // Macedonian Legacies: Studies in Ancient Macedonian History and Culture in Honor of Eugene N. Borza. Claremont: Regina Books, 2008. P. 17-30.

Anson (2010) — Anson E.M. The Introduction of ‘sarisa’ in Macedonian warfare // Ancient Society. 40. 2010. P. 51-68.

Anson (2013) — Anson E.M. Alexander the Great: Themes and Issues. London - New York: Bloomsbury, 2013.

Ashley (1998) — Ashley J.R. The Macedonian Empire: The Era of Warfare under Philip II and Alexander the Great, 359-323 BC. Jefferson: McFarland, 1998.

Billows (1995) — Billows R.A. Kings and Colonists: Aspects of Macedonian Imperialism. Leiden - New York: Brill, 1995.

Bosworth (1976) — Bosworth A.B. Arrian and the Alexander Vulgate // Alexandre le Grand. Image et réalité / Ed. by E. Badian. Geneva: Fondation Hardt, 1976. P 1-46.

Bosworth (1988) — Bosworth A.B. Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge: Cambridge University Press, 1988.

Brizzi (2004) — Brizzi G. Le Guerrier de l'Antiquité classique: de l'hoplite au legionnaire. Monaco: Jean-Paul Bertrand, 2004.

Chekhov (2016) — Chekhov I.V. Izmenenie prikladnogo znacheniya atleticheskih praktik v drevnegrecheskoj voinskoj tradicii (VIII-III vv. do

n.e.) // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 4 (66). 2016. P. 208-212.

Ellis (1976) — Ellis J.R. Philip II and Macedonian Imperialism. Princeton: Princeton University Press, 1976.

Engels (1978) — Engels D.W. Alexander the Great and the Logistics of the Macedonian Army. Berkeley - Los Angeles: University of California Press, 1978.

English (2009) — English S. The Army of Alexander the Great. Barnsley: Pen & Sword, 2009.

Ferrill (1997) — Ferrill A. The Origins of War: from the Stone Age to Alexander the Great. Boulder: Westview Press, 1997.

Gabriel (2010) — Gabriel R.A. Philip II of Macedonia: Greater than Alexander. Washington: Potomac Books, 2010.

Garlan (1972) — Garlan Y. La guerre dans l'antiquité. Paris: Éditions Fernard Nathan, 1972.

Gat (2006) — Gat A. War in human civilization. Oxford - New York: Oxford University Press, 2006.

Greenwalt (2014) — Greenwalt W.S. Infantry and the Evolution of Argead Macedonia // Greece, Macedon and Persia: Studies in Social, Political and Military History in Honour of Waldemar Heckel / Ed. by T. Howe, E.E. Garvin, G. Wrightson. Oxford - Philadelphia: Oxbow Books, 2014. P. 41-46.

Griffith (1979) — Griffith G.T. The Reign of Philip the Second // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550-336 BC. Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 201-646.

Griffith (1980) — Griffith G.T. Philip as a General and the Macedonian Army // Philip of Macedon / Ed. by M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos. Athens: Ekdotike Athenon, 1980. P. 58-77.

Hammond (1978) — Hammond N.G.L. A Cavalry Unit in the Army of Antigonus Monophthalmus: Asthippoi // Classical Quarterly. n.s. 28. 1978. 1. P. 128-135.

Hammond (1979) — Hammond N.G.L. The Development of the Macedonia State and the Struggle for Survival // Hammond N.G.L., Griffith G.T. A History of Macedonia. Vol. II: 550-336 BC. Oxford: Clarendon Press, 1979. P. 1-200.

Hammond (1980) — Hammond N.G.L. Training in the Use of a Sarissa and its Effect in Battle, 359-333 B.C. // Antichthon. 14. 1980. P. 53-63.

Hammond (1989) — Hammond N.G.L. The Macedonian State: Origins, Institutions and History. Oxford: Clarendon Press, 1989.

Hammond (1994) — Hammond N.G.L. Philip of Macedon. London: Duckworth, 1994.

Hammond (1997) — Hammond N.G.L. What May Philip Have Learnt as a Hostage at Thebes? // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 48. 1997. 4. P. 355-372.

Hammond (1998) — Hammond N.G.L. The Genius of Alexander the Great. London: Duckworth, 1998.

Hanson (1999) — Hanson V.D. The Wars of the Ancient Greeks and Their Inventions of Western Military Culture. London: Cassel, 1999.

Hatzopoulos (1996) — Hatzopoulos M.B. Macedonian Institutions under the Kings. Vol. I. A Historical and Epigraphic Study. Athens: De Boccard, 1996.

Hatzopoulos (2001) — Hatzopoulos M.B. L'organisation de l'armée macédonienne sous les Antigonides. Athènes: De Boccard, 2001.

Hatzopoulos (2011) — Hatzopoulos M.B. Macedonians and Other Greeks // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC - 300 AD / Ed. by R.J. Lane Fox. Leiden - Boston: Brill, 2011. P. 51-78.

Heckel, Jones (2006) — Heckel W., Jones R. Macedonian Warrior. Alexander's elite infantryman. Oxford: Osprey, 2006.

Heckel (2006) — Heckel W. Who's Who in the Age of Alexander the Great. Malden; Oxford: Blackwell, 2006.

Hunt (2007) — Hunt P. Archaic and Classical Greece: Military Forces // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / Ed. by P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 108-146.

Juhel (2011) — Juhel P.O. Un fantôme de l'histoire hellénistique: le 'district' macédonien // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 51. 2011. 4. P. 579-612.

Krentz (2007) — Krentz P. Archaic and Classical Greece: War // The Cambridge history of Greek and Roman Warfare. Vol. I / Ed. by P. Sabin, H. Van Wees, M. Whitby. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 147-185.

Lane Fox (2011) — Lane Fox R. Philip's and Alexander's Macedon // Brill's Companion to Ancient Macedon: Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC - 300 AD / Ed. by R.J. Lane Fox. Leiden - Boston: Brill, 2011. P. 367-391.

Le Bohec-Bouhet (1999) — Le Bohec-Bouhet S. L'apport macédonien de la guerre au IVe siècle avant J.-C. // Guerres et sociétés dans les mondes

grecs (490/322) / Sous la direction de P. Brun. Paris: Armand Colin, 1999. P. 73-96.

Lendon (2005) — Lendon J.E. Soldiers and Ghosts: A history of battle in classical antiquity. New Haven - London: Yale University Press, 2005.

Liotsakis (2019) — Liotsakis V. Alexander the Great in Arrian's Anabasis. Berlin - Boston: de Gruyter, 2019.

Makhlayuk (2006) — Makhlayuk A.V. Soldaty rimskoj imperii. Tradicii voennoj sluzhby i voinskaya mentalnost. St. Petersburg: Filologicheskij fakultet SPbGU; Izdatelstvo "Akra", 2006.

Markle (1977) — Markle M.M. The Macedonian Sarissa, Spear, and Related Armor // American Journal of Ancient History. 81. 1977. 3. P. 323-339.

Markle (1978) — Markle M.M. Use of the Macedonian Sarissa by Philip and Alexander // American Journal of Ancient History. 82. 1978. 4. P. 483-497.

Mattew (2015) — Mattew C.A. An Invincible Beast: Understanding the Hellenistic Pike-phalanx at War. Barnsley: Pen & Sword, 2015.

Milns (1969) — Milns R.D. Alexander the Great. New York: Pegasus, 1969. 285 p.

Milns (1976) — Milns R.D. The Army of Alexander the Great // Alexandre le Grand. Image et réalité / Ed. by E. Badian. Geneva: Fondation Hardt, 1976. P. 87-129.

Nefedkin (2019) — Nefedkin A.K. Konnitsa epokhi ellinizma. St. Petersburg: Izdatelstvo RGPU im. A.I. Gertsena, 2019.

Nefedkin (2020) — Nefedkin A.K. Boevye kolesnicy s serpami: "tyazhelye tanki" Drevnego mira. Moscow: Yauza-press, 2020.

Noguera Borel (1996) — Noguera Borel A. L'évolution de la phalange macédonienne: le cas de la sarisse // Ancient Macedonia 6. Sixth International Symposium. Vol. 2. Thessalonica: Institute for Balkan Studies, 1996. P. 839-850.

Noguera Borel (2006) — Noguera Borel A. Le recrutement de l'armée macédonienne sous la royauté // Rois, cités, necropoles: institutions, rites et monuments en Macédoine / Ed. by A.-M. Guimier-Sorbets, M.B. Hatzopoulos, Y. Morizot. Athens: De Boccard, 2006. P. 227-236.

O'Brien (1994) — O'Brien, J. Alexander the Great: The Invisible Enemy. London - New York: Routledge, 1994.

Ray (2012) — Ray F.E. Greek and Macedonian Land Battles of the 4th Century BC. Jefferson: McFarland, 2012.

Rzepka (2008) — Rzepka J. The Units of Alexander's Army and the District Divisions of Late Argead Macedonia // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 48. 2008. P. 39-56.

Schachermeyr (1984) — Schachermeyr F. Aleksandr Makedonskij / Per. s nem. M.N. Botvinnika i B. Funka. M.: Glavnaya redakciya vostochnoj literatury izdatelstva "Nauka", 1984.

Sears (2019) — Sears M.A. Understanding Greek Warfare. London - New York: Routledge, 2019.

Sekunda (2000) — Sekunda N.V. The Greek Hoplite, 480-323 BC. London: Osprey, 2000.

Sekunda (2004) — Sekunda N. Armiya Aleksandra Velikogo / Per. s angl. Ya. Zvereva. Moscow: AST, 2004.

Sekunda (2010) — Sekunda, N. The Macedonian Army // A Companion to Ancient Macedonia / Ed. by J. Roisman, I. Worthington. Oxford: Blackwell, 2010. P. 446-471.

Shofman (1960) — Shofman A.S. Istoriya antichnoj Makedonii. V.I. Kazan: Izdatelstvo Kazanskogo universiteta, 1960.

Stark (1958) — Stark F. Alexander's Path. London: John Murray, 1958.

Suvorov (1949) — Suvorov A.V. Polkovoe uchrezhdenie. Moscow: Voenizdat, 1949.

Suvorov (2017) Suvorov A.V. Nauka pobezhdat'. Moscow: Izdatelstvo AST, 2017.

Tarn (1948) — Tarn W.W. Alexander the Great. Vol. 2. Sources and Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1948.

Tatum (1989) — Tatum J. Xenophon's Imperial Fiction. On the Education of Cyrus. Princeton: Princeton University Press, 1989.

Thomas (2007) — Thomas C.G. Alexander the Great in his World. Oxford: Blackwell, 2007.

Vashurin (1961) — Vashurin P.S. Podgotovka podrazdelenij k marsh-broskam. Moscow: Voenizdat, 1961.

Wheeler (1982) — Wheeler E. L. Hoplomachia and Greek dances in arms // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 22. 1982. 1. P. 223-233.

Worthington (2000) — Worthington I. Demosthenes' (in)activity during the reign of Alexander the Great // Demosthenes: statesman and orator / Ed. by I. Worthington. London - New York: Routledge, 2000. P. 90-113.

THE SHIELD AS PEDAGOGICAL TOOL IN AESCHYLUS' *SEVEN AGAINST THEBES*[*]

Victoria K. PICHUGINA

The article analyzes the descriptions of warriors in Aeschylus's tragedy *Seven against Thebes* that are given in the "shield scene" and determines the pedagogical dimension of this tragedy. Aeschylus pays special attention to the decoration of the shields of the commanders who attacked Thebes, relying on two different ways of decorating the shields that Homer describes in *The Iliad*. According to George Henry Chase's terminology, in Homer, Achilles' shield can be called "a decorative" shield, and Agamemnon's shield is referred to as "a terrible" shield. Aeschylus turns the description of the shield decoration of the commanders attacking Thebes into a core element of the plot in *Seven against Thebes*, maximizing the connection between the image on the shield and the shield-bearer. He created an elaborate system of "terrible" and "decorative" shields (Aesch. *Sept.* 375-676), as well as of the shields that cannot be categorized as "terrible" and "decorative" (Aesch. *Sept.* 19; 43; 91; 100; 160). The analysis of this system made it possible to put forward and prove three hypothetical assumptions: 1) In Aeschylus, Eteocles demands from the Thebans to win or die, focusing on the fact that the city created a special educational space for them and raised them as shield-bearers. His patriotic speeches and, later, his judgments expressed in the "shield scene" demonstrate a desire to justify and then test the educational concept "ἢ τὰν ἢ ἐπὶ τᾶς" ("either with it, or upon it") (Plut. *Lacae.* 241f.10); 2) Aeschylus turns the description of the decoration of the "decorative" or "terrible" shields into a core element of

[*] The study was carried out with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 18-78-10001).

HYPOTHEKAI
2020. Вып. 4. С. 121-170
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2020. Issue 4. P. 121-170
DOI: 10.32880/2587-7127-2019-4-4-121-170

the plot. The decorated shields of all the attackers on Thebes described in the "shield scene" form a kind of single "mixed" shield, similar in complexity to the decoration on Achilles' shield, which includes elements of intimidation, as it was on Agamemnon's shield; 3) Eteocles wants to establish himself as the king-mentor for the people, which will most clearly appear in the "shield scene", where he solves a series of military riddles. These riddles require him to correctly decipher what is depicted on the decorative or terrible shields of each of the attackers. Aeschylus uses the shield as pedagogical tool in the tragedy *Seven against Thebes*, to which Euripides and Statius will later offer their alternatives by referring to the decoration of the shields of the leaders who attacked Thebes.

One question I will spare you,
lest I provoke your laughter;
the foe that each of them encountered in the fray,
the spear from which each received his death-wound.
These are idle tales alike for those who hear or him who speaks...

(Eur. *Supp.* 846-50; translated by E.P. Coleridge)

Numerous stories from the mythological history of ancient Greek Thebes are reflected in ancient poetry and prose of different periods. The struggle of Oedipus' sons for their father's throne is the central theme in Aeschylus's tragedy *Seven against Thebes,* the only surviving tragedy from Aeschylus's Theban cycle. The race for power between the brothers develops from an interpersonal conflict into a military one because the agreement on an alternate reign is violated. Of the two sons of Oedipus, only Eteocles rules in Thebes, and Polyneices is forced to recruit an army in Argos, thus becoming one of the seven attackers who besiege the city (Fig. 1. P. 160). It is important for Eteocles that citizens accept the current situation and not look for the rights and the wrongs (specifically, not make him guilty, which he fears in the early stages of the tragedy). The king demands that the Thebans win or die, making in these two speeches an emphasis on the alternative he needs, "either with it (shield), or upon it".

There has been much research proving that Aeschylus made the description of the shields with which the seven leaders besiege Thebes central to *Seven Against Thebes*. In the Introduction to the translations of Aeschylus published in 2009, there is such a remark about *Seven against Thebes*: "At the heart of this drama is the "shield scene", a set of seven pairs of speeches in which the Scout tells Eteokles which of the Argive commanders has been stationed at each of Thebes' seven gates, describing the blazons on each of their shields"[1]. In this article, we will try to illustrate the point that the decoration of the shields with which the seven leaders attacked Thebes is of great importance for understanding the shield as pedagogical tool in Aeschylus' *Seven against Thebes*. The question in the epigraph of who and with whom fought under Thebes, which made Euripides ironic, indicates his desire to present a different description of these events and to see in them a different from Aeschylus' pedagogical dimension. The descriptions of the shield decorations are important not only for Aeschylus and Euripides, but also for Statius who includes them in *The Thebaid*.

«DECORATIVE» AND «TERRIBLE» SHIELDS IN HOMER AND AESCHYLUS

In *The Iliad*, Homer gives much attention to the Theban campaign and characterizes some of its participants, which, of course, is known to Aeschylus as well as the fact that Homer paid considerable attention to the warriors' outfit and, in particular, to the military shields and their decoration. At the beginning of the last century, George Henry Chase pointed out that the descriptions of the shields found in *The Iliad* reflect two principles of decorating Mycenaean shields[2]: "The one a principle of decoration for its own sake <…>, the other decoration with terrible figures, intended to frighten the enemy"[3]. The first principle appears in the description of Achilles' shield (Hom. *Il.* XVIII.478-608), and the second, in the description of Agamemnon's shield (Hom. *Il.* XI.32-37), which

[1] *Herington* (2009). P. IX.

[2] For more information on the shield of Achilles, the Mycenaean terrible shields and their reconstruction, see: *Paipetis* (2010). P. 135-146.

[3] *Chase* (1902). P. 65.

depicts the Gorgon, whose terrifying appearance made the enemy flee in terror. Following G.H. Chase, we will call the first type of shields "decorative", and the second — "terrible"[4].

The description of how Hephaestus created and decorated the decorative shield of Achilles (Fig. 2. P. 161) occupies a significant fragment in the eighteenth song of *The Iliad* (Hom. *Il.* XVIII.478-608). On the shield there were images of celestial bodies and two cities: in the first city, the people feasted, danced, participated in wedding processions, crowded in the square and attended the trial, and in the second city, they prepared for the siege of the city, captured cows and sheep, fought in battles, and then they dragged off the bodies of the dead. In addition to the stories about war and peace, there were stories on the shield where adults and children were engaged in farming, and the ruler silently watched them work. The hero of one of these stories was a boy who "made pleasant music with a clear-toned lyre, and thereto sang sweetly the Linos-song with his delicate voice; and his fellows beating the earth in unison therewith followed on with bounding feet mid dance and shoutings" (*Hom. Il.* XVIII.569-72). This complex visual row involves many interpretations. P.R. Hardie remarks that if the astronomical images are more or less clear (Hom. *Il.* XVIII 483-9, 607, etc.), the other images of human life can be understood as "teeming abundance"; "an unbiased observer might suspect that a simple principle of addition, rather than any more elaborate pattern of symmetry, had been responsible for the final conglomeration of subjects"[5]. O. Taplin believes that Homer suggests an original way to "make us look through the war to the peace that lies behind it, to the peace that the warriors have abandoned and which many of them will never know again"[6]. It is indicative that the shield with the images of war and peace (where there was a place for a pedagogical story as well) was forged by Hephaestus who was known for binding Titan Prometheus to a rock for his innovation in the pedagogical field[7], that is, for giving people the opportunity to teach each other.

[4] Ibid. P. 64.

[5] *Hardie* (1985). P. 11.

[6] *Taplin* (1980). P. 15.

[7] For more information on the pedagogical component of Aeschylus's tragedy *Prometheus Bound*, see chapter four: *Rogers* (2005). P. 194-232.

The description of Achilles' shield is the first description of a work of art in ancient Greek poetry, an example of cosmological mapping, which significantly influenced the ancient literary tradition. Among the many imitators of Homer was, for example, Hesiod, who described the shield of Hercules, or Virgil, who depicted the shield of Aeneas. The "shield of Achilles", as Robert Holmes Beck observes, "doubtless was precedent for the artful embossing Aeschylus intended his audience to appreciate"[8] in *Seven against Thebes*. We can expand this statement by saying that the shield of Agamemnon was also precedent for Aeschylus. Aeschylus turns the description of shield decoration into a core element of the plot by not including the description of Achilles' shield in the tragedy, as Euripides does in *Electra*[9].

Homer uses the word "σάκος" to refer to the shield of Achilles, and the word "ἀσπὶς" to describe the shield of Agamemnon[10]. In both cases, we are talking about derivatives shields. It is apparently impossible to establish the exact type since *The Iliad* has some indications of both Mycenaean types of shields and some later shields[11]. Aeschylus also uses the words "σάκος" and "ἀσπὶς" and their derivatives to speak about shields[12]. The shield, which is denoted by the word "σάκος", is a round (Aesch. *Sept*. 540) concave shield, which may have bosses about the center; the word "ἀσπὶς" can probably be applied to any type of shield[13].

[8] *Beck* (1975). P. 182.

[9] "In the center of the shield the sun's bright circle was shining on winged horses, and the heavenly chorus of stars, Pleiades, Hyades, bringing defeat to the eyes of Hector…" (Eur. *El.* 464-69).

[10] In *the Illiad*, the use of the word "ἀσπὶς" and its derivatives is much more frequent than of the word "σάκος" and its derivatives.

[11] For archaeological parallels, see: *Snodgrass* (1999). P. 19-20, 32-33, 53.

[12] Thucydides also uses two words to designate a shield, one of which is ἀσπὶς and the other is ὅπλον (Thuc. III.22-3; IV.12.1; IV.38.1; IV.96.2; V.71.1; VI.58.2; VII.45.2; VII.82.3). In one place, however, he distinguishes between light shields and hoplite arms, using for the former the word ἀσπίσι, and for the latter, the word ὅπλα (Thuc. IV.9.1). Thus, ἀσπὶς has a broader meaning, while ὅπλον means the shield of a heavily armed hoplite warrior.

[13] Examples of the terms used by ancient authors see: *Liddel, Scott* (1996). P. 1581, 259.

Aeschylus' use of either of these words is not connected with the type of shield we are talking about. Describing the shields, Aeschylus retreated from the existing practice of decorating shields by adding new elements, which reflect his artistic conception, to the common ones (for which, according to G.H. Chase, he received a caustic comment in *The Frogs* by Aristophanes, Ar. *Ran.* 928f[14]). Not only did Aeschylus maximize the connection between the image on the shield and the shield-bearer, reflecting the character of each of the attackers on Thebes in the decoration of the shields, but he created an elaborate system of terrible and decorative shields, as well as of those shields that cannot be divided into terrible and decorative. For the purpose of the discussion, the latter can be divided into those mentioned to unite the defenders (Aesch. *Sept.* 19) or the attackers (Aesch. *Sept.* 43), and those mentioned to scare the inhabitants of Thebes (Aesch. *Sept.* 91, 100, 160)[15]. We will give them a brief description, since terrible and decorative shields belong to the attackers on Thebes and their detailed description will be presented below.

In his patriotic speech, Eteocles uses the word "ἀσπιδηφόρος". For him, shields ("ἀσπιδες") are meant to unite the defenders (Aesch. *Sept.* 19). Calling on his fellow citizens to defend their city, Eteocles stresses the fact that the city once took care of them and educated them, and now the time has come to pay it back with care: "You must aid, too, your children, and Mother Earth, your beloved nurse. For welcoming all the distress of your childhood, when you were young and crept upon her kind soil, she raised[16] you to inhabit her and bear the shield, and to prove yourselves faithful in this time of need" (Aesch. *Sept.* 16-20)[17]. On the one hand, Eteocles says that the city has created a broad educational space for its citizens, and on the other, highlights that the homeland

[14] *Chase* (1902). P. 69.

[15] That is, those shields that Aeschylus mentions, but does not give them a description; those that are significant for him not because of the decoration, but because of the presence of a shield as such.

[16] Aeschylus uses the word "παιδείας", which has a much broader meaning than the word "upbringing" and, rather, implies education as a unity of upbringing and education.

[17] Henceforward, all citations in this article (unless specified otherwise) are reproduced according to the electronic database of classical texts "The Perseus Digital Library".

"raised the Thebans" exclusively as "shield-bearers" [18] and now it needs their protection. In his prayer at the end of the prologue, he concludes his thought by saying that Mother Earth also has to protect her sons (Aesch. *Sept.* 69-77). Right before the attack on the city starts, Eteocles makes his opinion regarding the proper conduct of the citizens in wartime more specific by saying that death in battle is a worthy reward to the city for nurturing (τροφεῖα) its citizens (Aesch. *Sept.* 477). Let us put forward the first hypothetical assumption, the proof of which will be developed through the analysis of terrible and decorative shields belonging to the attackers on Thebes: *Eteocles formulates the provisions of his educational conception "either with it, or upon it" and then tests it when forming the defense of the city.*

When the Scout describes the military prowess of the seven warriors preparing to march on Thebes, he mentions a shield ("σάκος"), which cannot be attributed to either decorative or terrible shields: "Seven warriors, fierce regiment-commanders, slaughtered a bull over a black shield, and then touching the bull's gore with their hands they swore an oath by Ares, by Enyo, and by Rout who delights in blood, that either they will level the city and sack the Cadmeans' town by force, or will in death smear this soil with their blood. And on Adrastus' chariot they were placing remembrances of themselves for their parents at home, and were shedding tears while so doing, but no piteous wailing escaped their lips" (Aesch. *Sept.* 42-51). In the Scout's speech, the reference to the shield is an indication that this union of seven attackers should not be underestimated: the actions of its members will be well coordinated through the joint decision-making process. In other words, the attackers will act as a single, united force, where seven will become one. Let us put forward the second hypothetical assumption, the proof of which will also be developed in the analysis of terrible and decorative shields belonging to the attackers on Thebes: *in the tragedy, the shields of all the attackers on Thebes form a kind of a single mixed shield, similar in complexity to the decoration on Achilles' shield, which includes elements of intimidation, as it was on Agamemnon's shield*[19].

[18] *Edmunds* (2017). P. 97.

[19] In combining the two types of shields into one, as it seems to us, there is no contradiction. We categorize Achilles' shield as a decorative one, but this

In the tragedy there are three more mentions of the shields that cannot be categorized as terrible or decorative. They are mentioned in order to use the view or sound of the shield to strike terror in the Thebans. The tension in the tragedy is increasing due to the special composition of the Chorus' parts, where there is an increase in "the noise of battle" and "the noise of lamentation"[20]. The Chorus sings: "The army of the white shield, ready for battle, rushes at full speed against the city" (Aesch. *Sept.* 89-90). And a little further: "Do you hear the clash of shields, or does it escape you?" (Aesch. *Sept.* 100); "Terror of their weapons of war shakes us, as the bridles in the horse's jaws rattle the sound of death" (Aesch. *Sept*. 121-3); "The hubs are creaking beneath the axles' load. <…> The air rages at the shaking of spears!" (Aesch. *Sept.* 152-5); "There is the clang of bronze-bound shields at the gates." In two cases, Aeschylus uses derivatives of "ἀσπὶς" (Aesch. *Sept.* 89 and 100), and in the third one — of "σάκος" (Aesch. *Sept.* 160).

Aeschylus' Chorus focuses on the weapons and armour of the attackers, appealing for the reasonable unity of the people preparing for defense. In Aeschylus, "war is presented as visible and audible horror" and since "the chorus can hear more than they can see of the approaching army, sound predominates in their first two songs and in the exchanges with Eteocles"[21]. Eteocles is trying to resist the fear of the Chorus being transmitted to all the townspeople. But the rattling of armour (including shields) creates such a panic that "the chorus can "see the noise" " (Aesch. *Sept.* 103). A description similar in emotional coloring is also present in Euripides: "Around the city a thick cloud of shields is kindling a shape of bloody battle…" (Eur. *Phoen.* 250-1) The sound of preparation for the battle outside the city walls and the sound of the chorus' lamentation inside the city make Eteocles so terribly angry that he breaks out in two angry passages that are close in content: men should stand on the defensive and women should stay at home and pray to the gods

does not mean that there are no elements of terrible shields on it, since any shield, even falsely decorated, is primarily a shield. That is, its purpose is to protect from the enemies, and not to fascinate them with the beauty of the decoration.

[20] *Hecht, Bacon* (1991). P. 8.

[21] *Bacon* (1964). P. 28.

(Aesch. *Sept.* 200-2; 230-2). However, the male Theban defenders will not collectively ask for the gods' help in the battle (as the attackers did). Eteocles only swears to pray before the battle, and in case of victory, perform a number of ritual acts, including adorning the walls of the temples with the battle vestment of the attackers (Aesch. *Sept.* 278-9).

Having calmed down a little, the Chorus again continues to argue that the city is trapped in military noise (Aesch. *Sept.* 345-50). But the "degree" of noise, nevertheless, begins to decrease, and Aeschylus goes on to describe the seven pairs of warriors in the famous "shield scene". Let us put forward the third hypothetical assumption, the proof of which will also be developed in the analysis of terrible and decorative shields belonging to the attackers on Thebes: *the shields that are "generating noises" and frightening the Thebans allow Eteocles to establish himself in the role of king-mentor for the townspeople, which is clearly manifested in the "shield scene".*

SHIELD-BEARERS: WHO ARE THEY?

At the instigation of the Scout, Eteocles makes an autocratic decision and sends one defender, the antipode of the attacker[22], at each gate, thus leaving for himself in the "shield scene" the role of the wise king who solves a series of military riddles. These riddles, as it seems to Eteocles, require from him to correctly decipher what is depicted on the decorative or terrible shield of each of the attackers. Before proceeding to their description, we will consider a few questions regarding the literary tradition: *Who exactly is each of these seven? In what order are they described? Is there any indication of the ornament of their shields? (marked with a plus or minus, respectively,* in Table 1. P. 157-158)[23].

[22] For the original hypothesis, not related to the pride of the attackers, see: *Seth* (1967). P. 22-30, *Seth* (1968). P. 5-17.

[23] For convenience, we have compiled a table where not all the options existing in the literary tradition are presented. The origins and breadth of this tradition are enormous, as the commanders are listed, for example, in the Cyclic poem *The Thebaid*, attributed to Homer, in *The Thebaid* by Antimachus of Colophon, *The Phoenician Women* by Aristophanes and many other works that have or have not survived. In this article, we deliberately avoid the issue of who the leader of the attackers is, since in some cases, we cannot say that the leader is

In Aeschylus, the composition of the attackers on Thebes and the order of their presentation are as follows: Tydeus, Capaneus, Eteoclus, Hippomedon, Parthenopaeus, Amphiaraus, and Polyneices. Aeschylean Adrastus is not the leader of the Theban campaign. Neither is he in Sophocles' tragedy *Oedipus at Colonus* and in Euripides' tragedy *The Phoenician Women*. In *Oedipus at Colonus*, when Antigone and Oedipus meet Polyneices, he lists the military commanders with whom he leads the troops to Thebes (Soph. *OC*. 1360-75). Euripides has a different sequence in *The Suppliants* and *The Phoenician Women* (see Table 1. P. 157-158). Adrastus is the leader of the campaign only in *The Suppliants*, surprisingly becoming the eighth, not the seventh, attacker on Thebes. In his *Bibliotheca Historica,* Diodorus of Sicily says that Adrastus promised Tydeus and Polyneices to help him return to his homeland, and began with Polyneices (Diod. Sic. IV.65.7). Hyginus dedicates one of his *fabulae* to the seven attackers on Thebes (Hyg. *Fab.* 70) and, like Diodorus, states that Adrastus not only gave his army to Polyneices, but joint him in the Theban campaign.

In Aeschylus, each of the seven attacker-defender pairs must fight at one of the seven gates of the city. Aeschylus lists the gates in this sequence: the Proetid gates (Aesch. *Sept.* 377; 395), the Electran gates (Aesch. *Sept.* 423), the Neistan gates (Aesch. *Sept.* 460), the gate near Onca Athena (Aesch. *Sept.* 487; 501), the Northern gate (Aesch. *Sept.* 527), the Homoloid gates (Aesch. *Sept.* 570), the seventh gates (Aesch. *Sept.* 631; 714; 800)[24]. This sequence does not correspond to the location of the gates[25], which indicates that it is important for Aeschylus to state exactly this sequence of the attackers on Thebes: Tydeus, Capaneus, Eteoclus, Hippomedon, Parthenopaeus, Amphiaraus, and Polyneices. Aeschylus constantly "skips" over the gates placing the attackers on

precisely the one who was declared as such. So, for example, in Statius, Adrastus formally leads the attackers, but in reality the army is led by Capaneus, and after Tydeus' death, Hippomedon takes a number of key decisions. This and other examples should be the subject of a separate study.

[24] For the archaeological data regarding this gates, see: *Mozhajsky* (2018). P. 79-96.

[25] This was pointed out by June W. Allison who suggested her own version of the interpretation of this discrepancy: *Allison* (2009). P. 137-138.

Thebes. If you start to establish the sequence of gates precisely from the Proetid gates, as Aeschylus does, and go counterclockwise or clockwise, there is a coincidence for the gate near Onca Athena or the Neistan gates, in which either Hippomedon or Polyneices respectively have to fight with the Theban commanders (Fig. 1a. P. 159).

It should be noted that not only Aeschylus "skips" over the gates (see: Eur. *Phoen*. 1104-1141; Apollod. *Bibl.* III.6.6), placing attackers on Thebes in his sequence[26] and giving priority to the issue of *who* is standing rather than *where* he is standing. It should also be noted that Statius in *The Thebaid* offers an exceptional arrangement of the defenders rather than the attackers (Stat. *Theb.* VIII.353-8).

G. Nagy emphasizes that the Aeschylean attackers on Thebes are "visualized directly, by way of direct speech as delivered by the Scout (to Eteocles as the chief defender of the polis)" and "indirectly, by way of a blazon on his shield, the word for which is *sêma* "sign, signal" (lines 387, 404, 432, 491, 518, 591, 643)"[27]. It seems to us that this is not even a double, but a triple visualization, since the association of an attacker with a specific gate is of special importance for Aeschylus. This statement is confirmed by the fact that the attackers drew lots[28] to decide which of the city gates each of them would attack with his army (Aesch. *Sept.* 55-56). Having told in detail about the preparation of the enemy for the battle, the Scout instructs Eteocles to immediately and single-handedly appoint those of the Theban warriors who will confront the attackers in which of the gates. This is what Eteocles does later. This contrast between the attackers and the defenders preparing for the battle is necessary for Aeschylus to demonstrate the difference between the brothers: Polyneices is shown as capable of organizing military alliances, while Eteocles is depicted as a person neglecting such methods of warfare. But Aeschylus moves beyond this difference: he enhances the difference between the brothers through the descriptions of the shields of those who fight together with each of them.

[26] On the discrepancy between the gate names in Aeschylus and Euripides see: *Mozhajsky* (2018). P. 79-96.

[27] *Nagy* (2000). P. 102.

[28] In Statius, the defenders drew lots to choose the gates (Stat. *Theb.* VIII.353-8).

A. Bacon believes that in the scene with the description of the attackers' shields, "Eteocles progresses from uncertainty, or blindness, to knowledge about the workings of the family curse"[29]. It seems to me that this assessment unnecessarily exaggerates the role of Eteocles in the tragedy: the movement from ignorance to knowledge of how the family curse works is as necessary to Polyneices as to Eteocles. Despite the fact that each of the brothers chose their own path and their rate in moving along this path, the result is observed in the "shield scene". Eteocles assumes that he must solve the riddles by deciphering correctly what is depicted on the shield of each of the attackers, and these riddles are prepared for him not without the participation of Polyneices. In our opinion, these riddles were formulated by Aeschylus in a way that requires his audience to know Homer's text and, in particular, the fragments concerning the decorative shield of Achilles and the terrible shield of Agamemnon.

A. Poochigian underscores a rigid pattern repeated six times when Aeschylus introduces the pairs of the attackers and defenders. He believes that in the "shield scene", six Theban commanders are silently present on the stage so that Eteocles could draw attention "to an important aspect of the model behavior he espouses"[30]. If we agree that the audience sees the defenders and can form a judgment about the attackers only on the basis of the Scout' descriptions and Eteocles' comments, the question inevitably arises: why is it all about the attackers' shields and why can one only guess about the defenders' shields?[31] Even assuming that the audience sees the defenders' shields, they remain a mystery to the reader.

The second question that arises when analyzing the central scene of the tragedy: if Aeschylus takes two types of shields as described by Homer in *The Iliad*, the decorative shield of Achilles and the terrible shield of Agamemnon, then why does he use these patterns to describe the attackers' shields? As we know, Achilles and Agamemnon are successful shield-bearers, they managed to capture Troy. That is why the descriptions of the shields belonging to Tydeus, Capaneus, Eteoclus,

[29] *Bacon* (1964). P. 27.

[30] *Poochigian* (2007). P. 3.

[31] We only know about the decoration on the shield of one of the defenders, Hyperbius, who is confronted by Hippomedon.

Hippomedon, Parthenopaeus, Amphiaraus, and Polyneices, based on the description of the shields of Achilles and Agamemnon, can be considered as an allusion to the victory of the attackers. In this vein, the prevailing opinion among the researchers that the "shield scene" anticipates the outcome of the battle seems to us more than controversial, as well as the opinion that the decoration of the Aeschylean shields "functions as an expression or enhancement of the heroic power inhering in their bearers"[32]. In this case, the defenders are completely devoid of heroic power since the descriptions of their shields are not presented. F.-G. Herrmann accounts for this by the fact that Aeschylus simply needs a contrast between the attackers striving for victory and the defenders, whose modesty is so great that they do not even lay claim to the shields: "It must be noted, though, that the denouncing of the attackers' boasts and of their shield-devices almost invariably takes place before the opposing defender and his suitability is announced, i.e. that the deconstruction of the boasts of the attackers does not actually depend on the qualities of the specific defender"[33].

Since Tydeus is the first attacker Aeschylus describes, the ornament on his shield should be of particular importance. Aeschylus uses of "ἀσπὶς" (Aesch. *Sept*. 385; 387; 400) three times and a derivative from "άσπὶς" only once (Aesch. *Sept*. 389). Aeschylus uses the word "σῆμα" (Aesch. *Sept.* 432) to describe Capaneus, which immediately indicates the decoration of his shield. Speaking about Eteoclus, Aeschylus uses the word "ἀσπὶς" and its derivative (Aesch. *Sept.* 465; 478). Pointing to Hippomedon and his opponent from the Theban side, Aeschylus uses the derivatives from the word ἀσπὶς five times (Aesch. *Sept.* 489; 492; 510; 512; 520) and the derivative word from σάκος once (Aesch. *Sept.*522). Describing the shield of Parthenopaeus, he uses the derivatives from "σάκος" (Aesch. *Sept.* 540) and "ἀσπὶς" (Aesch. *Sept.* 559). Speaking about Amphiaraus and his opponent from Thebes, Aeschylus uses the derivatives from the word "ἀσπὶς" twice (Aesch. *Sept.* 590; 624). Describing the shield of Polyneices, Aeschylus uses one derivative from the words "σάκος" (Aesch. *Sept.* 642) and "ἀσπὶς" (Aesch. *Sept.* 661). In addition to Tydeus, the Aeschylean Eteocles pays special attention to the

[32] *Hardie* (1985). P. 15.
[33] *Herrmann* (2013). P. 57.

ornaments on the shields of Hippomedon, Amphiaraus, and, of course, Polyneices. Further, we will explain why. For now, we can only assume that if we consider the length of Eteocles' response speech after the Scout tells about the attacker and speaks about the ornament on his shield, we will see the following figures: Tydeus (Aesch. *Sept.* 397-416, 19 lines), Capaneus (Aesch. *Sept.* 437-451, 14 lines), Eteoclus (Aesch. *Sept.* 372-480, 8 lines), Hippomedon (Aesch. *Sept.* 501- 520, 19 lines), Parthenopaeus (Aesch. *Sept.* 550-562, 12 lines), Amphiaraus (Aesch. *Sept.* 597-625, 28 lines) and Polyneices (Aesch. *Sept.* 654-676, 22 lines).

We can see that both in Homer and Aeschylus, the use of words is not connected with decorating the shield: the same shield is often called different words. It is possible to categorize the shields of attackers into terrible and decorative only according to their descriptions which we will analyze further. For Aeschylus, the sequence of the attackers on Thebes, their association with the concrete city gates and the ornaments on their shields, representing a series of military riddles for the defenders and, especially, for Eteocles, are important. Further, we will try to prove that all this allows Aeschylus to create a pedagogical dimension of the tragedy *Seven against Thebes*, to which Euripides and Statius will offer their alternatives.

TYDEUS

The first attacker described by Aeschylus is Tydeus who is preparing to attack the Proetid gates. Tydeus is so furious at the delay in starting the assault due to the prophecy of Amphiaraus that Aeschylus portrays him as a dragon. On the shield of Tydeus there is a full moon surrounded by stars (Fig. 3 and 4. P. 162-163), which Eteocles regards as a bad prophecy for its bearer: if Tydeus is killed, Night with the moon and stars will fall on him. Researchers have proposed many interpretations for the image of Night that Tydeus is associated with. This image, on the one hand, can indicate moral blindness, and on the other hand, can serve as a hint at the moral blindness of the representatives of the house of Laius, since the moon reminds of Hecate, the goddess with whom the curse of the royal house of Thebes began. Tydeus shrieks, which makes the figures on his triple-crested helmet shake and the bells on the shield ring out a fearsome clang. C. John Herington calls Tydeus' helmet "a

part of the riddle"[34], which is also related to the story of the house of Laius and which helps to unravel the Chorus' part: "Indeed I speak of the ancient transgression, now swift in its retribution. It remains even into the third generation, ever since Laius — in defiance of Apollo who, at his Pythian oracle at the earth's center, said three times that the king would save his city if he died without offspring" (Aesch. *Sept.*742-9). In Statius' *Thebaid,* the helmet of Tydeus is adorned with Mars (Stat. *Theb.* IV.111), which does not create such a multi-level mystery of his armour as in Aeschylean tragedy.

If you follow the analogy of the images, the heavenly bodies depicted on the shield of Tydeus are the same as on the shield of Achilles. Thus, his shield can be considered as decorative shield, but G.H. Chase, whose terminology we use throughout this article, calls the shield of Tydeus a terrible shield[35]. P.R. Hardie offers a dual interpretation of the shield of Tydeus. First, he, citing a study by Robert Eisler who collected examples of shields with stars from classical and other sources[36], suggested that "the warrior, by bearing the image of a star, draws on its power in his own confrontations"[37]. That is, the shield of Tydeus has psychological, not magical effectiveness in battle, and is designed to scare the enemy. Eteocles oversimplifies the moon and stars on Tydeus' shield[38], underestimating the fact that these symbols emphasize his power to destroy. Then P.R. Hardie argues that "the first shield in the Aeschylean catalog should allude to the whole universe"[39], that is, it provides an argument that allows us to call the shield of Tydeus a decorative shield, similar to the shield of Achilles.

We agree with June W. Allison, who believes that we should "unfold" the image on the shield of Tydeus, seeing on it not just the moon, "but an entire ethereal scene"[40]. The sequence of attackers is important for Aeschylus, and Tydeus, who appeared first, was supposed to scare the

[34] *Herington* (2009). P. 120.
[35] *Chase* (1902). P. 70.
[36] *Eisler* (1910). P. 84.
[37] *Hardie* (1985). P. 12.
[38] Ibid. P. 13; *Allison* (2009). P. 141.
[39] Ibid. *Hardie* (1985). P. 14.
[40] *Allison* (2009). P. 140.

Thebans not just with a terrible shield, but with a decorative shield — a shield that distinguishes him from others and serves as an analogy to the shield of Achilles. This hypothetical assumption is supported, for example, by Aeschylus' desire to ensure consistency with Homer, who praised Tydeus' military prowess in the fourth book of *The Iliad* (Hom. *Il.* 368-400). In the fifth book of *The Iliad*, Homer characterizes Diomedes, the son of Tydeus. He writes that he is a brave man and just as lucky in battle as his father. Describing Diomedes' armour, Homer recalls the young man's father again: "…the wise-hearted son of Tydeus do I liken him in all things, knowing him by his shield and his crested helm, and when I look on his horses; yet I know not surely if he be not a god" (Hom. *Il.* V.181-4). Further on, Homer mentions that Troy needs powerful protection from Tydeus' son, "that savage spearman, a mighty deviser of rout" (Hom. *Il*. VI.277-8), thus emphasizing the courage and strength of the son who is not inferior to his father in military characteristics. Tydeus, to whom Athena had promised immortality but then was horrified by his deeds and changed her mind, granted immortality to Diomedes, which indirectly deepens the connection of the father and the son with the invulnerable Achilles[41] and his decorative shield. This connection is completely uninteresting to Euripides, since Tydeus is never the first attacker in any version (see Table 1. P. 157-158).

Aeschylean Eteocles says that the well-decorated armor of Tydeus will not cause wounds, trying, thereby, to shift the emphasis from the physical strength of this warrior to his appearance. In *The Phoenician Women* by Euripides, Antigone and her attendant look at the attackers from the city wall and also pay attention to the armour of Tydeus. Antigone asks the attendant about the identity of the warrior who looks "quite different" (Eur. *Phoen.*133). The attendant answers her: "Tydeus, the son of Oeneus, Aetolian battle-spirit in his breast" (Eur. *Phoen.* 134). This definition once again points to the episode from the past of Tydeus, when he was exiled from his hometown. Antigone replies that she understands who he is; she knows that Tydeus and Polyneices are both married to the daughters of Adrastus. She speaks of Tydeus: "What a foreign look his

[41] In *Metamorphoses*, Ovid consolidates this connection by narrating about the rivalry over the shield of the killed Achilles and how worthy Diomedes proved himself in this situation (Ov. *Met.* XII.620-2).

armor has, half-barbarian!" (Eur. *Phoen*. 137-8). However, from this fragment, it is completely incomprehensible what exactly Tydeus is wearing[42]. The attendant tells Antigone that all Aetolians have such shields and they are all unerring marksmen with their darts. This strange answer, which is focused on only one element of Tydeus' armour, the shield, suggests a warning: never judge a warrior by his appearance, judge him by his military strength. In *The Suppliants*, Euripides emphasizes the military prowess of Tydeus and his skills with a shield, as well as the fact that "his was a richly ambitious nature, a spirit equal to deeds, not words" (Eur. *Supp.* 907-8). The last remark brings down the defense strategy of Eteocles, which was proposed by Aeschylus and implies that only the defenders of Thebes can prioritize the deed over the word. The logic of the description of Tydeus in Euripides contradicts the logic in Aeschylus, where Eteocles, on the contrary, wants to convince others that they should not be too afraid of Tydeus, since he is only remarkable for his armor.

In *Seven against Thebes*, the screaming and arrogant Tydeus is confronted by Melanippus, the native of Thebes, because he is "he is full noble and reveres the throne of Honor and detests proud speech" (Aesch. *Sept.* 409-10). It seems to Eteocles that Melanippus will defeat Tydeus, because he "is truly born of our land" and his blood tells him to defend his motherland. Here Aeschylus probably wants to hint that Tydeus is an outcast; he is the one who has lost touch with his roots and, having become related to Adrastus, has not found new ones. Aeschylean Chorus anticipates the death of Melanippus with the words: "But I shudder to watch the bloody deaths of men cut down for the sake of their own people" (Aesch. *Sept.* 419-421). Eteocles wants the emotional state of Tydeus, forced to postpone the attack on the city, to be perceived not as a dangerous force, but as an insane desire to serve, and Melanippus will fall victim to this desire. Eteocles' words about Melannipus and Thebes as his mother needing protection fit into the educational conception of "either with it, or upon it", which Eteocles outlined at the beginning of the tragedy.

[42] This is indicated elsewhere («a lion's skin with shaggy mane upon his shield», Eur. *Phoen.* 1120-3). Pseudo-Apollodorus claims that the head of a boar was depicted on Tydeus' shield (Apollod. *Bibl.* III.6.1.)

The cruelty with which Tydeus will deal with Melanippus will terrify Athena, who will deprive Tydeus of immortality. When Statius describes the horrible details of this episode in *The Thebaid*, he does not describe the shield of Tydeus, but merely indicates that he inadvertently let go of his round shield and received a mortal wound from Melanippus. However, the episode of Eteocles' deathly ambush suggests that the shield of Tydeus in Statius is decorated in the same way as in Aeschylus (that is, in my logic, it is a decorative shield): when Tydeus attacks a Theban warrior with a spear and shield, the warrior falls down and asks for mercy appealing to Night and the stars who favour Tydeus (Stat. *Theb.* II.650). For Statius, as well as for Aeschylus, Tydeus plays an important role in the narrative, since he is close in spirit to Polyneices, whom Statius sympathizes with. In Statius, Tydeus best fits the Aeschylean description as "principal teacher of evils to the Argives"[43](μέγιστον Ἄργει τῶν κακῶν διδάσκαλον) (Aesch. *Sept.* 573). Tydeus is "fierce and aggressive … he nevertheless does not lend himself to facile assessments: most importantly, he cannot be regarded as a plainly hubristic figure, such a role being reserved for Capaneus"[44].

For Aeschylus, it is important that Tydeus is the first attacker on Thebes, and his armour appears the first of a series of military riddles for Eteocles. Sending Melanippus against Tydeus, Eteocles indicates his understanding of the decoration of the attacker's shield as a military riddle and the logic of the riddles, which, as he thinks, successfully follows from the educational conception "either with it, or upon it" that he has already designated. Further developments show that Eteocles will implement this logic, regardless of whether the attacker carries a decorative or terrible shield.

CAPANEUS

The second Aeschylean attacker on Thebes is Capaneus, a giant with a shield, on which a naked man with a burning torch in his hands is

[43] Robert Holmes Beck, citing H. Patzer, calls Tydeus a man "who "more than all (the others)" (presumably meant to include Polyneices) "taught Argos evil ways" " *Beck* (1975). P. 182-183; *Patzer* (1958). P. 102.

[44] *Marinis* (2015). P. 345.

depicted. Capaneus is preparing to attack the gates of Electra, which is confirmed, inter alia, by Pausanias (Paus. IX.8.3). Capaneus is considered "a grotesque exaggeration, of the impiety of Tydeus", who, unlike Tydeus, who chose darkness as his symbol, prefers fire, that is, an image associated with the light, including the light of knowledge and the ability to construe the truth[45]. Capaneus does not go first, but turns out to be closely associated with Tydeus, who does go first: he is first after the first[46].

The possibility of juxtaposing Tydeus and Capaneus is confirmed by a fragment from *The Phoenician Women* by Euripides (Eur. *Phoen.* 1120-3), which we have already referred to. Anthony J. Podlecki suspects that this description is incomplete, since there is a gap of one or several lines at this place of the text, where, probably, Tydeus' dress and the image of Prometheus carrying the torch are explained[47]. In Euripides' *The Phoenician Women*, Capaneus is described as the last of the attackers on Thebes. But it is Capaneus that captivates Antigone's attention. Antigone asks her attendant very similar question about all the warriors: "Who is this?" And who is this? ... ", but she asks a completely different question about Capaneus: "But where is the one who utters those dreadful insults against this city?" (Eur. *Phoen.* 178-9) She is looking for Capaneus on the battlefield as thoroughly and reacts to him almost as emotionally as to Polyneices[48]. Antigone prays to the gods to pacify the pride of Capaneus who promised to bring to his city many of "the Theban girls as captives".

Like Tydeus, Aeschylean Capaneus demonstrates a combination of courage and pride, but Capaneus has a different type of shield: he bears a terrible shield[49], like all the others attackers who will be discussed below.

---

[45] *Herington* (2009). P. 120.

[46] In Diodorus, Capaneus begins the list of those who expressed their consent to Adrastus to support Polyneices (after Tydeus has already done so) (Diod. Sic. IV.4).

[47] *Podlecki* (1962). P. 366.

[48] In Sophoclean *Oedipus at Colonus*, where a fairly moderate description of the attackers on Thebes is presented, Capaneus is given the second detailed description after Amphiaraus: "While Capaneus, the fifth, boasts that he will burn Thebes to the ground with fire" (Soph. *OC.*1318-9).

[49] While Aeschylean Capaneus is an embodiment of brutal force, in Statius' *Thebaid*, he embodies primitiveness: the giant, leading his soldiers on

Capaneus, who is challenging Zeus, is confronted by Polyphontes, who is favoured by Artemis, a goddess who strictly follows the inviolability of ancient customs. Eteocles believes that the excessive recklessness of Capaneus, who has the phrase "I will burn the city" on his shield, is now in the hands of Polyphontes, who is "man of fiery spirit". Further developments will show that the death of Capaneus will become a divine intervention in the affairs of people: Capaneus is stricken by the bolt of Zeus. That is, he is consumed by fire, thus again actualizing his association with the image of fire, about which Euripides writes in *The Phoenician Women* and *The Suppliants*. He also indicates that Capaneus fell off the ladder (Eur. *Phoen.* 1172-84; Eur. *Supp*. 497-500) (Fig. 5. P. 164). Euripides has two opposite descriptions of Capaneus. Both in *The Phoenician Women* and in Aeschylus, Capaneus is portrayed as a proud person, but Euripides does not describe the ornament on his shield: "As for the madness of Capaneus, how can I describe it? He was going about with a long scaling-ladder, and boasting that even the holy fire of Zeus would not hold him back from giving the city to utter destruction. And even as he spoke, he climbed up beneath the hail of stones, crouched under the shelter of his shield, rung by smooth rung going up the ladder" (Eur. *Phoen*. 1172-9). In *The Suppliants*, Euripides describes Capaneus as a noble warrior, which completely contradicts both Aeschylus' description and his own: "That is Capaneus; though he had ample wealth, yet he was the last to boast of his prosperity; nor would he ever vaunt himself above a poorer neighbor, but shunned the man whose sumptuous board had puffed him up too high and made him scorn mere competence, for he held that virtue lies not in greedy gluttony, but that moderate means suffice. He was a true friend to his friends, present or absent; of such the number is not great. His was a guileless character, courteous in his speech, that left no promise unperformed either towards his own household or his fellow-citizens" (Eur. *Supp.* 861-871). Adrastus gives this characterization of Capaneus to Theseus, after which Theseus decides to bury Capaneus separately from other military commanders who fell under Thebes. The following conversation takes place between Adrastus and Theseus:

---

foot, easily juggles with a shield, on which a three-headed Hydra is depicted (Stat. *Theb*. IV.165-171).

Adrastus: Will you bury him apart as a consecrated corpse?
Theseus: Yes; but all the rest on one funeral pyre.
Adrastus: Where will you set the tomb apart for him?
Theseus: Here near this temple I have built him a sepulchre
(Eur. *Supp*. 935-8).

This story is continued in Virgil, when Aeneas in the underworld first meets Evadna (Verg. *Aen.* VI.447-8), the wife of Capaneus, who threw herself into the funeral pyre of her husband, and later three of the seven attackers on Thebes: "But now his destined way he must be gone; Now the last regions round the travellers lie, Where famous warriors in the darkness dwell: Here Tydeus comes in view, with far-renowned Parthenopaeus and Adrastus pale" (Verg. *Aen.* VI.477-80). Virgilian Aeneas does not meet Capaneus, since he was resurrected by Asclepius, so it is Parthenopheus[50] who appears in the company with Tydeus[51] and Adrastus.

[50] See: *Pollmann* (2001). P. 11-12.

[51] Once again, let us get back to the relationship between Tydeus and Capaneus. In Hyginus, we find that Diomedes, the son of Tydeus, and Sthenelus, the son of Capaneus, were the most faithful friends *(*Hyg. *Fab. 257)*. Homer confirms this in the fourth book of the *Iliad*. When Agamemnon talks briefly about the military campaign of Tydeus and Polyneices on Thebes, and then compares Diomedes, the son of Tydeus, with his father, though not in favor of the former: "Such a man was Tydeus of Aetolia; howbeit the son that he begat is worse than he in battle, though in the place of gathering he is better" (Hom. *Il.* IV.399-400). Sthenelus stands up for Diomedes and tells Agamemnon: "Son of Atreus, utter not lies, when thou knowest how to speak truly. We declare ourselves to be better men by far than our fathers: we took the seat of Thebe of the seven gates, when we twain had gathered a lesser host against a stronger wall, putting our trust in the portents of the gods and in the aid of Zeus; whereas they perished through their own blind folly. Wherefore I bid thee put not our fathers in like honour with us" (Hom. *Il*. IV. 404-410). This "defensive speech" did not please Diomedes: he interrupts Sthenelus saying that he is not angry with Agamemnon, because he understands what grief awaits the Achaeans if they are defeated under Troy. When Diomedes finished his speech and jumped off the chariot, his armour rang so that the bravest man would be scared (Hom. *Il.* III.421). This episode allows us to say that in Homer, Diomedes is described not only as a strong warrior, but also as a wise man. Diomedes, unlike Sthenelus, knows how to suppress his emotional impulses and, like his father, shows respect for other commanders.

In addition to Aeschylus, Statius refers to the ornament on Capaneus' shield when describing his military prowess: "But Capaneus, on foot and looking down by a whole head's height upon the host, wields the burden of four hides torn from the backs of untamed steers and stiffened above with a covering of massy bronze; there lies the Hydra with triple-branching crown, lately slain and foul in death."[52] (Stat. *Theb.* IV.165-71). Like Aeschylus, Statius describes the shield of Capaneus as a terrible shield.

Sending Polyphontes against Capaneus, Eteocles does not make allowance for the fact that Capaneus, unlike Tydeus, has a terrible but not a decorative shield. Eteocles continues to unravel the ornaments on the attackers' shields like military riddles, each of which is new to him, but close in complexity to the previous one. He considers each subsequent riddle as one more opportunity to "test" the educational conception introduced by him earlier.

ETEOCLUS / ADRASTUS

The third proud commander, Eteoclus, surrounded by frenzied and tearing horses, will be confronted by Megareus (Aesch. *Sept.* 473). Eteoclus is preparing to attack the Neistan gates. On his shield there is an armed warrior climbing the ladder to the tower, from which, according to the inscription, even Ares himself will not be able to fling him down. An indication of the ladder remains without any detail. "The ladder is, in any case, a good illustration of the kind of military information contained in Seven: reality (the scaling ladder) disguised in fictional robes (drawn on a shield and never used in proper action)"[53]. Eteocles does not so much interpret the image on this anti-Theban hero's shield as he wants to mock at him: when Megareus wins, he will immediately capture two people and a city (Aesch. *Sept.* 477-9). This ironic vision, according to G. Nagy, is "a mirror image of what would happen if Megareus and Thebes were captured: instead, Megareus will capture the named man and, in addition,

[52] Here and below, cited by: Publius Papinius Statius, *The Thebaid. Vol I-II*. Translated by John Henry Mozley. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons. 1928.

[53] *Echeverría* (2017). P. 83.

the unnamed man and the unnamed city in the picture, since the picture is on the captured shield"[54].

In this contrast between the attacker and the defender, Aeschylus breaks the usual structure when the Scout describes the enemy's armour and gives him a moral characterization, and Eteocles supplements this characterization and instructs how to resist him. Eteocles does not characterize the attacker but just speaks of Megareus as a warrior protecting Thebes: "Whereas in every other case he is quick to bring accusations of blasphemy, impiety, and folly, here he moves swiftly to name his chosen defender, and makes unusually brisk work of the matter, turning instantly to the next contender"[55]. This is probably explained by the fact that the name of the attacker is consonant with the name of the king of Thebes, and it would be strange to bring charges against his "twin"[56].

Sophocles gives a modest description for the anti-Theban hero of Eteoclus: "Eteoclus is third, of Argive birth" (Soph. *OC.* 1316). Euripides, on the contrary, characterizes him quite thoroughly in *The Suppliants:* "The next I name is Eteoclus, a master of other kinds of excellence; young, lacking in means to live, yet high in honor in the Argive land. And though his friends often offered gifts of gold, he would not have it in his house, to make his character its slave by taking wealth's yoke upon him. Not his city, but those that sinned against her did he hate, for a city is not to be blamed if it should get an evil name by reason of an evil governor" (Eur. *Supp*. 873-880). Neither of these characteristics clarifies the ornament on his shield described by Aeschylus, which allows qualifying the shield of Eteoclus as a terrible shield.

In the literary tradition, Adrastus often appears among the seven attackers on Thebes instead of Eteoclus (Table 1). In Euripides's *The Suppliants*, Theseus asks Adrastus about the campaign against Thebes, intending to present Adrastus' response as some instruction for the young Athenians: "Of what lineage sprang those youths, to shine so bright in courage? Tell it to our younger citizens, from your fuller wisdom; for you are skilled to know. I myself beheld their daring deeds, too high for words to tell, by which they thought to capture Thebes" (Eur. *Supp*. 841-

[54] *Nagy* (2000). P. 116.
[55] *Herington* (2009). P. 120.
[56] См.: *Vidal-Naquet* (1979). P. 96-118.

5). At the end of the tragedy, Athena appoints the son of Adrastus and the son of Tydeus leaders of the second campaign against Thebes. Hyginus, like Euripides, pays much attention to the role of Adrastus in the first military campaign against Thebes. After listing all the attackers on Thebes, Hyginus reports that they all perished, except Adrastus, who initiated the campaign of the sons of the fallen on Thebes (Hyg. *Fab.* 70). In Hyginus, there is a son of Adrastus, not of Eteoclus, among the epigones (Hyg. *Fab.* 70).

In *The Phoenician Women*, Euripides describes the decoration of Adrastus' shield as follows: "Adrastus was at the seventh gate; a hundred vipers engraved on his shield, [as he bore on his left arm the hydra] the boast of Argos, and serpents were carrying off in their jaws the sons of Thebes from within our very walls" (Eur. *Phoen*. 1134-8). As we have mentioned above, in Statius' *Thebaid,* Capaneus had a shield decorated with Hydra (Stat. *Theb*. IV.165-71). Anthony J. Podlecki suggests that the image of the hydra on Adrastus' shield is "an obvious analogue to the sphinx and her depopulatings"[57]. In Aeschylus' *Seven against Thebes*, Sphinx was depicted on the Parthenopaeus' shield. It should be noted that of Adrastus' military equipment, more attention was attracted not by the shield, but by his talking horse (see, for example, Prop. 37-8).

The terrible shield of Eteoclus is another riddle to the Theban king Eteocles, which he solves according to an already worked out scheme. Sending Megareus to defend the city fits into Eteocles' educational conception again, since Megareus is a shield-bearer that the Theban mother earth raised and who "either he will die and pay the earth the full price of his nurture, or will capture two men and the city on the shield" (Aesch. *Sept*. 477-9).

HIPPOMEDON

The fourth attacker on Thebes is Hippomedon[58], preparing to attack the gate near Onca Athena. He is described as a crazy giant, resembling a screaming bacchante, who threatens Thebes like a "dangerous snake".

[57] *Podlecki* (1962). P. 366.

[58] According to one version, presented, for example, in Hyginus, Hippomedon, like Capaneus, has family ties with Adrastus (Hyg. *Fab.* 70).

Hippomedon is confronted by Hyperbius, a brave and impeccable defender of Thebes, who wants to try his fate in an honest battle. On the shield of Hippomedon, a Typhon spewing flame, wrapped in black smoke and circled by knots of vipers is depicted, and on the shield of the Theban defender is Zeus with a lightning in his hand[59]. G. Nagy, pointing to the smoke on Hippomedon's shield, gives the following comment: "…historians of the Greek language have remarked on how far and wide its basic meaning of 'smoke' has spread, generating a spectacular variety of "words relating to obscurity, blindness, or else to the darkening of one's wits, stupidity, or even to becoming blind to one's own self, pretension, boasting, vanity"[60]. That is, Hippomedon with such an ornament on the shield is a person who deserves to be struck by a divine thunderbolt. That is why Eteocles claims that there will be a combat between two mighty warriors with a predetermined outcome, since "no one yet has seen Zeus conquered" (Aesch. *Sept.* 514).

Aaron Poochigian stresses that "Hyperbios "was selected" long ago to meet Hippomedon in battle because (1) he was his personal enemy and (2) because he bears a shield emblazoned with Zeus in opposition to Hippomedon's Typhon"[61]. It is no coincidence that Eteocles says that "Hermes has appropriately pitted them (the attacker and the defender) against each other" (Aesch. *Sept.* 508-9). In Aeschylus, the confrontation between Hippomedon and Hyperbius is presented as the confrontation of the two, who "will bring together from on their shields two gods in war with each other", where Hermes is necessary in order to make it clear how one side should behave against the other[62].

In *The Phoenician Women* by Euripides, Hippomedon attracts the attention of Antigone, who looks from the city walls at the attacking warriors. Pointing to Hippomedon, Antigone asks: "Who is that one with the white crest, who marches before the army, lightly bearing on his arm a shield all of bronze?" (Eur. *Phoen.* 119-121). She asks the attendant the name of this warrior as well as some information about his family. He

[59] It should be noted that this is the only case when Aeschylus describes the decoration not of the attacker's shield, but of the defender's.

[60] *Nagy* (2000). P. 111-112.

[61] *Poochigian* (2007). P. 9.

[62] *Herrmann* (2013). P. 55.

answers her: "He claims to be Mycenaean; by Lerna's[63] streams he dwells, the lord Hippomedon" (Eur. *Phoen.* 125-6). Hippomedon is as interesting to Antigone as Capaneus: "Significant here is the fact that Antigone draws attention to giants as they appear in paintings and does not merely liken Hippomedon to a giant to be conjured up in one's imagination. The warrior is thus elevated to visual artifice as an indication of the threat he poses..."[64]. In this tragedy, Euripides says that Hippomedon approached the gates of Thebes "with this device in the middle of his shield: Argus the all-seeing dappled with eyes on the watch, some open with the rising stars, others hiding when they set" (Eur. *Phoen.*1114-7). In *The Suppliants*, Euripides characterizes Hippomedon without mentioning his shield ornament: "…from his very boyhood he refrained from turning towards the allurements of the Muses, to lead a life of ease; his home was in the fields, and gladly would he school his nature to hardships with a view to manliness, always hastening to the chase, rejoicing in his steeds or straining his bow, because he would make his body useful to the city" (Eur. *Supp.* 882-8).

Aeschylus, unlike Euripides, does not mention any cosmic elements on Hippomedon's shield. But ancient authors often associated Typhon with celestial bodies: stars, the sun, and the moon (Apollod. *Bibl.* I.6.3). We might suggest that this shield could be qualified as a decorative shield if Typhon had been depicted, for example, with stars. Aeschylus indicates indirectly that Hippomedon's shield is intimidating. The Scout says he shuddered in fear when he saw Hippomedon spinning his shield. June W. Allison suggests a dance metaphor in this description, referring, among other things, to "wedding on the Shield of Achilles young male dancers spin"[65]. However, this is not about the decoration of Hippomedon's shield, but about his "military dance" with a shield that cannot be unequivocally attributed to terrible shields.

According to L. Micozzi, the description of Hippomedon's shield as "flammeus orbis" in Statius (Stat. *Theb.* IV.132) reminds of "ἅλως"

[63] Reference to Hippomedon as one of the participants in the campaign against Thebes is present in Pausanias, who even mentioned the ruins of Hippomedon's house in Lerna (*Paus.* II.36.8).

[64] *O'Sullivan* (2008). P. 186.

[65] *Allison* (2009). P. 142.

(Aesch. *Sept.* 489)[66]. According to A. Marinis, the ornament on this shield and the way Hippomedon handles it indicate that this attacker's military aggression is combined with maenadic rage. The Statian Hippomedon's shield "is central in a yet more profound sense: firstly, it represents an essentially (and generically) tragic story, best known from Aeschylus' Danaid trilogy: far from embodying a martial or heroic exploit, it betokens a treacherous criminal act"[67].

The image of Typhon, the earth god, on Hippomedon's shield creates a sophisticated contrast with the mother earth, which Eteocles in his first patriotic speech called the teacher of the Thebans as shield-bearers. Eteocles notices this and raises the level of protection from the human to the divine level, inviting Hermes as a judge. Having dealt with the ornament on the terrible shield of Hippomedon, Eteocles continues to solve military riddles according to the scheme he has already tested.

PARTHENOPAEUS

The fifth attacker on Thebes is the young and haughty Parthenopaeus, who prepares to attack the Northern gates. Like many attackers on Thebes, he was a blood relative of Adrastus (see, for example: Apollod. *Bibl.* I.9.13). He also bears a terrible shield. From Parthenophaeus ("a warrior, half man, half boy", Aesch. *Sept.* 533), this gate is defended by a decisive Actor, who prefers not to boast, but to act. The Scout says that Parthenopaues cares for his weapon more than for the gods and his own eyes, which again reflects the motive of moral blindness, when ambition is placed above virtue. Eteocles believes that Actor will not let the warrior who has Sphinx on his shield into the city, because Sphinx is a symbol of the past suffering of Thebes.

In *The Suppliants*, Euripides gives a lengthy characterization of Parthenopaeus, not mentioning his shield decoration: "Next behold the huntress Atalanta's son, Parthenopaeus, a youth of peerless beauty; from Arcady he came to the streams of Inachus, and in Argos spent his boyhood. There, when he grew up, first, as is the duty of strangers settled in another land, he showed no pique or jealousy against the state, became no quibbler,

[66] *Micozzi* (2007). P. 146.
[67] *Marinis* (2015). P. 347.

chiefest source of annoyance citizen or stranger can give. But he took his stand amid the army, and fought for Argos as he were her own son, glad at heart whenever the city prospered, deeply grieved if ever reverses came. Although he had many lovers among men and women, yet he was careful to avoid offence" (Eur. *Supp.* 888-900). In Euripides' tragedy *The Phoenician Women*, when Antigone asks about Parthenopaeus, the attendant calls him Atalanta's son[68] (Eur. *Phoen.* 150). Further, Euripides speaks of the ornament on Parthenopaeus' shield: "Parthenopaeus, son of the huntress, led a company bristling with thick rows of shields, and he had his own device in the centre of his shield: Atalanta slaying the Aetolian boar with an arrow shot from far" (Eur. *Phoen.*1104-9). Aeschylus and Euripides introduce a very different ornament for Parthenopaues' shield. In Aeschylus, this ornament reflects a direct threat to Thebes, and in Euripides, an indirect one, since it indicates the strength of Parthenopaues' mother and, accordingly, of his own (Fig. 6. P. 165).

At the beginning of *The Thebaid*, Statius mentions that he was struck by poetic inspiration and wants to tell the reader the story of the campaign against Thebes, because such warriors as Hippomedon, Parthenopaeus and Capaneus participated and died in it (Stat. *Theb.* I.43-5). Further, characterizing Parthenopaeus, Statius also recalls his mother Atlantis and says that she would not have allowed her son to take part in this campaign. Then he writes, "his innocent shield adorned with his mother's Calydonian battles" (Stat. *Theb.* IV.267-8). We should agree that "what distinguishes him is an "innocent" urge for battle, reflected in his shield"; it is as "innocent" as the one we see in Euripides' *Phoenician Women*. The Sphinx depicted by Aeschylus on Parthenopaues' shield is certainly a very aggressive ornament that Statius decided to borrow for Polyneices' sword (Stat. *Theb.* IV.87).

The ornament on Parthenopaues' shield, like that of Tydeus, alludes to the story of the house of Laius, that is, it is addressed directly to Eteocles. But Eteocles does not consider Parthenopaues' terrible shield as something extraordinary. For him, it is just one of the riddles, the search for the solution to which has become a usual practice.

[68] In Sophocles' *Oedipus at Colonus*, Parthenopaeus, as the son of Atalanta, receives the most extended characteristic (in comparison with descriptions of the other attackers) (Soph. *OC.* 1320-22).

AMPHIARAUS

The sixth warrior, preparing to attack the Homoloid gates, is the wise, decent and pious Amphiaraus, who, by the will of fate, found himself on the same side as the enemies. There are no images on his shield ("No symbol was fixed to his shield's circle", Aesch. *Sept.* 589-90), which would have allowed Eteocles to call Amphiaraus an arrogant man like he labeled the other attackers on Thebes. Eteocles can only simplify his task by making "Amphiaraos guilty by association"[69].

In *The Phoenician Women*, when Antigone asks her attendant about Amphiaraus, she is surprised at his ability to control horses, not armour. Further, the Scout says that the clairvoyant's shield is not decorated with an emblem: "…he had no boastful sign, but weapons chastely plain" (Eur. *Phoen.* 111-2). Thus, Amphiaraus' shield is a rare exception, since Aeschylus and Euripides are similar in their descriptions: "For he does not wish to appear the bravest, but to be the bravest, as he harvests the fruit of his mind's deep furrow, where his careful resolutions grow" (Aesch. *Sept.* 591-4). Although his shield clearly indicates the impeccable nature of Amphiaraus, this simplicity can be interpreted not only as the disconnect of Amphiaraus from the other attackers on Thebes, but also from himself. According to June W. Allison, this simplicity in the absence of an emblem on Amphiaraus' shield is a complex matter: he was able to do without what others could not by decorating their shields[70].

Amphiaraus' shield cannot be qualified either as a terrible shield (although emptiness can also be scary), or a decorative shield (though emptiness is not so simple and gives rise to many complex associations). Aeschylean Amphiaraus is probably the one who does not need a shield at all, since he already knows the outcome of the battle for everyone and himself. That's why "he does not need either the mask of terror which would disguise his helplessness, or the mask of virtue which would disguise his desires"[71].

When the Scout characterizes Amphiaraus, he indicates that he continues to instruct and predict: standing in front of the Theban gates, he condemns Tydeus and blames Polyneices for his desire to destroy his

[69] *Herington* (2009). P. 121.
[70] *Allison* (2009). P. 144.
[71] *Bacon* (1964). P. 27.

native city. The prophecy given by Amphiaraus in his speech to Polyneices is another riddle for Eteocles, who has no choice but to call the wise prophet a stupid blind man. The wise man is confronted by Lasthenes, who does not love strangers: "He has the wisdom of an old man, but his body is at its prime" (Aesch. *Sept.* 622). Lasthenes is supported only by the hope that he will change his mind and not get into the battle, having seen the defeat due to his vision of a prophet. Further events will show that the amazing death of Amphiaraus, who was swallowed by the earth, turned out to be unrelated to Lasthenes. In *The Suppliants*, when Euripides praises each of the attackers on Thebes, Adrastus speaks of Amphiaraus and his death: "As for the noble son of Oecleus, him, while yet he lived, the gods snatched away to the bowels of the earth, and his chariot too, manifestly blessing him" (Eur. *Supp.* 925-7).

Homer writes about Amphiaraus in *The Odyssey*: "...Oicles Amphiaraus, the rouser of the host, whom Zeus, who bears the aegis, and Apollo heartily loved with all manner of love. Yet he did not reach the threshold of old age, but died in Thebe, because of a woman's gifts. To him were born sons, Alcmaeon and Amphilochus" (Hom. *Od.* XV.244-8). According to one version, Alcmaeon[72] led the second campaign against Thebes to kill his mother Eriphyle in order to avenge his father's death. In Pindar, the features of Alcmaeon's shield are presented through a direct speech of Amphiaraus, which draws a parallel with Aeschylus's descriptions in *Seven against Thebes*[73]: "By nature the genuine spirit of the fathers is conspicuous in the sons. I clearly see Alcmaeon, wielding a dappled serpent on his blazing shield, the first at the gates of Cadmus" (Pind. *Pyth.* 8.44-47). According to Margaret Foster, "shield, then, can be understood as symbolizing the hero's assumption of his father's military prowess, while the image of the snake upon it highlights his inherited mantic abilities"[74].

[72] Sophocles devoted to the history of Amphiaraus' family three no longer extant tragedies (in addition to the *Epigones* tragedy, where Alcmaeon was to play an important role): *Amphiaraus*, *Eriphyle* and *Alcmaeon*. Diodorus of Sicily, describing the campaign on Thebes and the epigones' campaign on Thebes, devotes most of the story to Amphiaraus and Alcmaeon, respectively (Diod. Sic. IV.65-66).

[73] *Nagy* (2000). P. 102.

[74] *Foster* (2017). P. 157.

Statius, wishing to preserve the Aeschylean logic of depicting the piety of Amphiaraus, indicates that Apollo accompanies Amphiaraus during the battle and even "his shield too and his helm he sets afire with starry splendours" (Stat. *Theb.* VII.694-5). Statius describes the ornament on Amphiaraus' shield as follows: "…far seen he stands, conspicuous and terrible with stern spear, and flashes the conquered Python on his shield" (Stat. *Theb.* IV.221-2). In this description, the semantic emphasis is not on the shield, but on the warrior: "Though brightly shining, the shield is denied any autonomous standing… Meanwhile, the notion of plain martial valor is equally a trait of Amphiaraus' Arcadian soldiers, who are nurtured by Pan and possess a nuda uirtus ("naked valor," 4.229)"[75].

Thus, the shield of Amphiaraus is a non-standard riddle for Eteocles, who is used to deciphering the ornaments on the shields. Amphiaraus is Apollo's servant, who once warned Laius about his fate. All this is well known to Eteocles, who is faced not just with another military riddle, but with a warning about his own fate, which he, like Laius, does not want to accept.

POLYNEICES

The last attacker on the seventh gates is Eteocles' brother, eager to proclaim himself the new king. The king of Thebes himself will confront his own brother, because he is eager to protect his city and his family honour (Fig. 7. P. 166).

After the Scout tells Eteocles that the seventh attacker on Thebes is Polyneices, he characterizes him and describes his armour as follows: "He holds a shield, a perfect circle, newly-made, with a double symbol cleverly fastened on it: a woman modestly walking in the fore leads a man in arms made, it appears, of hammered gold. She claims to be Justice, as the lettering indicates, "I will bring this man back and he will have his city and move freely in his father's halls" (Aesch. *Sept.* 642-8). Summing up all this, the Scout adds that Polyneices is an enemy who will not shun acting in a fraudulent way, i.e. Dike (Δίκη) cannot accompany him. Eteocles blows up after these words: "As for him whose name

[75] *Marinis* (2015). P. 352.

is so very fitting, Polyneices, we shall know soon enough what the symbol on his shield will accomplish, whether the babbling letters shaped in gold on his shield, together with his mind's wanderings, will bring him back" (Aesch. *Sept.* 659-61). As in the case of the decorative shield of Eteoclus, the king of Thebes wants not so much to interpret the ornament on Polyneices' shield as to snipe at it.

G. Nagy writes that the man and woman on Polyneices' shield can be interpreted as an anonymous man and anonymous woman[76], not Polyneices and Dike. If they are still Polyneices and Dike, then the decoration of this shield can remind us of Tydeus, against whom Eteocles sent Melanippus, a blood relative of Dike. The question arises: if Dike has already taken the side of the defenders, how can she be on the side of the attackers at the same time ("unless she is to play some impartial role, and deal with the claims of both sides as being equal"[77]). Eteocles ignores the demand for equality, which Polyneices speaks about while explaining his motives. There are two possible options for Polyneices: to die with Eteocles in battle or force him to return his reign. It seems that Polyneices does not see the third option — to kill his brother and capture Thebes. In Sophocles' *Oedipus at Colonus*, Polyneices explains why he needed to recruit an army and attack Thebes: though Eteocles was able to exile Polyneices, "he had neither defeated me by an argument of law" (Soph. *OC*. 1297). In Aeschylus, the episode of the confrontation between the brothers recalls the final fragment from the *Odyssey*, where everyone knows that all further hostilities will not be in the interest of justice, but someone else is needed to prevent them. In Homer, Athena appears with a shield "in the likeness of Mentor both in form and in voice" (Hom. *Od.* XXIV. 531-37), and in Aeschylus, it is Amphiaraus, who cannot cope with the role of the judge and mentor.

George Henry Chase, comparing the Aeschylean description of the decorations of the attackers' shields with archaeological evidence, believes that the decor on Polyneices' shield is an innovation that has no analogues, and it should be considered as Aeschylean dramatization of the quarrel between the brothers[78]. In our opinion, all the images on the

[76] *Nagy* (2000). P. 117.
[77] *Herington* (2009). P. 120.
[78] *Chase* (1902). P. 69.

attackers' shields serve to dramatize the events. Eteocles equally "recognizes the shields as masks of terror, mere appearances, without real power to harm"[79], but Polyneices' "mask" causes a deeper emotional reaction. Since Amphiaraus has already given a prophecy that Dike cannot be on the side of the attackers (Aesch. *Sept.* 580-6), Eteocles wants to interpret the ornament on Polyneices' shield as a mask of pseudo-virtue.

In *The Phoenician Women*, when Antigone sees Polyneices, she admires his armour, but says nothing about the shield: "How distinguished he is with his golden weapons, old man, flashing like the morning rays!" (Eur. *Phoen.* 168-169). The Scout further states the following: "... upon his shield for a device were the colts of Potniae galloping at frantic speed, revolving by some clever contrivance on pivots by the handle, so as to appear distraught" (Eur. *Phoen.* 1124-7). Here we again see the difference between the shield decorations described by Aeschylus and Euripides. In *The Suppliants*, Euripidian Adrastus gives a rather spare positive characteristic of Polyneices: "…while I myself may truthfully tell the praises of the son of Oedipus, that is, Polyneices" (Eur. *Supp*. 928-9). As usual, there is no indication of the shield decoration, but the characteristic itself is unusual: Adrastus says nothing about the military prowess of Polyneices.

In Seneca's *Phoenissae*, Polyneices' shield first prevents him from hugging Jocasta (Sen. *Phoen.*469-71), and then acts as a reliable defense against Eteocles (Sen. *Phoen.*482-3). However, no description of the shield decoration is provided. In the fourth book of *The Thebaid*, where Statius gives a description of the attackers' shields, he only mentions that Polyneices has the same armour (Fig. 3. P. 162)[80] he used that night when he fought with Tydeus (Stat. *Theb.* IV. 84-7). Further, when Antigone asks Polyneices to reconsider his desire to attack Thebes, a short description of Polyneices' shield appears without mentioning its ornament: "his royal helm and the purple trappings of his charger, and his buckler's glancing gold — though he himself was not meanly armed, and his cloak shone with no common luster" (Stat. *Theb.* XI.397-401). After

[79] *Bacon* (1964). P. 27.

[80] Pseudo-Apollodorus, describing this episode, indicates that the lion's head was depicted on the shield of Polyneices (Apollod. *Bibl.* III.6.1).

the battle, when the brothers are buried in the same funeral pyre, Antigone recognizes the shield of Polyneices in the flame: "I recognize the broken buckler and the charred sword-belt, ay, it was his brother!" (Stat. *Theb.* XII.439-40). In both cases, Statius uses the same word "*clipeus*" (he uses this word to describe the shields of all the attackers on Thebes). In Statius, military prowess is a distinctive feature of the Argive warriors, and Polyneices looks so virtuous that the sphinx is now engraved on his sword, and not on Parthenopeaus' shield. It seems that Statius particularly sympathizes with Polyneices, especially when he says that the Thebans under the command of Eteocles are preparing for the battle: "None rush to draw the sword, or take pleasure in covering their shoulders with their father's shield..." (Stat. *Theb.* IV. 349-50).

Thus, the terrible shield of Polyneices is a special military riddle for Eteocles, since not anyone, but he himself must confront this threat. After the riddles come to an end, with Polyneices' shield being the last of them, the reader / spectator of Aeschylus' tragedy inevitably asks the question: Was Eteocles able to solve them or was he just trying to? A precedent of solving riddles successfully occurred in the history of the house of Laius once: Oedipus did it. Having solved the Sphinx' riddle, he saved his own life and the lives of the Thebans. Eteocles, evidenty, failed to solve the riddles, since he died in a combat with Polyneices and could not save the lives of the Thebans who defended the city.

THE PEDAGOGICAL DIMENSION OF THE DESCRIPTION OF THE WARRIORS

(*THE VERSIONS OF AESCHYLUS, EURIPIDES AND STATIUS*)

In the tragedy *Seven against Thebes*, Aeschylus created an elaborate system of terrible and decorative shields (Fig. 8. P. 167)[81], as well as shields that cannot be categorized as either terrible or decorative. By mentioning the shields, Aeschylus managed to indicate that: 1) Eteocles builds the city defense relying on an educational conception that can be called "either with it, or upon it", 2) he tests it in a "shield scene", having

[81] The original visualization of this system is presented in the illustration to the Russian translation of the tragedies by Aeschylus, whose artistic editor was L.I. Orlova (Moscow, 1978).

previously established himself as a king-mentor for the townspeople, 3) Eteocles deciphers the decor on the shields of the attacking warriors as military riddles, which allows us to assume that the shields of all the attackers on Thebes in the tragedy form a single mixed shield, similar in decoration to the shield of Achilles, where there was a place for heavenly bodies, animals, people, and whole cities. If we indulge in fantasies for a while, we can imagine that this "mixed shield" is based on Amphiaraus' shield, in the center of which is the ornament of the decorative shields of Tydeus and Hippomedon (?). Circle-wise are the ornaments of the shields of all the other warriors attacking Thebes, whose shields we categorized as terrible shields. But, of course, this is only my authorly imagination.

Aeschylus emphasizes the behavior, character and uniform of the warriors and, in particular, the attackers' shields that depict something defying the gods. The defenders of the city, on the contrary, are presented as respecting customs and gods, and therefore justice is on their side. According to Mark Griffith, "the shield symbols described in the Scout's and Eteocles' speeches seem pretty conclusive as to the greater degree of justice and divine approval belonging to the defenders of the city"[82], which I cannot agree with. In my opinion, the "shield scene" serves not only to create "moral contrasts between the hybristic devices on the shields of the Argives"[83]. *Seven against Thebes* cannot simply be defined as a tragedy where the opposition of the smart and the noble to the stupid and the misguided is demonstrated. Not only does Aeschylus want the reader / spectator to understand how important it is to be on the right side in wartime conditions. In my opinion, Aeschylus' instructions are reduced to the following: the best way the king can take care of the city is to raise worthy citizens so that they could resist the unworthy ones, if necessary. Citizens, according to Aeschylus, are the children of the city, who at the right time should understand that they have been raised as shield-bearers.

The significance that Euripides attaches to the description of the decoration of the attackers' shields in *The Phoenician Women* and the characteristics that he gives them in *The Suppliants* allow us to talk about

[82] *Griffith* (2017). P. 114.
[83] *Beck* (1975). P.180.

his desire to present his vision of the pedagogical dimension of the story about the siege of Thebes. In *The Phoenician Women* by Euripides the following aspect is clearly shown: despite the fact that Eteocles counts upon the defense of the city, and Polyneices — upon its destruction, both brothers want to use the city for their own purposes. While Aeschylus wants to instruct the reader / spectator using the images of the defenders, Euripides shows in *The Suppliants* that the images of the attackers can also be educational examples. When Adrastus finishes praising the attackers on Thebes for their military prowess and human qualities, he concludes that "noble nurture" is courage that can be taught and it is better when this education goes in a virtuous way (Eur. *Supp.* 909-17). I agree that "Euripides' aim in the shield-narrative (Eur. *Phoen.* 1104-40) can be none other than to "dismantle" the Aeschylean sequence of shield-descriptions at the central scene of the Redepaare (Aesch. *Sept.* 375-676), to effectively annul the relation between signifier and signified"[84].

The same goal is pursued by Statius who draws inspiration from Aeschylus, but offers his pedagogical dimension for this story. When Statius describes in detail each of the attacking warriors under the command of Adrastus, he gives them a moral characterization that is not negative like Aeschylus'. In Statius, the description of the warriors and the decoration of their shields have a completely different pedagogical dimension than that of Aeschylus: the goal is not to show the moral flaws of the attackers on Thebes, thereby anticipating their defeat, but rather, on the contrary, demonstrate their strength that will fail to defeat the other strength by a fluke of providence. Aeschylean *Seven against Thebes* inspired not only Euripides and Statius, but it was they who managed to create two alternatives that help to see the shield as pedagogical tool in Aeschylean *Seven against Thebes* and the multidimensionality of his "shield scene".

[84] *Marinis* (2015). P.344.

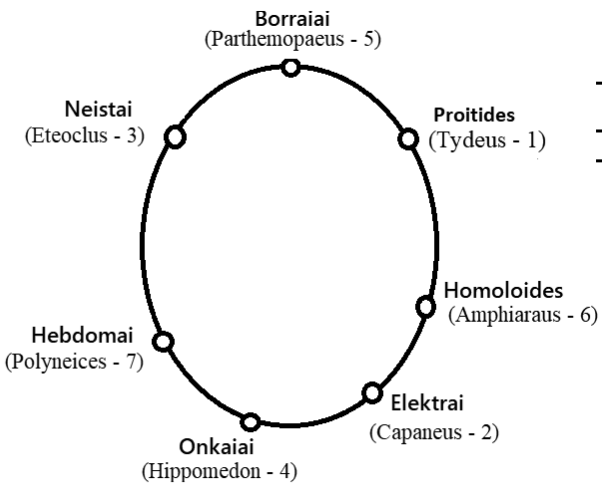
TABLE 1

SOME VARIANTS IN THE SEQUENCES OF THE ATTACKERS ON THEBES IN LITERARY TRADITION

	1	2	3	4	5	6	7	8
Aesch. Sept.	Tydeus (+)	Capaneus (+)	Eteoclus (+)	Hippomedon (+)	Parthenopaeus (+)	Amphiaraus (+)	Polyneices (+)	
Eur. Supp.[1]	Adrastus (-)	Capaneus (-)	Eteoclus (-)	Hippomedon (-)	Parthenopaeus (-)	Tydeus (-)	Amphiaraus (-)	Polyneices (-)
Eur. Phoen. 180-182[2] 1090-1141	Hippomedon (+) Partheno-paeus (+)	Tydeus (+) Amphiaraus (+)	Partheno-paeus (+) Hippomedon (+)	Polyneices (+) Tydeus (+)	Adrastus (+) Polyneices (+)	Amphiaraus (+) Capaneus (+)	Capaneus (+) Adrastus (+)	
Soph. OC.	Amphiaraus (-)	Tydeus (-)	Eteoclus (-)	Hippomedon (-)	Capaneus (-)	Partheno-paeus (-)	Polyneices (-)	
Diod. Sic.	Adrastus (-)	Polyneices (-)	Tydeus (-)	Amphiaraus (-)	Capaneus (-)	Hippomedon (-)	Parthenopaeus (-)	
Stat. Theb.	Adrastus (-)	Polyneices (-)	Tydeus (+)	Hippomedon (+)	Capaneus (+)	Amphiaraus (+)	Parthenopaeus (+)	
Apollod. Bibl.	Adrastus (-)	Capaneus (-)	Amphiaraus (-)	Hippomedon (-)	Polyneices (+)	Parthenopaeus (-)	Tydeus (+)	
Hyg.	Adrastus (-)	Polyneices (-)	Tydeus (-)	Amphiaraus (-)	Capaneus (-)	Hippomedon (-)	Parthenopaeus (-)	

[1] Seneca maintains the same version in *Phoenissae*: Adrastus initiates a campaign against Thebes consisting of seven military commanders, including Polyneices, but does not represent the sequence of warriors.

[2] Here, the decoration of the shields is important for Euripides, although it is invisible to the reader, if we take into account the following dialogue (Eur. *Phoen.*142-4): — Antigone: How do you know them so clearly, old man? — Old servant: I saw and learned the devices on their shields before, when I went with the terms of the truce to your brother, since I looked closely at them, I know the armed men.



According to Aeschylus:	Counterclock-wise:	Clockwise:
1 - Proitides	1 - Proitides	1 - Proitides
2 - Elektrai	2 - Homoloides	2 - Borraiai
3 - Neistai	3 - Elektrai	3 - Neistai
4 - Onkaiai	4 - Onkaiai	4 - Hebdomai
5 - Borraiai	5 - Hebdomai	5 - Onkaiai
6 - Homoloides	6 - Neistai	6 - Elektrai
7 - Hebdomai	7 - Borraiai	7 - Homoloides

Fig. 1a.

The sequence of mentioning the gates by Aeschylus and the location of the city gates.

Fig. 1.

Seven against Thebes or the Trojan War,
Red-Figure Kylix, about 500 B.C.

Source: http://www.getty.edu/art/collection/ objects/10886/ apollodoros-red-figure-kylix-greek-attic-about-500-bc/ (August, 2020). The J. Paul Getty Museum. Object Number: 84.AE.38. Digital image courtesy of the Getty's Open Content Program.

Fig. 2.

Shield of Achilles: Reproduction in gold by Philip Rundell.

Source: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Flaxman_shield_of_achilles_cc0_pub_dom_photo_by_Thad_Zajdowicz_flickr_thadz_31680177383_a12794660a_o.jpg (August, 2020). Online. Accessed 11/03/2020. Wikimedia Commons / Creative Commons CC0 1.0 Universal Public Domain Dedication.

Fig. 3.

Argeia and Deïpyle watching the due l of Polyneices and Tydeus (presumably), amphora, 460–440, ID: 2538.

Source: http://ark.dasch.swiss/ark:/72163/080e-73c769f41df6a-8 (August, 2020). Online. Accessed 11/03/2020. © Antikenmuseum und Sammlung Ludwig, Basel.

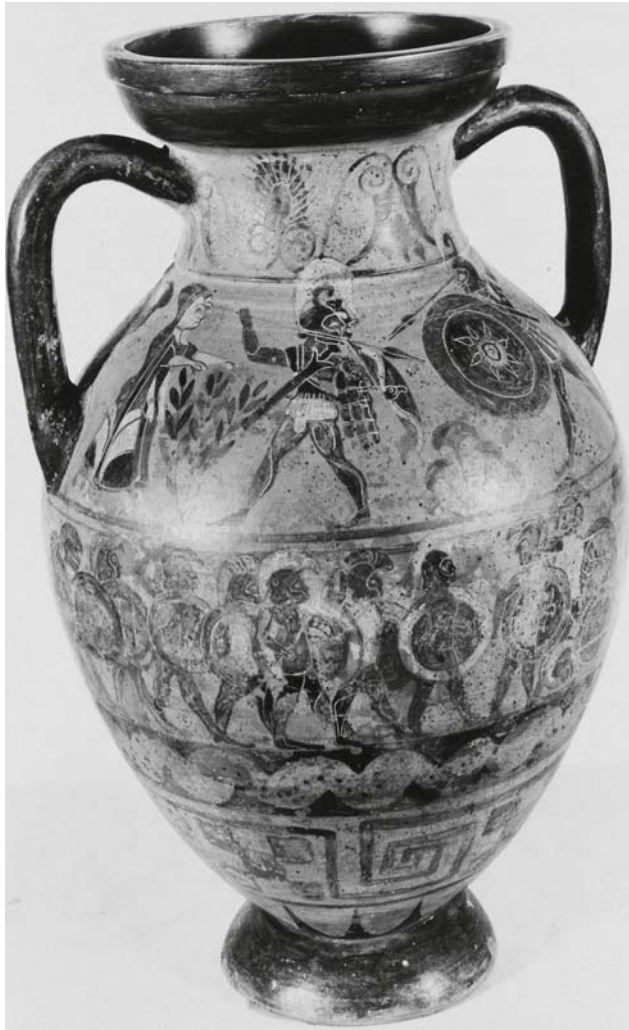


Fig. 4.

Tydeus, Hippomedon, Parthenopeus.

Source: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Tydeus,_Hippomedon,_Parthenopeus.JPG (August, 2020). Online. Accessed 11/03/2020. Wikimedia Commons / Creative Commons Attribution 3.0 Unported license.

Fig. 5.

Scene from *The Seven against Thebes* by Aeschylus: Capaneus scales the city walls to overthrow King Creon who looks down from the battlements. Campanian red-figure neck-amphora, ca. 340-330 BC. The J. Paul Getty Museum. Object number: 92.AE.86.

Source: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Seven_against_Thebes_Getty_Villa_92.AE.86.jpg (August, 2020). Online. Accessed 11/03/2020. Wikimedia Commons /Creative Commons Attribution-Share Alike 3.0 Unported, 2.5 Generic, 2.0 Generic and 1.0 Generic license.

Fig. 6.

Five of the seven against Thebes during a meeting: in front are Parthanopaios, Amphiaraos and Polyneices, behind them are Adrastos and Tydeus, gem, 500 –475, ID: 2539.

Source: http://ark.dasch.swiss/ark:/72163/080e-73c76d9d0e52f-7 (August, 2020). Online. Accessed 11/03/2020. © Staatliche Museen zu Berlin, Antikensammlung.

Fig. 7.

Scene of the combat of Eteocles and Polyneices,
Terracotta sarcophagus, 1stC.

Source: https://research.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?assetId=681425001&objectId=673012&partId=1 (August, 2020) British Museum Collection Database. "1856,1226.542". — www.britishmuseum.org/collection, British Museum, last modified 11/03/2020. Online. Accessed 11/03/2020. Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 4.0 International (CC BY-NC-SA 4.0) license.

Fig. 8.

Illustrations to the Russian translation of Aeschylus's tragedy "Seven against Thebes".

Source: scan of the author from the publication: Эсхил. Трагедии. М.: Искусство, 1978 (Jeshil. Tragedii. M.: Iskusstvo, 1978).

REFERENCES

Stat. Theb. — Publius Papinius Statius. The Thebaid. Vol I-II. Translated by John Henry Mozley. London: William Heinemann; New York: G.P. Putnam's Sons, 1928.

The other sources are reproduced according to the electronic database of classical texts "The Perseus Digital Library".

Allison (2009) — Allison J.W. Cosmos and Number in Aeschylus' Septem // Hermes 137. 2 (2009). P. 129-147.

Bacon (1964) — Bacon H.H. The Shield of Eteocles // Arion 3. 3 (1964). P. 27-38.

Beck (1975) — Beck R.H. Aeschylus: playwright educator. The Hague: Springer, 1975.

Chase (1902) — Chase G.H. The Shield Devices of the Greeks // Harvard Studies in Classical Philology 13 (1902). P. 61-127.

Echeverría (2017) — Echeverría F. Greek armies against towns: siege warfare and the Seven against Thebes // Aeschylus and War. Comparative Perspectives on "Seven against Thebes" / Ed. Isabelle Torrance. NY: Routledge, 2017. P. 73-90.

Edmunds (2017) — Edmunds L. Eteocles and Thebes in Aeschylus' Seven against Thebes // Aeschylus and War. Comparative Perspectives on "Seven against Thebes" / Ed. Isabelle Torrance. NY: Routledge, 2017. P. 91-113.

Eisler (1910) — Eisler R. Weltenmantel und Himmelszelt. Religionsgeschichtliche Untersuchungen zur Urgeschichte des antiken Weltbildes. Munich: C.H. Beck'sche verlagsbuchhandlung Oskar Beck, 1910.

Foster (2017) — Foster M. Fathers and sons in war: Seven against Thebes, Pythian 8, and the polemics of genre // Aeschylus and War. Comparative Perspectives on "Seven against Thebes" / Ed. Isabelle Torrance. NY: Routledge, 2017. P. 150-172.

Griffith (2017) — Griffith M. The music of war in Aeschylus' Seven against Thebes // Aeschylus and War. Comparative Perspectives on "Seven against Thebes" / Ed. Isabelle Torrance. NY: Routledge, 2017. P. 114-149.

Hardie (1985) — Hardie P.R. Imago mundi: cosmological and ideological aspects of the shield of Achilles // Journal of Hellenic Studies 105 (1985). P. 11-31.

Hecht, Bacon (1991) — Hecht A., Bacon H.H. Introduction // Aeschylus: Seven Against Thebes / Translated by A. Hecht and H.H. Bacon. NY - Oxford: Oxford University Press, New York Oxford, 1991. P. 3-17.

Herington (2009) — Herington C.J. Introduction // The complete Aeschylus, volume II. Persians and Other Plays / Eds. Peter Burian and Alan Shapiro // Greek tragedy in new translations / founding general editor William Arrowsmith, former general editor Herbert Golder. Oxford - New York: Oxford University Press, 2009. P. V-XII.

Herrmann (2013) — Herrmann F.-G. Eteocles' decision in Aeschylus' Seven against Thebes // Tragedy and Archaic Greek thought / Ed. Douglas Cairns. Swansea: The Classical Press of Wales, 2013. P. 39-80.

Liddel, Scott (1996) — Liddel H., Scott R. A Greek-English Lexicon / Ed. by H.G. Liddel and R. Scott. 9th ed., 1940, with a Revised Supplement (edited by P.G.W. Glare, with the assistance of A.A. Thompson). NY: Clarendon Press; Oxford Univ. Press, 1996.

Marinis (2015) — Marinis A. Statius' Thebaid and Greek Tragedy: The Legacy of Thebes // Brill's Companion to Statius / Eds. W. J. Dominik, C. E. Newlands and K. Gervais. Leiden; Boston: Brill, 2015. P. 343-361.

Micozzi (2007) — Micozzi L. Il catalogo degli eroi: Saggio di commento a Stazio, Tebaide 4, 1–344. Pisa: Edizioni Della Normale, 2007.

Mozhajsky (2014) — Mozhajsky A. Yu. The Archaic Wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems // Graeco-Latina Brunensia 19 (2014). P. 71-79.

Mozhajsky (2018) — Mozhajsky A. Yu. The rivers and the gates of Thebes in the tragedies of Aeschylus, Sophocles and Euripides, as the educational landscape of the city // Hypothekai 2 (2018). P. 79-96.

Nagy (2000) — Nagy G. «Dream of a Shade»: Refractions of Epic Vision in Pindar's «Pythian 8» and Aeschylus' «Seven against Thebes» // Harvard Studies in Classical Philology 100 (2000). P. 97-118.

O'Sullivan (2008) — O'Sullivan P. Aeschylus, Euripides, and tragic painting: two scenes from Agamemnon and Hecuba // American Journal of Philology 129 (2008). P. 173-198.

Paipetis (2010) — Paipetis S.A. The Unknown Technology in Homer. London - New York: Springer, 2010.

Patzer (1958) — Patzer H. Die Dramatische Handlung Der Sieben Gegen Theben // Harvard Studies in Classical Philology 63 (1958). P. 97-119.

Podlecki (1962) — Podlecki A.J. Some Themes in Euripides' Phoenissae // Transactions and Proceedings of the American Philological Association 93 (1962). P. 355-373.

Pollmann (2001) — Pollmann K.F.L. Statius' Thebaid and the legacy of Vergil's Aeneid // Mnemosyne LIV, (2001). P. 11-12.

Poochigian (2007) — Poochigian A. Arguments from Silence: Text and Stage in Aischylos' Seven against Thebes // The Classical Journal 103. 1 (2007). P. 1-11.

Rogers (2005) — Rogers B.M. Before Paideia: Representations of Education in Aeschylean Tragedy / Unpubl. diss. Stanford University, 2005.

Seth (1967) — Seth B. Two Passages in Aeschylus' Septem. In two parts: Wiener Studien. P. 1 (1967). P. 22-30

Seth (1968) — Seth B. Two Passages in Aeschylus' Septem. In two parts: Wiener Studien, P. 2 (1968). P. 5-17.

Snodgrass (1999) — Snodgrass A.M. Arms and Armor of the Greeks. Baltimore-London: The Johns Hopkins University Press, 1999. 152 p.

Taplin (1980) — Taplin O. The Shield of Achilles within the Iliad // Greece & Rome. 27 (1980). P. 1-21.

Vidal-Naquet (1979) — Vidal-Naquet P. Les boucliers des héros: Essai sur la scène centrale des Sept contre Thèbes // In Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli, Napoli, 1979. P. 96-118.

THE MYTH OF *THE WAR OF THE SEVEN* AND PAUSANIAS' EDUCATIONAL TOPOGRAPHY*

Andrej Yu. MOZHAJSKY

The article examines the monuments of Thebes mentioned by Pausanias and related to the story of *Seven against Thebes*. It is claimed that these monuments were a part of the local educational practice, which reflected the Theban mythical history and fostered patriotism. Most of the monuments were located near the gates of the Kadmeia (at a distance of up to 260 m) and formed a close circle of monuments. In some cases, the monuments formed a far circle (at a distance of 300 to 500–960 m from the gates). The first of the monuments considered is the monument associated with Amphiaraos. Regarding the place where the earth swallowed Amphiaraos, there exist two traditions, namely the "Theban" and the "Tanagrian" ones. It is hypothesized that the "Tanagrian" tradition was adapted by the residents of Oropos and, thus, reflected in Euripides' tragedy *The Phoenician Women.* The educational topography of Pausanias shows that the "Theban" version is consistent with the text of Aischylos' tragedy *Seven against Thebes*, while the "Tanagrian" version is consistent with the text of *The Phoenician Women* by Euripides. The location of the tombs of Melanippos and Tydeus near the Proitides gates also corresponds to the tradition captured by Aischylos, which presumably reflects the local, or "Theban", version of the myth. Through Pausanias' educational topography, the connection of the figure of Kapaneus with the Elektrai Gates and the walls of Thebes is emphasized, which is confirmed by the evidence of material culture. As a possible grave of Oidipous' children, the largest of the chamber

* The study was carried out with a grant from the Russian Science Foundation (project No. 18-78-10001).

HYPOTHEKAI
2020. Вып. 4. С. 171-206
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2020. Issue 4. P. 171-206
DOI: 10.32880/2587-7127-2019-4-4-171-206

tombs on the hill of Megalo Kastelli is considered. A large number of monuments associated with the story of *Seven against Thebes* symbolized military valour and glorified Thebes in their victory over the Argives. Some of the monuments possess ambiguous symbolism, among which are the tomb of Menoikeus and the place of the duel between the sons of Oidipous. The article is equipped with a map reconstructing the probable location of the monuments, including various versions of their localization, as well as illustrations with the images on the objects of material culture associated with the War of the Seven.

INTRODUCTION
THE SIGNIFICANCE OF PAUSANIAS' WORK FOR THE LOCALIZATION OF ANCIENT MONUMENTS[1]

Pausanias, an author of the 2nd century BC, in his Book IX of *Descriptions of Greece* wrote about the monuments of Boiotia, including the history and monuments of Thebes (Paus. 9.5-18). Its description includes both the legendary history of Thebes and the narrative which rests on a more solid basis of the historical time. Pausanias examines sanctuaries and other monuments of different epochs[2]. Our study has the following objec-

[1] This article was presented in English as a paper during "Myth and Politics from Antiquity to the Present Time" International Summer Seminar series hosted at the Department of Classics, Ancient History & Egyptology at Swansea University on 15th June 2020. I express my deep gratitude to V.K. Pichugina for her valuable comments made during the work on the article.

[2] There is numerous historiography regarding the narration of Pausanias, including texts where Thebes are mentioned. We will cite only some classical works. Though not all of them were quoted in this article, they are important from the point of view of the overall picture. First of all, the following translations and commentaries should be mentioned: *Frazer* (1898) (Boiotia and Thebes are analyzed by Frazer in Volume V. Of the modern commentaries, a commented translation of Pausanias' works into Italian, published in 1982-2017 by the publishing house *Fondazione Lorenzo Valla-Arnoldo Mondadori*, was widely known (for us, Book IX *Boiotia*: *Moggi, Osanna* (2010) is of major interest). Very valuable comments, especially from the archaeological and topographical points of view, are commentaries *Papakhatzes* (1981). In addition, one should pay attention to some classical review articles on Pausanias, including his

tives: to consider those of Theban monuments that Pausanias describes and that are directly related to the education of a warrior and associated with the myth of *Seven against Thebes*; to define, as far as possible, their location, time of construction, and historical and pedagogical significance.

To what extent can Pausanias' descriptions be trusted? Researchers have interpreted his work differently. In the dissertation on Pausanias in Athens, Vanessa Champion-Smith distinguishes two groups of authors: the authors who trusted Pausanias' texts, and the authors who treated Pausanias' work hypercritically[3]. Starting from the end of the 19th century, a large group of researchers trusted Pausanias observations, especially with regard to the description of the monuments in Athens. Thus, Harrison and Verrall trust Pausanias in general, but note that "we have abundant evidence that Pausanias was an inaccurate observer and a slipshod describer"[4]. The group of authors that highly praised Pausanias' works also includes other researchers[5], among who are Wycherley[6] and Casson[7]. These researchers placed Pausanias above all the previous ancient authors who worked in this genre. A number of authors had a different point of view on Pausanias' work and did not trust him[8]. Pausanias was criticized, among other things, for the fact that in his work, he had not mentioned many monuments which later became known from other literary sources and archeological data. However, in the twenty-first century it was made clear that a bulk of archaeological data confirms Pausa-

ninth book, which describes Thebes: *Regenbogen* (1956), *Musti* (1988), etc. The most significant for us are special works that pay attention to Thebes' topography and archeology and are related to the description of Pausanias: *Keramopoullos* (1917), *Symeonoglou* (1985) (especially the chapter *"The Description of Thebes by Pausanias"* on pages 173-202), as well as *Berman* (2015).

[3] *Champion-Smith* (1998). P. 7-10.

[4] *Harrison and Verrall* (1890). P. 410.

[5] *Tarn* (1910). P. 216; *Henderson* (1923). P. 106, 104.

[6] *Wycherley* (1982). P. 182, 188-189, 191: "Homer Thompson and I have walked the streets of Athens with Pausanias for over half a century, found him a congenial companion in spite of faults and eccentricities, and become constantly more aware of his trustworthiness and unique value as a guide…".

[7] *Casson* (1974). P. 292-299.

[8] Cp. *Wilamowitz-Möellendorff* (1883). P. 251, n.2.

nias' reports, and not mentioning some of those monuments could be explained by the author's intention.

One of the most striking examples of the accuracy of Pausanias' narration and his localization of the monuments is the discovery of the sanctuary of Heracles in Thebes, which was made by Vassilis Aravantinos[9]. This sanctuary was located in full accordance with Pausanias' description (Paus. 9.11.1): "ἐν ἀριστερᾷ δὲ τῶν πυλῶν, ἃς ὀνομάζουσιν Ἠλέκτρας" ("On the left of the gate named Electran") (translated by W.H.S. Jones.). This example is the most indicative for us, since this article deals with the monuments in Thebes.

Thus, we can assume that Pausanias' messages regarding the localization of certain monuments and their descriptions can be trusted. Nevertheless, one should treat Pausanias' reports about dating this or that monument and his interpretation of iconography with a pinch of salt. In this regard, Pausanias' texts are more likely a source of information about what places in Thebes connected the Thebans with their mythical past in the 2nd century AD. In this case, our approach, in some way, corresponds to Sélincourt's approach to one of Herodotos' texts, which the latter heard in Memphis: "This admirable story is hardly likely to be true; but — and this is the thing to remember — it was a popular belief current in the streets of Memphis in the fifth century before Christ, and doubtless for centuries before that, and as such it has its value"[10].

However, using archaeological and topographic data, we will try to establish, where possible, the probable time for the appearance of monuments reflecting the Theban ideology of warrior education, as well as to interpret the literary tradition associated with the mythological past of Thebes and these monuments.

THE ROAD FROM PLATAIAI TO THEBES
AMPHIARAOS' ΠΕΡΙΒΟΛΟΣ

In his description, Pausanias follows the path from Plataiai to Thebes and in paragraph 4.4., he brings the description to the Asopos river, which in his time still separated the region of Thebes from the re-

[9] About discovering and exploring the sanctuary, see: *Aravantinos* (2014), *Aravantinos* (2015a), *Aravantinos* (2017).

[10] *Sélincourt* (2001). P. 38.

gion of Plataiai (Paus. 9.4.4). Further, in paragraphs 5.1-3, Pausanias describes the foundation and early mythological history of Thebes. Then, in paragraphs 5.4-16, the mythological kings of Thebes appear before the reader (Paus. 9.5)[11]. Pausanias goes on to describe the wars of the fifth and fourth centuries BC, in which the Thebans took part, speaks of the destruction of Thebes by Alexander and the further restoration of the city by Kassandros. He then talks about the history of Thebes in Roman times and emphasizes that in his time, "the lower city of Thebes is all deserted today, except the sanctuaries, and the people live on the citadel, which they call Thebes and not Cadmeia" (translated by W. H. S. Jones) (Paus. 9.6-7). Pausanias then describes the area on the Theban side of the Asopos, including Potniai, and the path from it to Thebes, including the possible remains of the ancient sanctuary of Amphiaraos (Paus. 9.8.1-2)[12]. In our opinion, this is the first monument in Pausanias' description, which can be associated with the military valour of Thebes, as the local tradition accurately connected this place with the legendary defense of the city during the mythical "Seven against Thebes" campaign. In our 2014 article (see the link above), we tried to localize this place and associate it with the early sanctuary, where the Amphiaraos oracle was located (Hdt. 1.46, 1.49, 1.52)[13]. Pausanias mentions the following: "On the way from Potniae to Thebes there is on the right of the road a small enclosure with pillars in it. Here they think the earth opened to receive Amphiaraus, and they add further that neither do birds sit upon these pillars, nor will a beast, tame or wild, graze on the grass that grows here" (Paus. 9.8.3; translated by W.H.S. Jones). Omitting the analyzed versions of the oracle location, we may assume that the closest place to Thebes is περίβολος, described by Pausanias on the way from Potniai to Thebes. Archaeologists identify ancient Potniai with the settlement of Tachy, which is located on the northern edge of the Parasopia, about two kilometers southwest from the center of modern Thebes[14]. However, Pausanias

[11] For further detail, see *Regenbogen's* commentary on these paragraphs from Pausanias (1956). P. 1044.

[12] Regarding the versions of the localization of the sanctuary of Amphiaraos, see: *Mozhajsky* (2014). P. 77-78.

[13] Cf. *Renberg* (2017). P. 660-676.

[14] *Fossey* (1988). P. 208; *Papadaki* (2000); *Mozhajsky* (2014). P. 78. Also see Lamont's review of Renberg: *Lamont* (2019). P. 180-181.

has another tradition about the place where the earth swallowed Amphiaraos. In order to interpret this issue, one should briefly trace the literary tradition of Amphiaraos' connection with Thebes and the location of the oracle, as well as define the place of Pausanias' texts in it.

Homer says that Amphiaraos died in Thebes (ἐν Θήβῃσι) (Hom. *Od*. 15.247)[15]. Further, apparently, a version arises, which we conventionally call "Theban", saying that the Theban land swallowed Amphiaraos, thus connecting the oracle with this place. The echoes of this version can be seen at Aischylos (467 BC), where Amphiaraos says that "ἔγωγε μὲν δὴ τήνδε πιανῶ χθόνα, μάντις κεκευθὼς πολεμίας ὑπὸ χθονός" ("I will enrich this earth, a seer interred beneath enemy soil") (*Sept*. 587-588; translated by Herbert Weir Smyth). Moreover, as Renberg notes: "Writing two decades later, Pindar may refer to Amphiaraos issuing oracles in a setting that must be at Thebes, but the ambiguous passage makes no reference to the cult site at which they were issued"[16]. This version is also reflected in Sophocles in the interpretation of Strabo (Strabo 9.1.22; Soph., TrGF IV, frag. 958): "ἐδέξατο ῥαγεῖσα Θηβαία κόνις αὐτοῖσιν ὅπλοις καὶ τετρωρίστῳ δίφρῳ" ("The dusty Theban soil opened and received him with his armour, and the four-horse chariot") (Strabo 9.1.22; Soph., TrGF IV, frag. 958; translated by W. Falconer). Whether Strabo's description of "an oracle once held in honor" referred to Oropos or Thebes, the quote from Sophocles itself speaks of Thebes as the place of Amphiaraos death. Herodotos also connects the oracle of Amphiaraos with Thebes (Hdt. 1.46, 1.49, 1.52, 1.92, especially 8.134). Further, the connection of a certain sacred place of Amphiaraos with Thebes is mentioned in the cited text by Pausanias (9.8.3), but Pausanias does not speak of the oracle. It is possibly supplemented by Aristide, who also mentions the sacred site (τέμενος) where the earth swallowed Amphiaraos, but does not speak about the oracle and where this place is located (Aristid. *Or*. 25.60)[17].

However, Pausanias himself, describing Oropos, conveys another, a completely opposite version in the first book: "λέγεται δὲ Ἀμφιαράῳ

[15] Thus, this tradition is relevant for the eighth century BC, but not earlier than 750 BC; for the dating of Homer's works, see: *Osborne* (2009), P. 150; bibliography, P. 349-350.

[16] This refers to Pind. Pyth. 8.55-60, see: *Renberg* (2017). P. 665, n. 15.

[17] In more detail, see: *Renberg* (2017). P. 666, n. 16.

φεύγοντι ἐκ Θηβῶν διαστῆναι τὴν γῆν καὶ ὡς αὐτὸν ὁμοῦ καὶ τὸ ἅρμα ὑπεδέξατο: πλὴν οὐ ταύτῃ συμβῆναί φασιν, ἀλλά ἐστιν ἐκ Θηβῶν οὖσιν ἐς Χαλκίδα Ἅρμα καλούμενον" ("Legend says that when Amphiaraus was exiled from Thebes the earth opened and swallowed both him and his chariot. Only they say that the incident did not happen here, the place called the Chariot (Ἅρμα — A. Mozhajsky) being on the road from Thebes to Chalcis") (Paus. 1.34.2; translated by W.H.S. Jones). For the purpose of our discussion, we can call this version the "Oropian" one, however it was spread not only there, but also in Tanagra, since in another passage of the ninth book, Pausanias says: "ἐξῆς δὲ πόλεων ἐρείπιά ἐστιν Ἅρματος καὶ Μυκαλησσοῦ: καὶ τῇ μὲν τὸ ὄνομα ἐγένετο ἀφανισθέντος, ὡς οἱ Ταναγραῖοί φασιν, ἐνταῦθα Ἀμφιαράῳ τοῦ ἅρματος καὶ οὐχ ὅπου λέγουσιν οἱ Θηβαῖοι" ("Adjoining are the ruins of the cities Harma (Chariot) and Mycalessus. The former got its name, according to the people of Tanagra, because the chariot of Amphiaraus disappeared here, and not where the Thebans say it did") (Paus. 9.19.4; translated by W.H.S. Jones).

Renberg suggests a political version of this message, with which we tend to agree[18]. We will try to explain in more detail the origin of this "Oropian" or, better, "Tanagrian" version. The geographical location of Harma helps to answer this question. According to the localization by Wallace and Fossey, Harma was located at the northern edge of the border between the plains of Thebes and Tanagra[19], which is a little more than ten kilometers from Tanagra[20]. Thus, Harma could belong to the sphere of Tanagra's influence as it was the largest polis in this area, and it could happen already in the Archaic period[21]. Through Harma and the

[18] *Renberg* (2017). P. 667, n. 18.

[19] *Fossey* (1988). P. 85.

[20] The distance from Harma to Thebes is about 16 km, see: *Wallace* (1979). P. 50.

[21] John Bintliff investigated the process of changing the system of settlements in Boiotia and came to the conclusion that in the sixth century BC, there was a peak of aggressive expansion of the largest centers (to which Tanagra belonged) in relation to the once autonomous smaller settlements, which resulted in the construction of archaic-style walls around all urban settlements. Nevertheless, the incorporation of smaller settlements into the political and economic sphere of dominance of large centers could also take place peaceful-

story of Amphiaraos' chariot, told by Pausanias, Tanagra could have claimed its antiquity and both religious and political authority in Boiotia. Let us see with the help of archeological data whether this claim was substantiated. How ancient was Harma and can it be associated with the Mycenaean and Geometric periods? Ceramics belonging to the LH III A-B periods were found on the Harma acropolis, which corresponds to a wide time range of approx. 1420-1190 BC. Thus, the material evidence of the maturity and collapse of the Mycenaean civilization was recorded on the Harma acropolis. The same can be said about the Geometric period[22]. As for the literary evidence, Harma is mentioned by Homer in the *Catalog of Ships* (*Il*. 2.499). Accordingly, Harma could have claimed to be a place where the earth swallowed Amphiaraos with his chariot, which, in our opinion, the Tanagrians could have taken advantage of. This tradition could become even more firmly established in the period following the weakening of Thebes in 479 BC, when the strengthening of Tanagra for some period presumably took place (until 457 BC)[23]. At the end of the fifth century BC, after the Amphiaraos sanctuary was established in Oropos, this "Tanagrian" version of the earth swallowing up Amphiaraius could have been adapted by the people of Oropos[24] and Athens as it was politically more beneficial for their oracle than the "Theban" one. In Roman times, when Harma was no longer inhabited, various details of this version made their way into the writings of Strabo (9.2.11), Pausanias (1.34.2; 9.19.4) and Plutarch (*Mor*. 307A)[25].

---

ly. Judging by the figures in Bintliff's articles, beginning from the sixth century BC Harma was supposed to be in Tanagra's sphere of influence, see: *Bintliff* (1994). P. 225, fig. 26. *Bintliff* (1999). P. 18-20, fig. 4

[22] *Fossey* (1988). P. 88. Harma was inhabited up to and including the Hellenistic period.

[23] In 457 BC, the Athenians, having defeated the Boiotians at the Battle of Oenophyta, levelled the walls of Tanagra to the ground. On the strengthening of Tanagra during this period and the corresponding bibliography, see: *Mozhajsky* (2007). P. 77.

[24] The foundation of the oracle of Amphiaraos in Oropos is usually dated between 431 and 414 BC, however, Petropoulou suggests a narrower date — 420-414 BC, see: *Petropoulou* (1981).

[25] Renberg also points to another tradition of Amphiaraos presented in the work of Valerius Maximus (8.15, ext. 3), and to a number of other ancient

Having dealt with the appearance of an alternative version of the site where Amphiaraos was swallowed by the earth, we can focus on the issues associated with Pausanias' περίβολος near Thebes. As I mentioned, in my article (2014), as well as in Renberg's study, there are several options for localizing this place[26]. Keramopoullos' version (immediately to the north of Tachy, in the property of T. Douros-Agatsas)[27] and Symeonoglou's one (depression in which the church of Agios Nikolaos (site 215 in Symeonoglou's catalog) now stands) seem the most justified[28]. However, it may seem that this localization does not correspond to the well-known passage from *The Mythological Library* by Pseudo-Apollodoros who writes: "Amphiaraus fled beside the river Ismenus[29], and before Periclymenus could wound him in the back, Zeus cleft the earth by throwing a thunderbolt, and Amphiaraus vanished with his chariot and his charioteer Baton, or, as some say, Elato" (Ps.-Apollod., *Bibl*. 3.6.8; translated by Sir. James George Frazer).

This brings up the question: is the localization of Keramopoullos and Symeonoglou not too far from the Ismenos River, which is indicated in the text from Pseudo-Apollodoros? Google Earth Pro offers us the following distances: from Keramopoullos' site[30], it is approx. 650 m to the Ismenos River on the straight, and from Symeonoglou's site[31], the distance is approx. 490 m. At first glance, it may seem that this is quite far away, but Pseudo-Apollodoros says that Amphiaraos took flight near the Ismenos River only; respectively, he could have covered some distance from the river before the earth opened and swallowed him. In order to suggest the track of Amphiaraos, it is necessary to correlate the gates that he attacked with both the Ismenos River and the localizations of the place where the hero was swallowed by the earth, and analyze the logic of his movements (and if there is any at all?). Aischylos places Amphiaraos in

authors, which is not critical for the localization of the place indicated by Pausanias, see: *Renberg* (2017). P. 667-668, n. 18.

[26] *Mozhajsky* (2014). P. 77-78; *Renberg* (2017). P. 662-664.

[27] *Keramopoullos* (1917). P. 261-266; *Mozhajsky* (2014). P. 78.

[28] *Symeomoglou* (1985). P. 177-178, 296, pls.8,48.

[29] Ἀμφιαράῳ δὲ φεύγοντι παρὰ ποταμὸν Ἰσμηνόν.

[30] A1 in Fig. 1.

[31] A2 in Fig. 1.

front of the Homoloides gates (*Sept*. 568-570), and Euripides — at the Proitides gates (*Phoen*. 1109-111). The situation with the book of Statius is somewhat more complicated, but, indirectly, it appears that Amphiaraos also attacked the Proitides gates[32]. We examined in detail the possible location of the gates in another publication[33].

In Fig. 1 (P. 194-195), the Homoloides gates are marked as 2, and the Proitides gates, as 3. As for the Homoloides gates, the location of this exit in the middle of the eastern slope of the Kadmeia was theoretically substantiated by Keramopoullos, and after V. Aravantinos discovered here a fragment of the Mycenaean wall with the bastion in 1984, the association of the Homoloides gates with this place received additional support[34]. The location of the Proitides gates is primarily determined in accordance with Pausanias, since they were supposed to be on the road to Chalkis and, as we will see, this is the most important message for us that interprets Euripides' version (Paus. 9.18.1). In both cases, the Ismenos is at a fairly close distance from the gates — approx. 300 m. A comparison of the location of the gates with the connecting roads suggests that, regarding the movement of Amphiaraos from the Ismenos to the place where he was swallowed in Aischylos, a version is supported that is consistent with the Theban version of Pausanias' περίβολος description. The shortest and most natural way for Amphiaraos to retreat from these gates, without crossing the Ismenos river, lies along the walls of the Kadmeia to the south and then a little southwest to get on the road from the Kadmeia to Potniai, and then through Plataiai to Attica or Peloponnese. It is here, between the Kadmeia and Potniai, that the place where, according to the Theban version, the earth swallowed Amphiaraos is most probably located. If we accept Euripides' message that Amphiaraos attacked the Proitides gates, a natural and short route for him to retreat was on the road to Chalkis, which goes from these gates through Harma (Paus. 9.18.1; 1.34.2).

Thus, this tradition is consistent with the "Tanagrian" version of Amphiaraos' retreat we have identified. However, if so, then the question

[32] Statius mentions Hypseus as the defender of the Proitides gates (*Theb*. 8. 353-357). Hypseus opposes Amphiaraos (*Theb*. 7. 690-735).

[33] *Mozhajsky* (2018).

[34] *Keramopoullos* (1917). P. 475-477; *Aravantinos* (1988); *Mozhajsky* (2018). P. 87-92.

should be answered: how did this version get into Euripides' writings? It should be noted that the tragedy *The Phoenician Women* by Euripides was very popular in antiquity, as evidenced by its reproduction in numerous papyri (which surpass in number those of any other tragic texts), its rich pictorial representations from the late third century, as well as its parody in an homonymous comedy by Aristophanes (fr. 570 K–A)[35]. Researchers suggest that the tragedy was first staged in 411, 410 or 409 BC[36]. This means that the time of the tragedy creation coincides with the period when the oracle of Amphiaraos in Oropos began functioning, which, as we mentioned, probably happened at approx. 420-414 BC. As you know, in this period Oropos was controlled by Athens, and the "Tanagrian" version of the disappearance of Amphiaraos could have easily become popular in Athens, which, in our opinion, was reflected in *The Phoenician Women* by Euripides. Starting from the Late Archaic period, the Oropians were closely associated with the Athenians and depended on them in different periods[37]. In addition, in 412/411 BC the political agenda reminded the Athenians of Oropos, since at that moment Oropos was captured by the Boiotians[38].

KAPANEUS AND THE ELEKTRAI GATES

In paragraphs 4-6 of the eighth chapter, Pausanias talks about the seven gates of Thebes, explaining their names. The most interesting pas-

[35] *Lamari* (2017). P. 258. This explains the penetration of the "Tanagrian" version of the disappearance of Amphiaraos into the writings of later authors through Euripides. Popularity also influenced the pedagogical significance of *The Phoenician Women*, since Byzantine scholars appreciated its didactic potential and selected it as one of the three Euripidean tragedies (known as the Byzantine triad) that would be taught in schools and reproduced in hundreds of copies, see: *Cribiore* (2001), *Cribiore* (2018), *Lamari* (2017). P. 258.

[36] *Lamari* (2017). P. 259-260.

[37] *Buck* (1979). P. 123, 143, 153, 173; *Mozhajsky* (2007). C. 59, 100-101; *van Wijk* (2019). P. 174-178. It should be noted that *van Wijk* assumes that the sanctuary of Amphiaraos had always been located in Oropos, see: *van Wijk* (2019). P. 175-176, n. 858. Cf. *Schachter* (1981). P. 21-23.

[38] *Buck* (1994). P. 19, 23; *Mozhajsky* (2007). P.134-135; *van Wijk* (2019). P. 179.

sage for us is: "ἐρχομένῳ δὲ ἐκ Πλαταίας ἔσοδος ἐς τὰς Θήβας κατὰ πύλας ἐστὶν Ἠλέκτρας, καὶ ταύτῃ Καπανέα τὸν Ἱππόνου βιαιοτέρας ποιούμενον πρὸς τὸ τεῖχος τὰς προσβολὰς βληθῆναι κεραυνῷ λέγουσι" ("The entry into Thebes from Plataea is by the Electran gate. At this, so they say, Capaneus, the son of Hipponous, was struck by lightning as he was making a more furious attack upon the fortifications") (Paus. 9.8.7; translated by W.H.S. Jones.).

Thus, according to Pausanias, the Thebans directly connected the Elektrai gates with Kapaneus and the place of his death. At the site of the legendary gates, Keramopoullos unearthed the gates of the Classical — early Hellenistic period. Keramopoullos[39] himself, taking into account the history of Thebes and the ceramic material apparently dating back to the time of the construction of the western tower, attributed the construction of the towers to the period of restoration of Thebes by Kassandros in 316 BC, but, as Symeonoglou notes, the wall of isodomic masonry attached to the western tower was two meters thick and it could have belonged to the Classical period[40].

What pedagogical tradition is recorded in this message by Pausanias? First of all, we are talking about the place of military valour of both Kapaneus and those who fought off his frantic attack on the Elektrai gates. The very association of Kapaneus with the Elektrai gates corresponds to both Aischylos' (*Sept*. 423, 447-448) and Euripides' (*Phoen*. 1128-1129) texts, where Polyphontes opposed Kapaneus. In addition, Pausanias' text emphasizes an educational moment, according to which Kapaneus was struck by lightning for mocking the gods, including Zeus himself, which is also reflected in Aischylos (*Sept*. 440-446) and Euripides (*Phoen*. 1172-1186). Thus, the Elektrai gates, as represented by the second-century AD Thebans, continued to be an edifying reminder of the punishment for disrespect for the gods.

It should be noted that the Elektrai gates in Thebes were perhaps the most monumental evidence of material culture that reflected the story of *Seven against Thebes* (at least, reflecting the story of Kapaneus and his attack on the city). However, the association of Kapaneus with the Elektrai gates was preserved in a wide range of monuments and artifacts.

[39] *Keramopoullos* (1917). P. 7-52.
[40] *Symeomoglou* (1985). P. 236; *Mozhajsky* (2018). P. 89-90.

The surviving images of Kapaneus on the objects of material culture reflect the fact that walls, gates or ladders are the main attributes of Kapaneus. So, the image of Kapaneus falling from the ladder is captured on the relief from the heroon of Trysa dating 410-400 BC[41]. It is estimated that out of about nineteen known evidence of material culture that depict a warrior with a ladder or on a ladder, sixteen are relatively accurately associated with Kapaneus, but only a few of them show him falling from the ladder[42]. In this regard, this image is unique.

Red-figure ceramics also has images of Kapaneus. Notable is the Campanian neck-amphora attributed to Caivano Painter, approx. 340 BC, Fig. 2 (P. 196)[43], because on this amphora, in addition to Kapaneus on the ladder, the gate is depicted. A special case in terms of the number of artifacts is Etruria, where scenes from *Seven against Thebes* became popular since the beginning of the fifth century BC. During the fifth century, interest in this story in Etruscan art only grew due to the Athenian theater[44]. The image of Kapaneus is also present in Etruria during the Hellenistic period, such as, for example, on the terracotta pediment from Talamone (second quarter of the second century BC) in Florence[45]. A similar scene and other scenes depicting Kapaneus on a ladder near the walls or the Elektrai gates can be seen on Etruscan ash urns (second-first century)[46]. We are familiar with several sarcophagi, dating back to Roman times, on which Kapaneus is depicted with a ladder or climbing the walls of Thebes. One of them is a marble sarcophagus of Roman times

[41] We follow Landskron's dating. On the traditional dating and probable dating to an earlier time, see: *Landskron* (2015). P. 347-349.

[42] *Landskron* (2015). P. 87-88.

[43] *Krauskopf* (1990). P. 954, n. 12a.

[44] *Simon* (2013). P. 502-504.

[45] In the center there is Oidipous, who fell to his knees between his dying sons, Eteokles and Polyneikes. Behind him is the wall of Thebes with Kapaneus on the stairs. On the right, the earth swallows Amphiaraos with his chariot. On the left, Adrastos drives his horses the other way, see: *Krauskopf* (1994). P. 741, n. 48; *Simon* (2013). P. 508.

[46] One of these ash urns is in Fig. 3 (P. 197), for the description, see: Digital LIMC https://www.weblimc.org/page/monument/2084118 (August, 2020). Cf. others urns, on which Kapaneus attacking the walls is depicted, see: *Körte* (1890). P. 56-70, tav. 20,8-24.

(L. 2.20, H. 1.24), dating from 140-160 AD. It was found in Corinth and is kept in the Archaeological Museum of Corinth (Digital Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae: https://www.weblimc.org/page/monument/2070915 [August, 2020]). This is definitely a Greek-style sarcophagus which was most likely produced in Athens. The sarcophagus we are considering has a pronounced Greek style[47]. In addition, according to Young, the images on the sarcophagus were based on the models of the Classical period, and the relief style probably belongs to a Greek master, who, despite working under the influence of Roman art, nevertheless relied on old Hellenic ideals[48]. This sarcophagus depicts all seven warriors attacking Thebes. One of the fully armed warriors carries a ladder on his left shoulder and is thus identified as Kapaneus. On the marble sarcophagus (end of the second century AD, L.1.92, H. 0.47), which is located in Rome (Villa Doria Pamphilj), he is also depicted with his right foot standing on the ladder[49]. It should be noted that these sarcophagi date back to the time of Pausanias himself and, thus, clearly capture the tradition of the image of Kapaneus characteristic for this time, which is connected specifically with the walls of Thebes[50]. In this regard, the Elektrai gates become the object of the visualization of the Kapaneus story and have double symbolism: on the one hand, they remind of valour (both of attacking Kapaneus and the defending Thebans), and on the other hand, they serve as a reminder of retribution for the inappropriate attitude towards the gods and arrogance.

THE ROAD FROM THEBES TO CHALKIS

Pausanias returns to the description of Theban monuments related to the heroes of *Seven against Thebes* in Chapter 18: "ἐκ Θηβῶν δὲ ὁδὸς ἐς

[47] *Young* (1922). P. 441-444; *Johnson* (1931). P. 116-119; *Pichugina, Mozhajsky* (2020). P. 114-115.

[48] *Young* (1922). P. 442; *Pichugina, Mozhajsky* (2020). P. 112-113.

[49] *Robert* (1890). P. 193-195, №184, pl. 60; *Sichtermann, Koch* (1975). P. 67-68, №73, pl. 172; *Calza et al.* (1977). P. 169, №197, pl. 121; *Pichugina, Mozhajsky* (in print).

[50] A gemma (inv. B 100) from the collection of Corpus Christi College, Cambridge, which most likely depicts Kapaneus falling from the walls of Thebes (the walls are also depicted). It is also related to Roman time, see: *Middleton* (1892). P. 68.

Χαλκίδα κατὰ πύλας ταύτας ἐστὶ τὰς Προιτίδας. Τάφος δὲ ἐπὶ τῇ λεωφόρῳ δείκνυται Μελανίππου, Θηβαίων ἐν τοῖς μάλιστα ἀγαθοῦ τὰ πολεμικά: καὶ ἡνίκα ἐπεστράτευσαν οἱ Ἀργεῖοι, Τυδέα ὁ Μελάνιππος οὗτος καὶ ἀδελφῶν τῶν Ἀδράστου Μηκιστέα ἀπέκτεινε, καί οἱ καὶ αὐτῷ τὴν τελευτὴν ὑπὸ Ἀμφιαράου γενέσθαι λέγουσι" ("The road from Thebes to Chalcis is by this Proetidian gate. On the highway is pointed out the grave of Melanippus, one of the very best of the soldiers of Thebes. When the Argive invasion occurred this Melanippus killed Tydeus, as well as Mecisteus, one of the brothers of Adrastus, while he himself, they say, met his death at the hands of Amphiaraus") (Paus. 9.18.1; translated by W.H.S. Jones).

Pausanias further continues: "τούτου δὲ ἐγγύτατα τρεῖς εἰσιν ἀργοὶ λίθοι: Θηβαίων δὲ οἱ τὰ ἀρχαῖα μνημονεύοντες Τυδέα φασὶν εἶναι τὸν ἐνταῦθα κείμενον, ταφῆναι δὲ αὐτὸν ὑπὸ Μαίονος, καὶ ἐς μαρτυρίαν τοῦ λόγου παρέσχον τῶν ἐν Ἰλιάδι ἔπος "Τυδέος, ὃν Θήβῃσι χυτὴ κατὰ γαῖα καλύπτει" ("Quite close to it are three unwrought stones. The Theban antiquaries assert that the man lying here is Tydeus, and that his burial was carried out by Maeon. As proof of their assertion they quoted a line of the Iliad: "Of Tydeus, who at Thebes is covered by a heap of earth") (Paus. 9.18.2; translated by W.H.S. Jones).

As one can see from these fragments by Pausanias, Melanippos and Tydeus are associated with the Proitides gates. This is consistent with the tradition captured by Aischylos, where Tydeus attacks the Proitides gates and Melanippos from Thebes confronts him (*Sept*. 377-416). As it has already been shown by the example of Theban monuments associated with Amphiaraos, the Theban guides of Pausanias, in the case of Melanippos and Tydeus, followed the version reflected by Aischylos in their topography. Given this sequence of Pausanias' informants, we can assume that Aischylos was familiar with the Theban version of the association between the gates and the heroes. As for the location of the tomb of Melanippos and the stones, which indicated the burial place of Tydeus according to the second-century AD Thebans, these places should have been in the vicinity of the Kastellia hills. This assumption is based on the probable location of the Proitides gates and the road to Chalkis[51]. The

[51] Symeonoglou (*Symeonoglou* (1985). P. 193), following Keramopoullos (*Keramopoullos* (1917). P. 361), assumes that in ancient times the road to Chalkis passed between the two hills of Kastellia.

only evidence of the monument location is that, according to Pausanias, the tomb of Oidipous' children was located next to the tombs of Melanippos and Tydeus, which, in turn, was 2500-2700 m in front of the tomb of Teiresias, which, in turn, should have been located outside Greater Thebes abandoned during the times of Pausanias[52]. According to Faraklas, it is likely that somewhere at the foot of Mikro Kastelli, the Thebans showed the grave they believed to be the tomb of Melanippos, which could have been a Mycenaean chamber tomb[53]. Next to it, they showed a place associated with the tomb of Tydeus[54]. Thus, we see a place associated by the Thebans with the warrior who attacked Thebes and the warrior who defended Thebes. Pausanias notes that Tydeus was killed by Melanippos. Accordingly, since the Thebans showed visitors the tomb of Tydeus, then, as Symeonoglou noted, this was to symbolize the power of Thebes over the defeated Argos[55]. This is important for our research, since we believe that the demonstration of Theban power through monuments associated with the enemy (including the place where the earth swallowed Amphiaraos and the place where Kapaneus was struck by lightning) was intended not only for visitors from other regions, but, first of all, for their own fellow citizens. We are talking about cultivation of patriotism and military valour. Moreover, on the one hand, the valour of the Theban warriors who defeated the enemy was emphasized; on the other hand, the enemy was also valiant, i.e. valour fostered valour.

We believe that in Thebes, the monuments associated with the enemy were as sacred as the monuments associated with their own Theban heroes. Amphiaraos became a sacred figure in Thebes, and we believe that a number of other attackers too. This is even more likely since Pausanias tells of Hektor whose tomb was also in Thebes. According to the version told by Pausanias, the oracle said that the Thebans would live in prosperity if they brought Hektor's bones from Ilion to Thebes and wor-

[52] *Faraklas* (1998). P. 139.

[53] *Faraklas* (1998). P. 139.

[54] Symeonoglou notes that Pausanias is very careful about the definition of this grave and reports that near the tomb of Melanippos, he saw three stones, "which, according to the Theban antiquarians, mark the tomb of Tydeus", see: *Symeomoglou* (1985). P. 194.

[55] *Symeomoglou* (1985). P. 194.

shipped him as a hero (Paus. 9.18.5)[56]. It is interesting that not only Thebes worshipped the epic opponents from *Seven against Thebes*, but there was also a reverse process. So, according to Herodotos (5.67), Kleisthenes, the tyrant of Sikyon, established the cult of Melanippos[57]. Pausanias further reports that next to the tombs of Melanippos and Tydeus is the tomb of the sons of Oidipous, and 15 stadia from this place is the tomb of Teiresias (Paus. 9.18,3-4)[58]. As for the tombs of Eteokles and Polyneikes, the researchers proposed to interpret a large chamber tomb with two entrances to Megalo Kastelli as the one shown to Pausanias[59]. We cannot judge if this is the same tomb. However, in terms of its characteristic features, it stands out among others. This tomb is the largest tomb of this type and is unique due to the rich wall paintings[60]. According to Aravantinos, this tomb did not originally have two entrances:

[56] Farnell attributes the establishment of the cult of Hektor in Thebes to the period of the Greco-Persian Wars, around the time of the Battle of Plataiai, see: *Farnell* (1921). P. 328-329. Other researchers attribute the establishment of the cult to the Hellenistic period, see: *Schachter* (1981). P. 233-234 (note that Schachter provides the historiography of the issue); *Alcock* (1997). P. 27-28.

[57] Farnell shares the version of Herodotos that Kleisthenes established the cult of Melanippos in order to abolish the cult of Adrastos in Sikyon, as Adrastos was an Argive, see: *Farnell* (1921). P. 335.

[58] It is impossible to reconstruct the probable location of the cenotaph of Teiresias. We did not just measure 15 stadia from Megalo Kastelli on the road to Chalkis (this direction might have been correct, though). Obviously, the cenotaph of Teiresias was located outside Greater Thebes.

[59] *Symeomoglou* (1985). P. 194; Aravantinos states that identification is not safe and of no good service to scholarship, see: *Aravantinos* (2015b). P. 26-27, no. 43.

[60] Of particular note is the scene with, probably, a sitting woman who has her head bent and raises her hands over it in a gesture of respect or greeting, while behind her is an architectural façade and bands floating like flags. Aravantinos observes: "The careful cleaning and study of plaster fragments has revealed that two more female figures were surely depicted in a second zone under the seated figure. These two face each other in the same posture of veneration, but in this case they stand upright, while the vague traces of similar painted decoration that are visible in between them probably indicate that there was a third standing woman in an unknown pose", see: *Aravantinos et al.* (2018). P. 437-440.

the second (eastern) entrance was added later and the burial chamber was enlarged by approx. mid XIII century BC. Aravantinos believes that the interpretation of the extant evidence as the result of the refurbishment of a pre-existing state monument is the only one plausible[61]. The most important characteristic of this burial for our research is that, as Symeonoglou notes, "there was evidence that the chambers were used from Archaic to the Hellenistic period"[62]. Accordingly, the population of Thebes noted this tomb already in the Archaic period. Given the monumental size of the tomb, the rich fresco painting and two entrances, there is a possibility that this place could have been associated with the tombs of Eteokles and Polyneikes in the Archaic period (or later).

THE TOMB OF ASPHODIKOS

We have already mentioned the tomb of Hektor, which is located at the Oidipodia spring. Pausanius writes as follows: "τῇ δὲ Οἰδιποδίᾳ κρήνῃ τὸ ὄνομα ἐγένετο, ὅτι ἐς αὐτὴν τὸ αἷμα ἐνίψατο Οἰδίπους τοῦ πατρῴου φόνου. πρὸς δὲ τῇ πηγῇ τάφος ἐστὶν Ἀσφοδίκου: καὶ ὁ Ἀσφόδικος οὗτος ἀπέκτεινεν ἐν τῇ μάχῃ τῇ πρὸς Ἀργείους Παρθενοπαῖον τὸν Ταλαοῦ, καθὰ οἱ Θηβαῖοι λέγουσιν, ἐπεὶ τά γε ἐν Θηβαΐδι ἔπη τὰ ἐς τὴν Παρθενοπαίου τελευτὴν Περικλύμενον τὸν ἀνελόντα φησὶν εἶναι" ("The Fountain of Oedipus was so named because Oedipus washed off into it the blood of his murdered father. Hard by the spring is the grave of Asphodicus. He it was who in the fighting with the Argives killed Parthenopaeus, the son of Talaus. This is the Theban account, but according to the passage in the Thebaid which tells of the death of Parthenopaeus it was Periclymenus who killed him") (Paus. 9.18.6; translated by W.H.S. Jones).

Symeonoglou identifies the Oidipodia spring as the modern fountain at Agioi Theodoroi (site 244 in Symeonoglou's catalog, O1 Fig.1). The grave of Asphodikos could have been located on the closest to the spring side of the Kastelli hills. Aravantinos' article, *The Palatial Administration of Thebes Updated*, presents a map of Mycenaean cemeteries of chamber tombs around the citadel[63]. Symeonoglou suggests (and if we

[61] *Aravantinos* (2015b). P. 30.
[62] *Symeomoglou* (1985). P. 305.
[63] *Aravantinos* (2015b). P. 25. Fig. 5.

use this map) that, the tomb of Asphodikos should have been located on the northeast corner of Mikro Kastelli. However, this identification has its weaknesses. Firstly, the northeast corner of Mikro Kastelli is closer to the probable tombs of Melanippos and Tydeus, as well as to the tomb with two entrances (the so-called tomb of Oidipous' children) than to the spring at Agioi Theodoroi. Would Pausanias really have tied this tomb to this spring if it had been closer to other significant monuments? Secondly, the literary tradition connects the murder of Laius by Oidipous with the road to Delphi (or, less commonly, with the road to Potniai). It would have been strange if the spring where Oidipous washed the blood after the murder of Laios had been on the road to Chalkis. In this regard, it was Faraklas who proposed an interesting identification of the spring location[64]. In his opinion, the spring, the fountain and two tombs (Asphodikos' and Hektor') should have been located on the road to Delphi, and the fragment where Pausanias reports about these monuments does not refer to this narration but was inserted later. Thus, Faraklas believes that the Oidipodea spring and, accordingly, the tomb of Asphodikos were located to the northwest of the citadel. He associates the Oidipodea with the spring of Vrysoula[65]. We marked this position of the spring and the tomb in Figure 1 as O2 and As2, respectively. This version can also be criticized. We did not find information about any known Mycenaean tombs near Vrysoula. However, if the tomb of Asphodikos was a monument of Hellenistic times (probably, like the tomb of Hektor, especially since they were located nearby), this could explain the absence of Mycenaean tombs. It seems that this point of view may be quite relevant.

It should be noted that the Thebans who showed Pausanias the tomb of Asphodikos emphasized his military valour and said that it was he who had killed Parthenopaeus. Apparently, this was the main reason why they showed this monument, especially since, according to Pausanias, these facts differed from the information given in *The Thebaid.*

[64] *Faraklas* (1998). P. 140-141.
[65] *Faraklas* (1998). P. 151, 167-168. Fig. 8.3.

IN FRONT OF THE NEISTAI GATES

Pausanias (9.25,1-2) mentions a group of monuments related to the story of *Seven against Thebes*, between the Neistai gates and the Dirke river, which are therefore easily localized. We are talking about the tomb of Menoikeus and the place where the duel between Eteokles and Polyneikes took place (marked by a pillar with a stone shield on it). The entire area was called Syrma ("dragging") because, according to Pausanias, from here Antigone dragged the body of Polyneikes to the funeral pyre of Eteokles. Indeed, given the location of the Neistai gates, it can be understood that we are talking about a stretch of land between the river and the Kadmeia slopes, 50 to 100 meters wide[66]. I should be noted that according to Aischylos (*Sept*. 631, 800), the duel between Eteokles and Polyneikes took place at the seventh gate, while according to Euripides (*Phoen*. 1570), they fought at the Elektrai gates. In our opinion, Symeonoglou correctly observes that "it is unclear whether there was a gate named Hebdomai, or whether Aischylos simply meant the seventh gate of Thebes"[67]. However, if Aischylos meant that the duel took place at the seventh gate by number, this version could have coincided with the one retold to Pausanias by the Thebans. In any case, we see that there existed several traditions.

Why are these two monuments meaningful for our research? First of all, the tomb of Menoikeus could have been identified with self-sacrifice for the sake of the hometown. The place of the duel between the sons of Oidipous could have had many meanings: to warn against internecine violence, to serve as a place of grief and reconciliation in death. The latter is supported by the name of this place — the Syrma of Antigone, after the sister who "reconciled" the brothers in a funeral pyre.

CONCLUSION

Albert Schachter justly noted that Pausanias saw some monuments in Thebes as "allegedly connected with the Wars of the Seven and the Epigonoi, conveniently grouped together along the highroads to Chalkis and the east, while sites connected with the foundation of Thebes by

[66] *Symeomoglou* (1985). P. 196.
[67] *Symeomoglou* (1985). P. 197.

Kadmos were similarly grouped for the benefit of travellers, south of the Kadmeia, near the road from Athens"[68]. Schachter underscored the largest cluster of monuments related to the story of the Seven, but there are some other individual monuments and clusters present in Pausanias' texts. On the south and southeast slopes of the Kadmeia there were places associated with Amphiaraos and Kapaneus, and on the northwest side there were monuments and places associated with the children of Oidipous, Menoikeus, and possibly Oidipous and Asphodikos himself (if we accept Faraklas' point of view). It is interesting to look at the distance that separated these monuments from the citadel. Most of the monuments were in the vicinity of the Kadmeia gates (up to 260 m). In a few particular cases, the monuments could have been located farther from the gates. For example, according to Symeonoglou, the sacred place where Amphiaraos was swallowed by the earth was located about 300 meters from the Hypsistai (or the Onkaiai?) gates, and according to Keramopoullos, approx. 960 m. If any of these identifications is correct, this distance could reflect the literary tradition of the retreat of Amphiaraos.

If the proposed localizations are correct, the distance from the gates to the Oidipodia spring is also consistent with the literary tradition, since it was supposed to be on the way to the Kadmeia (according to Symeonoglou, approx. 510 m from the Proitides gates, or, according to Faraklas, approx. 500 m from the Neistai gates, and approx. 470 m from the Borraiai gates (or the Ogygiai gates?). In addition, some of the monuments could have a real connection with the Mycenaean time, such as the probable tombs of Melanippos and the children of Oidipous on the Kastellia hills. Thus, we see the close circle of monuments (near the gates of the Kadmeia) and the far circle of monuments (at a distance of 300 to 500-960 m from them). There is also a monument that does not fit into this scheme. It is the cenotaph of Teiresias, which was supposed to be at a distance of 2500-2700 m next to the tomb of Oidipous' children.

Regarding the place where the earth swallowed Amphiaraos, Pausanias refers to two traditions: the "Theban" and the "Tanagrian" ones. In our opinion, the "Tanagrian" version could be adapted by the Oropians and the Athenians as more beneficial for the oracle of Amphiaraos in Oropos. The

[68] *Schachter* (2008). P. 649; *Schachter* (2016). P. 133.

topographical data show that the Theban version is consistent with the tradition reflected in Aischylos' *Seven against Thebes*, while the "Tanagrian" version is captured in Euripides' *The Phoenician Women*.

As for Kapaneus, the Elektrai gates were a monument of valour for the Thebans, and a specific reminder of the punishment for the inappropriate attitude towards the gods at the same time. The connection of Kapaneus with the gates is illustrated by numerous evidence of material culture, including images on the sarcophagi of Pausanias' times.

As it has already been noted, the largest cluster of monuments associated with the history of *Seven against Thebes* was located on the road to Chalkis. The largest of the chamber tombs, the one with two entrances and rich murals, should perhaps be identified with the tomb the Thebans considered the grave of the children of Oidipous, mentioned by Pausanias. At least, the researchers observe that there is evidence of its use from Archaic to Hellenistic times.

For our research, the monuments of Melanippos and Tydeus are very important, since they symbolize, first of all, the military valour of the Thebans embodied by Melanippos, who, according to the Thebans, killed Tydeus and one of Adrastos' brothers. Topographically, these monuments are connected with the Proitides gates, and this again corresponds to the tradition described by Aischylos. Presumably, the playwright reflected the Theban version of the attack of the Argives on the gates of Thebes.

The same motive of military valour is characteristic of the Asphodikos monument, wherever it was located (on the northeast or northwest slopes of the Kadmeia). The Thebans pointed out to Pausanias that, according to their version, it was Asphodikos who killed Parthenopaeus. We suggest that if this monument was located on the northwestern slope of the Kadmeia, then, taking into account the absence of Mycenaean burials here and the presence of the Hellenistic cult of Hektor, the grave of Asphodikos could also date from Hellenistic times.

Many of the monuments associated with the story of *Seven against Thebes* were symbols of military valour and glorified the Thebans in their victory over the Argives. However, there were several monuments that transcended this meaning. These monuments were at the Neistai gates. The first one is the tomb of Menoikeus, which symbolizes self-sacrifice for the sake of the hometown (not necessarily military). The second monument is the place of the duel between Eteokles and Polyneikes, indicated by a his-

torical monument in the shape of a pillar with a stone shield on it. This monument could have had ambiguous meaning: it warned against internecine feuds and could be a place of grief and reconciliation in death.

We believe that all these monuments were not only shown to travellers, such as Pausanias, but were also a part of the local educational practice that clearly demonstrated the Theban mythological history.

Fig. 1.
General map. Map data: Google, DigitalGlobe.

1 — the Elektrai gates. 2 — the Homoloides gates. 3 — the Proitides gates. 4 — the Borraiai gates (or the Ogygiai gates?). 5 — the Neistai gates. 6 — the Krenaiai gates. 7 — the Hypsistai gates (or the Onkaiai gates?). A1 — the place where the earth swallowed Amphiaraos (according to Keramopoullos). A2 — the place where the earth swallowed Amphiaraos (according to Symeonoglou). K — the place where lightning struck Kapaneus. M — a possible location of the tomb of Melanippos. T — a probable location of the place which the Thebans considered the tomb of Tydeus. EP — the tomb which the Thebans could identify with the grave of Eteokles and Polyneikes. As1 — a probable location of the tomb of Asphodikos (adapted by me from the text by Symeonoglou). As2 — a probable location of the tomb of Asphodikos (adapted by me from the text by Faraklas). O1 — the Oidipodia spring (according to Symeonoglou). O2 — the Oidipodia spring (according to Faraklas). Me — a probable location of the tomb of Menoikeus. D — a probable location of the place where Eteokles and Polyneikes killed each other in a duel (according to Pausanias).

Fig. 2.

Campanian Neck-Amphora, about 340 B.C. Inv. 92.AE.86.
The J. Paul Getty Museum, Villa Collection, Malibu, California.
Digital image courtesy of the Getty's Open Content Program.

Fig. 3.

Etruscan ash urn. Museo Archeologico Nazionale dell'Umbria Perugia. Inv. 321.

Source: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/3__/32/Urna_di_vel_fethiu_con_assedio_alle_mura_di_tebe%2C_110-90_ac_ca.%2C_da_ipogeo_dei_rufi_presso_perugia_01.jpg (August, 2020). Wikimedia Commons / Sailko / CC BY-SA (https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0 [August, 2020]).

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

Оригинальные тексты литературных источников приведены по базе данных классических текстов “The Perseus Digital Library”.

Alcock (1997) — Alcock S.E. The Heroic Past in a Hellenistic Present // Hellenistic Constructs. Essays in Culture, History and Historiography / Eds. P. Cartledge, P. Garnsey, E. Gruen. Berkeley Los Angeles, and London: University of California Press, 1997.

Aravantinos (1988) — Aravantinos V. Η μυκηναϊκή οχύρωση της Καδμείας: προκαταρκτική ανακοίνωση // Α’ Διεθνές Συνέδριο Βοιωτικών Μελετών (Θήβα, 10-14 Σεπτεμβρίου 1986) / Ed. Alexandros Bekiaris. Vol. A:α. Athens, 1988. P. 113-136.

Aravantinos (2014) — Aravantinos V. The Inscriptions from the Sanctuary of Herakles at Thebes: An Overview // The Epigraphy and History of Boeotia: New Finds, New Prospects = Brill Studies in Greek and Roman Epigraphy Volume 4 / Ed. N. Papazarkadas. Leiden & Boston: Brill, 2014. P. 149-210.

Aravantinos (2015a) — Aravantinos V. Το Τέμενος του Ηρακλέους στη Θήβα // Αρχαιολογικές Σύμβολες Τόμος Γ: Βοιωτία & Εύβοιας / Ed. S. Oikonomou. Athens: Museum of Cycladic Art, 2015. P. 85-106.

Aravantinos (2015b) — Aravantinos V. The Palatial Administration of Thebes Updated // Tradition and Innovation in the Mycenaean Palatial Polities (Mykenische Studien 34) / Eds. F. Ruppenstein, J. Weilhartner. Vienna: Österreichische Akadamie der Wissenschaften, 2015. P. 19-49.

Aravantinos (2017) — Aravantinos V. The sanctuaries of Herakles and Apollo Ismenios at Thebes: new evidence // Interpreting the Seventh Century BC. Tradition and Innovation / Eds. X. Charalambidou and C. Morgan. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 2017. P. 218-227.

Aravantinos et al. (2018) — Aravantinos V.L., Fappas I., Angelidis P., Louka M., Sepetzoglou N. The Female Figure in the Pictorial Tradition of Mycenaean Boeotia: Critical Overview and Technical Observations // ΧΡΩΣΤΗΡΕΣ / PAINTBRUSHES. Wall-painting and Vase-painting of the Second Millennium BC in Dialogue. Proceedings of the International Conference on Aegean Iconography Held at Akrotiri, Thera, 24-26 May 2013, University of Ioannina / Hellenic Ministry of Culture and Sports — Archaeological Receipts Fund / Ed. A. Vlachopoulos. Athens, 2018. P. 427-449.

Berman (2015) — Berman D.W. Myth, Literature, and the Creation of the Topography of Thebes. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Bintliff (1994) — Bintliff J.L. Territorial behaviour and the natural history of the Greek polis // Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums, 4 / Eds. E. Olshausen, H. Sonnabend. Amsterdam: Hakkert Verlag, 1994. P. 207 — 249.

Bintliff (1999) — Bintliff J.L. Pattern and process in the city landscapes of Boeotia, from Geometric to Late Roman times // Territoire des Cités Grecques (BCH Supplement) / Ed. M. Brunet. Athene: Ecole Française d'Athénes, 1999. P. 15-33.

Buck (1979) — Buck R.J. A History of Boeotia. Edmonton: The University of Alberta Press, 1979.

Buck (1994) — Buck R.J. Boiotia and the Boiotian League, 423-371 B.C. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994.

Calza et al. (1977) - Antichità di Villa Doria Pamphilj / Eds. Calza R., Bonanno Aravantinos M., Messineo G., Palma B., Pensabene P. Rome: De Luca, 1977.

Casson (1974) — Casson L. Travel in the Ancient World. London: George Allen and Unwin, 1974.

Champion-Smith (1998) — Champion-Smith V.A. Pausanias in Athens: An Archaeological Commentary on the Agora of Athens. PhD thesis, University College London, 1998.

Cribiore (2001) — Cribiore R. The grammarian's choice: the popularity of Euripides' Phoenissae in Hellenistic and Roman education // Education in Greek and Roman antiquity / Ed. Y.L. Too. Leiden; Boston; Koln: Brill, 2001. P. 241-259.

Faraklas (1998) — Faraklas N. Θηβαϊκά (Archaiologike Ephemeris 135). Athens, 1998.

Farnell (1921) — Farnell L.R. Greek Hero Cults and Ideas of Immortality. Oxford: Oxford University Press, 1921.

Fossey (1988) — Fossey J.M. Topography and Population of Ancient Boiotia. Chicago: Ares Publishers Inc., 1988.

Frazer (1898) — Pausanias's Description of Greece, translated with a commentary by J.G. Frazer. In six volumes. London: Macmillan and Co., 1898.

Henderson (1923) — Henderson B.W. The Life and Principate of the Emperor Hadrian. London: Methuen, 1923.

Johnson (1931) — Johnson F. Corinth IX, Sculpture 1896-1923. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1931.

Keramopoullos (1917) — Keramopoullos A. Θηβαϊκά (Archaeologikon Deltion 3). Athens, 1917.

Körte (1890) — Körte G. I rilievi delle urne etrusche (Band 2,1). Berlin, 1890.

Krauskopf (1990) — Krauskopf I. Kapaneus // LIMC V. 1990. P. 952-963.

Krauskopf (1994) — Krauskopf I. Septem // LIMC VII. 1994. P. 730-748.

Lamari (2017) — Lamari A.A. Phoenician Women // A Companion to Euripides, First Edition / Ed. Laura K. McClure. Chichester, West Sussex: John Wiley & Sons Inc., 2017. P. 258-269.

Lamont (2019) — Lamont J.L. The Phenomenon of Incubation in Antiquity // The Classical Review. Vol. 69, Iss. 1, 2019. P. 178-181.

Landskron (2015) — Landskron A. Das Heroon von Trysa. Ein Denkmal in Lykien zwischen Ost und West (Schriften des Kunsthistorischen Museums 13 A), Textband. Wien: Verlag Holzhausen GmbH, 2015.

Middleton (1892) — Middleton J.H. The Lewis collection of gems and rings in the possession of Corpus Christi College, Cambridge, with an introductory essay on ancient gems. London: C.J. Clay & Sons, Cambridge University Press Warehouse, 1892.

Moggi, Osanna (2010) — Moggi M., Osanna M. Pausania. Guida della Grecia. Libro IX. Milano: Fondazione Lorenzo Valla - Arnoldo Mondadori, 2010.

Mozhajsky (2014) — Mozhajsky A. Yu. The Archaic Wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems // Graeco-Latina Brunensia 19, 2014, 2. P. 71-79.

Musti (1988) — Musti D. La struttura del libro di Pausania sulla Beozia // Α′ Διεθνές συνέδριο Βοιωτικών Μελετών, Θήβα, 10-14 Σεπτεμβρίου 1986. Athens. Vol. I., 1988. P. 333–345.

Osborne (2009) — Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 BC. Second edition. London and New York: Routledge, 2009.

Papadaki (2000) — Papadaki A. Τοπογραφικά και αρχαιολογικά αρχαίων Ποτνιών (Τάχι Θηβών) // Γ′ Διεθνές συνέδριο Βοιωτικών Μελετών, Θήβα, 4-8 Σεπτεμβρίου 1996. Athens. Vol. I., 2000. P. 357-369.

Papakhatzes (1981) — Papakhatzes N. Dh. Παυσανίου Ἑλλάδος Περιήγησις — V. Βοιωτικὰ καὶ Φωκικά. Athìnai, 1981.

Petropoulou (1981) — Petropoulou A. The Eparche documents and the early oracle at Oropus // GRBS 22, 1981. P. 39–63.

Regenbogen (1956) — Regenbogen O. Pausanias // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Supplement 8. Edited by August Pauly. Stuttgart: J. B. Metzler, 1956. S. 1008-1097.

Renberg (2017) — Renberg G. H. Where Dreams May Come. Incubation Sanctuaries in the Greco-Roman World. In two volumes. (Religions in the Graeco-Roman World 184.). Leiden and Boston: Brill, 2017.

Robert (1890) — Robert C. Die antiken Sarkophag-Reliefs II: Mythologische Cyklen. Berlin: G. GROTE'sche verlagsbuchhandlung, 1890.

Schachter (1981) — Schachter A. The Cults of Boiotia 1, BICS Suppl. 38.1. London: Institute of Classical Studies, 1981.

Schachter (2008) — Schachter A. Pausanias and Boiotia // Δ′ Διεθνές συνέδριο Βοιωτικών Μελετών, Λιβαδειά, 9-12 Σεπτεμβρίου 2000. Athens. Vol. I., 2008. P. 649-664.

Schachter (2016) — Schachter A. Boiotia in Antiquity: Selected Papers. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Sélincourt (2001) — Sélincourt A. de. The World of Herodotos. London: Phoenix Press, 2001.

Sichtermann, Koch (1975) — Sichtermann H, Koch G. Griechische Mythen auf römischen Sarkophagen. Tübingen: Ernst Wasmuth, 1975.

Simon (2013) — Simon E. Greek Myth in Etruscan Culture // The Etruscan World / Ed. J.M. Turfa. London and New York: Routledge, 2013. P. 495-512.

Symeonoglou (1985). — Symeonoglou S. The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times. Princeton: Princeton University Press, 1985.

Tarn (1910) — Tarn W.W. The dedication Ship of Antigonos Gonatas // The Journal of Hellenic Studies, 30 (2), 1910. P. 209-222.

van Wijk (2019) — van Wijk R. A Bittersweet Rivalry. The interstate relations between Athens and Boiotia during the Archaic and Classical Period (550-323 B.C.E.). Dissertation zur Erlangerung der Doktorwürde an der Philosophischen Fakultät der Universität Freiburg (CH). Pays-Bas, 2019.

Wallace (1979) — Wallace P. Strabo's Description of Boiotia: a Commentary (Strabo). Heidelberg: Winter, 1979.

Wilamowitz-Möellendorff (1883) — Wilamowitz-Möellendorff U. Die Beiden Elektren // Hermes, 18. Bd., H. 2, 1883. P. 214-263.

Wycherley (1982) — Wycherley R.E. Pausanias and Praxiteles // Hesperia Supplement: 20, 1982. P. 182-191.

Young (1922) — Young J.D. A Sarcophagus at Corinth // American Journal of Archaeology, Vol. 26, No. 4, 1922. P. 430-444.

Крибиоре (2018) — Крибиоре Р. Выбор грамматика: популярность «Финикиянок» Еврипида в эллинистическом и римском образовании. Пер. В.К. Пичугиной // Hypothekai. №2, 2018. С. 231–251.

Можайский (2007) — Можайский А.Ю. Внешнеполитический курс Фиванского полиса в классический период. Дис. … канд. ист. наук. М., 2007.

Можайский (2018) — Можайский А.Ю. Реки и ворота Фив в трагедиях Эсхила, Софокла и Еврипида как часть образовательного пространства города // Hypothekai. №2, 2018. С. 79–96.

Пичугина, Можайский (2020) — Пичугина В.К., Можайский А.Ю. Трагическая визуализация образовательного пространства Фив в «Фиваиде» Стация // ΠΡΑΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики (ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics). 2020. Вып. 3 (25). С. 99-117.

REFERENCES

All citations in this article are reproduced according to the electronic database of classical texts “The Perseus Digital Library”.

Alcock (1997) — Alcock S.E. The Heroic Past in a Hellenistic Present // Hellenistic Constructs. Essays in Culture, History and Historiography / Eds. P. Cartledge, P. Garnsey, E. Gruen. Berkeley Los Angeles, and London: University of California Press, 1997.

Aravantinos (1988) — Aravantinos V. Η μυκηναϊκή οχύρωση της Καδμείας: προκαταρκτική ανακοίνωση // Α’ Διεθνές Συνέδριο Βοιωτικών Μελετών (Θήβα, 10-14 Σεπτεμβρίου 1986) / Ed. Alexandros Bekiaris. Vol. A:α. Athens, 1988. P. 113-136.

Aravantinos (2014) — Aravantinos V. The Inscriptions from the Sanctuary of Herakles at Thebes: An Overview // The Epigraphy and History of Boeotia: New Finds, New Prospects = Brill Studies in Greek and Roman Epigraphy Volume 4 / Ed. N. Papazarkadas. Leiden & Boston: Brill, 2014. P. 149-210.

Aravantinos (2015a) — Aravantinos V. Το Τέμενος του Ηρακλέους στη Θήβα // Αρχαιολογικές Σύμβολες Τόμος Γ: Βοιωτία & Εύβοιας / Ed. S. Oikonomou. Athens: Museum of Cycladic Art, 2015. P. 85-106.

Aravantinos (2015b) — Aravantinos V. The Palatial Administration of Thebes Updated // Tradition and Innovation in the Mycenaean Palatial Polities (Mykenische Studien 34) / Eds. F. Ruppenstein, J. Weilhartner. Vienna: Österreichische Akadamie der Wissenschaften, 2015. P. 19-49.

Aravantinos (2017) — Aravantinos V. The sanctuaries of Herakles and Apollo Ismenios at Thebes: new evidence // Interpreting the Seventh Century BC. Tradition and Innovation / Eds. X. Charalambidou and C. Morgan. Oxford: Archaeopress Publishing Ltd., 2017. P. 218-227.

Aravantinos et al. (2018) — Aravantinos V.L., Fappas I., Angelidis P., Louka M., Sepetzoglou N. The Female Figure in the Pictorial Tradition of Mycenaean Boeotia: Critical Overview and Technical Observations // ΧΡΩΣΤΗΡΕΣ / PAINTBRUSHES. Wall-painting and Vase-painting of the Second Millennium BC in Dialogue. Proceedings of the International Conference on Aegean Iconography Held at Akrotiri, Thera, 24-26 May 2013, University of Ioannina / Hellenic Ministry of Culture and Sports — Archaeological Receipts Fund / Ed. A. Vlachopoulos. Athens, 2018. P. 427-449.

Berman (2015) — Berman D.W. Myth, Literature, and the Creation of the Topography of Thebes. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Bintliff (1994) — Bintliff J.L. Territorial behaviour and the natural history of the Greek polis // Stuttgarter Kolloquium zur Historischen Geographie des Altertums, 4 / Eds. E. Olshausen, H. Sonnabend. Amsterdam: Hakkert Verlag, 1994. P. 207 — 249.

Bintliff (1999) — Bintliff J.L. Pattern and process in the city landscapes of Boeotia, from Geometric to Late Roman times // Territoire des Cités Grecques (BCH Supplement) / Ed. M. Brunet. Athene: Ecole Française d'Athénes, 1999. P. 15-33.

Buck (1979) — Buck R.J. A History of Boeotia. Edmonton: The University of Alberta Press, 1979.

Buck (1994) — Buck R.J. Boiotia and the Boiotian League, 423-371 B.C. Edmonton: The University of Alberta Press, 1994.

Calza et al. (1977) - Antichità di Villa Doria Pamphilj / Eds. Calza R., Bonanno Aravantinos M., Messineo G., Palma B., Pensabene P. Rome: De Luca, 1977.

Casson (1974) — Casson L. Travel in the Ancient World. London: George Allen and Unwin, 1974.

Champion-Smith (1998) — Champion-Smith V.A. Pausanias in Athens: An Archaeological Commentary on the Agora of Athens. PhD thesis, University College London, 1998.

Cribiore (2001) — Cribiore R. The grammarian's choice: the popularity of Euripides' Phoenissae in Hellenistic and Roman education // Education in Greek and Roman antiquity / Ed. Y.L. Too. Leiden; Boston; Koln: Brill, 2001. P. 241-259.

Cribiore (2018) — Cribiore R. Vybor grammatika: populyarnost' «Finikiyanok» Evripida v ellinisticheskom i rimskom obrazovanii. Per. V.K. Pichuginoj // Hypothekai. №2, 2018. S. 231–251.

Faraklas (1998) — Faraklas N. Θηβαϊκά (Archaiologike Ephemeris 135). Athens, 1998.

Farnell (1921) — Farnell L.R. Greek Hero Cults and Ideas of Immortality. Oxford: Oxford University Press, 1921.

Fossey (1988) — Fossey J.M. Topography and Population of Ancient Boiotia. Chicago: Ares Publishers Inc., 1988.

Frazer (1898) — Pausanias's Description of Greece, translated with a commentary by J.G. Frazer. In six volumes. London: Macmillan and Co., 1898.

Henderson (1923) — Henderson B.W. The Life and Principate of the Emperor Hadrian. London: Methuen, 1923.

Johnson (1931) — Johnson F. Corinth IX, Sculpture 1896-1923. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1931.

Keramopoullos (1917) — Keramopoullos A. Θηβαϊκά (Archaeologikon Deltion 3). Athens, 1917.

Körte (1890) — Körte G. I rilievi delle urne etrusche (Band 2,1). Berlin, 1890.

Krauskopf (1990) — Krauskopf I. Kapaneus // LIMC V. 1990. P. 952-963.

Krauskopf (1994) — Krauskopf I. Septem // LIMC VII. 1994. P. 730-748.

Lamari (2017) — Lamari A.A. Phoenician Women // A Companion to Euripides, First Edition / Ed. Laura K. McClure. Chichester, West Sussex: John Wiley & Sons Inc., 2017. P. 258-269.

Lamont (2019) — Lamont J.L. The Phenomenon of Incubation in Antiquity // The Classical Review. Vol. 69, Iss. 1, 2019. P. 178-181.

Landskron (2015) — Landskron A. Das Heroon von Trysa. Ein Denkmal in Lykien zwischen Ost und West (Schriften des Kunsthistorischen Museums 13 A), Textband. Wien: Verlag Holzhausen GmbH, 2015.

Middleton (1892) — Middleton J.H. The Lewis collection of gems and rings in the possession of Corpus Christi College, Cambridge, with an introductory essay on ancient gems. London: C.J. Clay & Sons, Cambridge University Press Warehouse, 1892.

Moggi, Osanna (2010) — Moggi M., Osanna M. Pausania. Guida della Grecia. Libro IX. Milano: Fondazione Lorenzo Valla — Arnoldo Mondadori, 2010.

Mozhajsky (2007) — Mozhajsky A. Yu. Vneshnepoliticheskij kurs Fivanskogo polisa v klassicheskij period. Dis. … kand. ist. nauk. M., 2007.

Mozhajsky (2014) — Mozhajsky A. Yu. The Archaic Wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems // Graeco-Latina Brunensia 19, 2014, 2. P. 71-79.

Mozhajsky (2018) — Mozhajsky A. Yu. Reki i vorota Fiv v tragediyah Eskhila, Sofokla i Evripida kak chast' obrazovatel'nogo prostranstva goroda // Hypothekai. №2, 2018. S. 79–96.

Musti (1988) — Musti D. La struttura del libro di Pausania sulla Beozia // Α′ Διεθνές συνέδριο Βοιωτικών Μελετών, Θήβα, 10-14 Σεπτεμβρίου 1986. Athens. Vol. I., 1988. P. 333–345.

Osborne (2009) — Osborne R. Greece in the Making, 1200–479 BC. Second edition. London and New York: Routledge, 2009.

Papadaki (2000) — Papadaki A. Τοπογραφικά και αρχαιολογικά αρχαίων Ποτνιών (Τάχι Θηβών) // Γ′ Διεθνές συνέδριο Βοιωτικών Μελετών, Θήβα, 4-8 Σεπτεμβρίου 1996. Athens. Vol. I., 2000. P. 357-369.

Papakhatzes (1981) — Papakhatzes N. Dh. Παυσανίου Ἑλλάδος Περιήγησις — V. Βοιωτικὰ καὶ Φωκικά. Athìnai, 1981.

Petropoulou (1981) — Petropoulou A. The Eparche documents and the early oracle at Oropus // GRBS 22, 1981. P. 39–63.

Pichugina, Mozhajsky (2020) — Pichugina V.K., Mozhajsky A. Yu. Tragic visualization of the educational space of Thebes in Statius' Thebaid // ΠΡΑΞΗΜΑ 3 (25), 2020. P. 99-117.

Regenbogen (1956) — Regenbogen O. Pausanias // Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Supplement 8. Edited by August Pauly. Stuttgart: J. B. Metzler, 1956. S. 1008-1097.

Renberg (2017) — Renberg G. H. Where Dreams May Come. Incubation Sanctuaries in the Greco-Roman World. In two volumes. (Religions in the Graeco-Roman World 184.). Leiden and Boston: Brill, 2017.

Robert (1890) — Robert C. Die antiken Sarkophag-Reliefs II: Mythologische Cyklen. Berlin: G. GROTE'sche verlagsbuchhandlung, 1890.

Schachter (1981) — Schachter A. The Cults of Boiotia 1, BICS Suppl. 38.1. London: Institute of Classical Studies, 1981.

Schachter (2008) — Schachter A. Pausanias and Boiotia // Δ′ Διεθνές συνέδριο Βοιωτικών Μελετών, Λιβαδειά, 9-12 Σεπτεμβρίου 2000. Athens. Vol. I., 2008. P. 649-664.

Schachter (2016) — Schachter A. Boiotia in Antiquity: Selected Papers. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

Sélincourt (2001) — Sélincourt A. de. The World of Herodotos. London: Phoenix Press, 2001.

Sichtermann, Koch (1975) — Sichtermann H, Koch G. Griechische Mythen auf römischen Sarkophagen. Tübingen: Ernst Wasmuth, 1975.

Simon (2013) — Simon E. Greek Myth in Etruscan Culture // The Etruscan World / Ed. J.M. Turfa. London and New York: Routledge, 2013. P. 495-512.

Symeonoglou (1985). — Symeonoglou S. The Topography of Thebes from the Bronze Age to Modern Times. Princeton: Princeton University Press, 1985.

Tarn (1910) — Tarn W.W. The dedication Ship of Antigonos Gonatas // The Journal of Hellenic Studies, 30 (2), 1910. P. 209-222.

van Wijk (2019) — van Wijk R. A Bittersweet Rivalry. The interstate relations between Athens and Boiotia during the Archaic and Classical Period (550-323 B.C.E.). Dissertation zur Erlangerung der Doktorwürde an der Philosophischen Fakultät der Universität Freiburg (CH). Pays-Bas, 2019.

Wallace (1979) — Wallace P. Strabo's Description of Boiotia: a Commentary (Strabo). Heidelberg: Winter, 1979.

Wilamowitz-Möellendorff (1883) — Wilamowitz-Möellendorff U. Die Beiden Elektren // Hermes, 18. Bd., H. 2, 1883. P. 214-263.

Wycherley (1982) — Wycherley R.E. Pausanias and Praxiteles // Hesperia Supplement: 20, 1982. P. 182-191.

Young (1922) — Young J.D. A Sarcophagus at Corinth // American Journal of Archaeology, Vol. 26, No. 4, 1922. P. 430-444.

ВОЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПАЙДЕЙЯ В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ ПИРРА И МАРИЯ*

София КСЕНОФОНТОС

Публикуемый текст представляет собой главу в книге, посвященной пространству, времени и языку в произведениях Плутарха. С. Ксенофонтос исследует опасности и ограничения исключительно военного образования в свете жизнеописаний Пирра и Мария. По ее мнению, военная сфера для Плутарха — это не просто фоновая обстановка, в которой действующие лица проявляют свою доблесть, а, скорее, жизненно важная среда для построения и интерпретации биографического описания. Такой подход позволяет пролить свет на поведение героя в других контекстах, например, в семье, в политике, философии и риторике, что, в свою очередь, влияет на нравственную и культурную самобытности героя.

В начале жизнеописания Пирра Плутарх предлагает своим читателям мифический рассказ, объясняющий основание поселения

* Оригинальное издание: Xenophontos S. Military space and paideia in the Lives of Pyrrhus and Marius // Space, Time and Language in Plutarch / Edited by A. Georgiadou and K. Oikonomopoulou. Berlin - Boston: De Gruyter, 2017. P. 317-236. Перевод с английского А.Ю. Можайского. Автор перевода и издательство «Аквилон» выражают искреннюю благодарность проф. С. Ксенофонтос за любезное разрешение на перевод и публикацию настоящей работы. — Перевод выполнен в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017-2020 годы № 27.8089.2017/БЧ «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании».

Эпира. В соответствии с традицией, сын Ахиллеса Неоптолем был первым царем этой страны, но династия, произошедшая от него — Пирриды — вскоре погрязла в варварстве как в отношении силы, так и образа жизни (ἐκβαρβαρωθέντων … τῇ τε δυνάμει καὶ τοῖς βίοις, *Pyrrh*. 1.4). Ситуация изменилась к лучшему, когда прапрадед Пирра Таррип установил греческие обычаи и ученость, а городами управлял, введя человеколюбивые законы (*Pyrrh*. 1.4).

Этот мифический рассказ предвосхищает ключевую тему, вытекающую из последующего повествования — противоречие между варварством и аккультурацией — и, как это часто бывает у Плутарха, ценность греческого образования как средства борьбы с моральной развращенностью. На другом уровне это связано с инцидентом из младенчества Пирра, который описывает отчаянный побег тех из местных, кто пытался спасти меленького Пирра от враждебно настроенных преследователей. Решающим фактором в этом эпизоде, который обеспечил физическое выживание героя, явилось пересечение бурной реки. Интересно, что пространственное описание реки как места, где происходит действие, включает в себя такие термины как «грозная», «дикая», «жестокая» и «темная» (*Pyrrh*. 2.3-5), в то время как переправа через нее стала возможной посредством написанных сообщений о помощи, которые были направлены через реку (ἐνέγραψεν … γράμματα, ἀνέγνωσαν … τὰ γράμματα, *Pyrrh*. 2.6-7). Эта захватывающая история несомненно отражает творческое воображение[1] Плутарха и отдаленная, по всей вероятности, вымышленная, география полноводной реки становится культурно заряженным «фреймом»[2], который оформляет историю в предложенном виде: спасение эпиротов и их царя основано на использовании букв — признаке цивилизации и образования.

[1] Наиболее близкая параллель находится у Юстина, *Epit. Pomp. Trog.* 17.3.17-20, который просто упоминает о преследовании маленького Пирра врагами его отца до тех пор, пока его не передали супруге царя Главкии.

[2] *de Jong* (2014). P. 107-108 отличает «сеттинг» от «фрейма» в том смысле, что последний заключает в себе далекие, гипотетические сообщения, мечты или воспоминания, которые, тем не менее, могут «значительно расширить пространство рассказа».

Этот центральный паттерн пронизывает все оставшееся жизнеописание в инвертированных версиях, где небрежность культурного воспитания ставит героя в затруднительные положения. В этой главе я хотела бы, прежде всего, взглянуть на отрывки, в которых Пирр встречается с мудрыми советчиками и интеллектуалами, но не постигает их глубоких уроков. Моя цель состоит в том, чтобы проанализировать опасности и ограничения, связанные с воинственным высокомерием (*pleonexia*) Пирра, нежели выявить его причины, что являлось до сих пор общей тенденцией[3]. В частности, через сравнение с Марием, я хочу показать, что всякий раз, когда военная сфера не затронута греческой философией, риторикой и политикой, в частной и общественной жизни возникают изъяны, такие как пренебрежение родительскими обязанностями, политические бедствия, социальная изоляция и слепое принятие божественных предзнаменований, граничащее с суеверием. В соответствии с целями данного издания, мой анализ «военного пространства» в этой паре жизнеописаний пояснит, что это понятие гораздо более сложное, чем первоначально предполагалось: оно обозначает не только фоновую обстановку, в которой субъекты жизнеописаний *(Плутарха. — А. М.)* традиционно вершат великие дела. Скорее, это текстовая среда, где построение и интерпретация биографического повествования приобретают новые значения и коннотации, связывая военный статус героя с его моральным характером и культурной идентичностью — центральными понятиями в биографическом проекте Плутарха. Поэтому рассмотрение «военного пространства» у Плутарха может пролить свет на цель и проблемы сравнительных жизнеописаний более полно.

Пространства действия и бездействия в жизнеописании Пирра

Жизнеописание Пирра необычно тем, что имеет продолжительное повествование о детстве, юности и молодости героя и, при этом, довольно странным образом отложен рассказ о его образова-

[3] *Swain* (1989d), (1990b) и *Pelling* (1989) исследовали причины, которые вели к разрушению римских героев Плутарха, подчеркивая тот факт, что их необузданные страсти едва ли когда-либо были сдержаны эллинской *пайдейей.*

нии. В первых семи с половиной главах читатель знакомится с физической доблестью Пирра, планами экспансии и тем, как он показывает себя в военных действиях. Царь Эпира почтен за свою воинственность и представлен как отражение Ахиллеса или Александра[4]. Плутарх использует гомеровский язык, чтобы описать действия своего персонажа в героических терминах: так, подготавливая к венному успеху, с которым персонаж сталкивается позже, по ходу развития своей карьеры:

> «Ожесточенно бились в этом сражении воины, но еще ожесточенней — полководцы. Пантавх, с которым, по общему признанию, ни один из военачальников Деметрия не мог сравниться ни храбростью, ни силой, ни крепостью тела, с присущей ему дерзостью и высокомерием вызвал Пирра на поединок, а тот, не желая никому из царей уступить в мужестве и стремясь, чтобы слава Ахиллеса досталась ему по заслугам, а не в наследство от предков, прошел через первый ряд своих воинов и выступил навстречу Пантавху. Сперва они метнули друг в друга копья, а потом сойдясь в рукопашную, бились на мечах столь же упорно, сколь и умело. Пирр получил одну рану, а сам ранил противника дважды — один раз в бедро, другой в шею — и свалил его, но умертвить не смог, так как друзья отбили Пантавха и унесли. Эпироты, ободренные победой своего царя и дивившиеся его доблести, прорвали своим натиском строй македонян, бросились преследовать бегущих и многих убили, а пять тысяч взяли в плен» (*Pyrrh.* 7.6-10; пер. С.А. Ошерова)[5].

Это описание военного мастерства Пирра имеет значение для объяснения улучшения его положения как правителя и его экспедиции против Македонии, но оно также объясняет и его длительную приверженность военным наукам (*Pyrrh.* 8.3-4). Согласно повествованию Плутарха, Пирр написал сочинения по военной тактике и лидерству (8.6). Похоже, что он все время изучал и размышлял о

[4] *Mossman* (1988), (1992) и *Braund* (1997) многое сделали для изучения трагического и эпического формирования таких аллюзий; также *Duff* (1999). P. 123-126. *Mossman* (2005). P. 512-515 обсуждает то, как Пирр не смог соответствовать примеру Александра.

[5] Здесь и далее использован перевод жизнеописаний Плутраха С.А. Ошерова (*А. М.*).

военных делах и заставлял своих подданных думать исключительно о вооружении (16.1-3). Представление успешных эпизодов из его военной карьеры, однако, уравновешивается сообщениями о других действиях, которых Пирр осознанно избегает. Хорошим примером, который фигурирует в начале жизнеописания, является анекдот с флейтистами, которых Пирр открыто презрел во время пира (*Pyrrh.* 8.7). Этот случай не просто показывает, что Пирр отстаивает общественную значимость статуса полководца выше, чем флейтиста, но, скорее, неспособность Пирра соответствовать духу общей веселости[6]. Однако есть и некоторые более позитивные примеры его неприятия симпосия, например, когда он великодушно простил юношей, которые, будучи под воздействием вина, бранили его (8.11-12). Вскоре после этого, Плутарх представляет еще один случай, который отражает реакцию других людей на односторонний образ жизни Пирра. Имеется в виду то, что принимая Пирра в качестве своего лидера, народ Тарента вынужден будет оставить фривольную жизнь и пирушки в пользу аскетичной и военной жизни, о которой так изящно выразился в своем предупреждении народу Тарента Метон (*Pyrrh.* 13.8-10):

> «Тарентинцы! Как хорошо вы делаете, что дозволяете желающим бражничать и шутить (παίζειν καὶ κωμάζειν), пока можно. Но если вы в здравом уме, то поспешите и сами воспользоваться этой вольностью (καὶ πάντες ἀπολαύσετε ἔτι τῆς ἐλευθερίας): ведь когда в город явится Пирр, дела пойдут иначе и другая жизнь начнется для нас (ὡς ἕτερα πράγματα καὶ βίον καὶ δίαιταν ἕξοντες)».

Опять же, описание симпосиального пространства заключает в себе силы, противоположные тем, что находятся в пространстве действия Пирра. В действительности, упоминание об увядающем венке и факеле, танцы и пение пьяных симпосиастов и, в частности,

[6] *Pyrrh.* 8.7: λέγεται γάρ ὡς ἐρωτηθεὶς ἔν τινι πότῳ, πότερον αὐτῷ φαίνεται Πύθων αὐλητὴς ἀμείνων ἢ Καφισίας, εἰπεῖν ὅτι Πολυπέρχων στρατηγός, ὡς ταῦτα τῷ βασιλεῖ ζητεῖν μόνα καὶ γινώσκειν προ σῆκον. («Говорят, что как-то на пиру ему задали вопрос: какой флейтист кажется ему лучше, Пифон или Кафисий? Он же отвечал: “Полководец Полисперхонт, ибо царю пристойно знать и рассуждать только о ратном искусстве”»).

Метона, а также присутствие флейтистки создают сцену, характерную для *kōmos* или пьяной процессии гуляк[7], то, что Пирр запрещает, как только он принимает власть. Мы узнаем, что он закрыл гимнасии и запретил попойки (16.2). Плутарх старается показать представления обеих сторон: для Пирра избегание общественных праздников было делом разумного ограничения, тарентинцы же называли это рабством (16.3). Этот уравновешенный подход призван побудить читателей Плутарха к критическим размышлениям, особенно относительно последствий строгой приверженности тому, что включает понятие «полководческое искусство». Авторское описание симпосиального пространства относится в данном случае к, так называемой, психологизирующей функции пространства, предназначенной разъяснить характер и наклонности героя[8].

Более того, приверженность Пирра к военным делам подрывает его отношение к родительским обязанностям, поскольку искажает представление о том, как должен вести себя отец. Интересно, что Плутарх умалчивает о каких-либо невоенных отношениях между Пирром и его сыновьями, и, кажется, единственный урок, который преподносит им Пирр, касается значения воинской доблести, имеющей целью установление грубой власти (*Pyrrh.* 9.4-6). Такая воинская пайдейя ставит под угрозу моральную составляющую его сыновей: он собирается завещать свое царство тому сыну, который

[7] *Pyrrh*. 13.6-7: εἷς δέ τις ἀνὴρ ἐπιεικὴς, Μέτων ὄνομα, τῆς ἡμέρας ἐκείνης ἐν ᾗ τὸ δόγμα κυροῦν ἔμελλον ἐνστάσης καὶ τοῦ δήμου καθεζομένου, λαβὼν στέφανον τῶν ἑώλων καὶ λαμπάδιον, ὥσπερ οἱ μεθύοντες, αὐλητρίδος ὑφηγουμένης αὐτῷ πρὸς τὴν ἐκκλησίαν ἐκώμαζεν. οἷα δὲ ἐν ὄχλῳ δημο κρατίας κόσμον οὐκ ἐχούσης οἱ μὲν ἐκρότουν ἰδόντες, οἱ δὲ ἐγέλων, ἐκώλυε δὲ οὐδείς, ἀλλὰ καὶ τὸ γύναιον αὐλεῖν κἀκεῖνον ᾄδειν ἐκέλευον εἷς μέσον προελθόντα: καὶ τοῦτο ποιήσων ἐπίδοξος ἦν. («И вот один рассудительный человек, по имени Метон, в день, когда должны были принять решение, надел увядающий венок, взял в руки факел, как делают обычно пьяные, и явился в Народное собрание, сопровождаемый флейтисткой. Как бывает везде, где власть народа не знает должных пределов, толпа, увидев это шествие, встретила его рукоплесканиями и смехом, и никто не остановил Метона, напротив, его просили вместе с флейтисткой выйти на сцену и спеть. Он сделал вид, будто так и собирается поступить»).

[8] *de Jong* (2014). P. 127-128.

покажет, что обладает самым мощным оружием (*Pyrrh.* 9.3-6*, Reg. et imp. apophth.* 184C). Пирр побуждает своих преемников к жестокому соперничеству, которое потенциально может привести к братоубийству. Действительно, именно такой результат представлен в «Финикиянках» Еврипида — трагедии, которая является подтекстом к прочтению жизнеописания Пирра и подчеркивает связь между властью и потревоженными семейными узами[9]. Браун обоснованно подчеркивает «очень малую заботу (*Пирра. — А. М.*) о своих сыновьях», полагая, что «их образование служит лишь развлечением для царской *pleonexia*»[10].

Ситуация с Марием напоминает ситуацию с Пирром в том отношении, что первый, опять-таки, является типом жестокого полководца, хорошо знакомого исключительно с военной подготовкой, чья властная личность преобладает над его отеческой ролью. Однажды Марий даже оставил своего сына, чтобы спасти себя (*Mar.* 35.9-11).

В этих сравнительных жизнеописаниях слабое исполнение отцовских обязанностей могущественными отцами компенсировано присутствием Антигона в главе 34 жизнеописания Пирра: моральные принципы, которые Антигон хотел передать своему сыну, основаны на гуманных добродетелях (*philanthrōpia*) и кротости (*praotēs*), а не на самоутверждающей власти. Антигон упрекает своего сына Алкионея за то, что тот принес ему голову Пирра, сочтя это нечестивым и варварским поступком, тогда как хвалит его за то, что он отнесся к сыну Пирра Гелену с состраданием. Рассказ о смерти героя сохранился в нескольких версиях, но Плутарх следует, в основном, той, которая содержится у Страбона (8.6.18) и дополняет ее драматическими деталям, а также эмоциональным эффектом:[11]

---

[9] О «Финикиянках» как подтексте для жизнеописания Пирра см.: *Braund* (1997). P. 1-10.

[10] *Braund* (1997). P. 6.

[11] Полиэн, *Strat*. 8.68, сообщает о группе аргивских женщин, которые бросали любые тяжелые предметы, а не о конкретной матери: Πύρρος Ἠπειρώτης ἐνέβαλεν εἰς Ἄργος καλέσαντος αὐτὸν Ἀριστέως Ἀργείου. οἱ μὲν Ἀργεῖοι συνέδραμον ἐς τὴν ἀγορὰν μετὰ τῶν ὅπλων, αἱ δὲ γυναῖκες αὐτῶν προκαταλαβόμεναι τὰ τέγη τοὺς Ἠπειρώτας ἄνωθεν βάλλουσαι ἀναχωρῆσαι βιάζονται, ὥστε καὶ Πύρρος, ὁ δεινότατος τῶν στρατηγῶν, αὐτὸς ἔπεσεν

могучий царь поражен черепицей, брошенной отчаявшейся матерью в попытке спасти своего сына (*Pyrrh.* 34.1-3). Несмотря на то, что Павсаний (1.13.8) также следует традиционной линии этого повествования, он говорит о женщине, не упоминая, что это была обезумевшая мать. Версия этой истории у Плутарха могла явиться просто результатом работы его творческого воображения под влиянием других версий, к которым он обращался, но, в случае если это не так, могла ли она сложиться, по крайней мере в некоторой степени, благодаря общему акценту, который делает Плутарх применительно к недостаточному исполнению родительских обязанностей Пирра, наводя на мысль о том, как это привело его к финальной катастрофе?

Существуют и другие показатели недостатков, произошедших из-за недальновидной военной агенды Пирра, которая, как мы видели, игнорирует важнейшие области жизнедеятельности человека. В жизнеописаниях убежденных полководцев, Плутарх стремится противопоставить военного героя другим фигурам, которые обычно демонстрируют более разнообразный спектр пайдейи[12]. Такое противопоставление было названо «контрастирующими личностями» (Folienfiguren) и у нас есть два подходящих примера такой конфронтационной техники во взаимодействии Пирра с Кинием и Фабрицием в главах 14 и 20-21 соответственно. Несмотря на то, что Ки-

---

ἐμπεσούσης ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ κεραμίδος. αἱ δὲ ᾽Αργολίδες μέγιστον κλέος ἐν τοῖς ῞Ελλησιν ἤραντο Πύρρου τοῦ πολεμικωτάτου μηδὲ ὑπ᾽ ἀνδρῶν, ἀλλὰ ὑπὸ γυναικῶν ᾽Αργολίδων πεσόντος. Юстин, *Epit. Pomp. Trog.* 25.5.1-2, сообщает, что Пирр был убит с внешней стороны стен Аргоса камнями, которые бросала армия Антигона: Repul sus ab Spartanis Pyrrhus Argos petit; ibi dum Antigonum in urbe clausum expugnare conatur, inter con fertissimos uiolentissime dimicans saxo de muris ictus occiditur. Caput eius Antigono refertur, qui uic toria mitius usus filium eius Helenum cum Epirotis sibi deditum in regnum remisit eique insepulti patris ossa in patriam referenda tradidit. Наконец Зонара (*Hist. Epit.* 8.VI, vol. II, p. 90, ll. 22-28 *Dindorf* (1869)) передает, что Пирр был убит женщиной, которая потеряла равновесие и упала ему на голову: Πύρρος … ἐπὶ τὴν ‘Ελλάδα στρατεύσας οὐ πολλῷ ὕστερον ἐν Ἄργει ἀπέθανε. γυνὴ γάρ τις, ὡς λόγος ἔχει, παριόντα αὐτὸν ἰδεῖν ἀπὸ τοῦ τέγους ἐπιθυμήσασα ἐσφάλη καὶ ἐμπεσοῦσα διέφθειρεν αὐτόν.

[12] *Bucher-Isler* (1972). P. 62-68; *Beck H.* (2002). P. 468-469. Ср. *Xenophontos* (2012) о Фабии Максиме.

ней изображен политическим советником Пирра, его старания имели целью не только укрепить царство Пирра, но и были в большей степени направлены на улучшение его морального состояния[13]. По этой причине он использует риторическое красноречие — важнейший инструмент политического успеха — чтобы привести Пирра к некоторой степени самоосознанности через ряд диалектических вопросов. Эта сократическая сцена отсутствует как в соответствующем повествовании Диона Кассия (*Hist. Rom.,* 40.5), так и в «Римской истории» Аппиана («О войнах с самнитами», 17-18, 22-30), предположительно потому, что морализующие нити такого противостояния были менее интересны этим двум историкам. Киней раскрывает тщеславие в *pleonexia* Пирра, пытаясь поправить его политические устремления с помощью лучше упорядоченного морального мировоззрения, однако безрезультатно; в конце концов, Пирр огорчился, а не переменил своих взглядов.

Случай с Фабрицием очень похожий. Фабриций — римский посол, которого Пирр пытается задобрить и подкупить (*Pyrrh.* 20.2-4). Политические действия Пирра здесь наивны, они даже могли бы вызвать скромную улыбку у свидетелей произошедшего: несмотря на то, что Пирр не смог заставить Фабриция принять золото, на следующий день он предлагает ему слона, которого Фабриций снова отвергает. Как представляется, Пирр не понимает значимости политически образованной личности и ошибочно смешивает вещи, которые могли бы быть значимы для полководца с теми, которые потенциально более уместны для политика. Замечания, которые завершают беседу Фабриция с Пирром (20.9), также подчеркивают отсутствие философской осведомленности последнего. В этом эпизоде происходит дискуссия об эпикурействе, которая, что интересно, инициируется и формулируется Фабрицием и Кинеем, а не Пирром, которому не интересны интеллектуальные темы. Эта дискуссия, которую мы не находим у Диона Кассия, посвящена, в частности, эпикурейскому взгляду на избегание общественной жизни, который Пирр и его последователи, как представляется, поддерживали, несмотря на тот факт, что они, похоже, уделяли мало

[13] *Buszard* (2008). P. 203-205 сравнивает диалог Пирра с Кинием с диалогом Сократа с Алкивиадом в *Alcibiades I.*

внимания истинной сути этой доктрины. Плутарх является единственным источником, который, в связи с этим эпизодом прямо ссылается на имя Эпикура (ср. Cic., *De Sen.* 43, Val. Max. 4.3.6), и это отражает стремление биографа подчеркнуть ограниченность философского знания Пирра — области, которая, вероятно, могла бы позволить расцвести природным способностям героя.

Плутарх также интересуется поведением Пирра в религиозной сфере и тем, как это поведение могло повлиять на его военные решения. Повторяющейся темой, которая проходит через военные подвиги героя, является его преданность богам (*Pyrrh.* 3.4, 12.7, 29.3, 30.5, 32.10) и удаче (*tychē*) (26.7), внимание, которое он уделяет сновидениям (29.2-4)[14], предзнаменованиям (31.7) и пророчествам (30.5, 32.8), а также его решение посвятить свою военную добычу богам (26.9). Следует задуматься над тем, что подразумевает такая приверженность божественному, особенно в тех случаях, когда в военных кампаниях Пирр полагается больше на судьбу, нежели на свой рассудок (καὶ τῇ τύχῃ μᾶλλον ἢ τοῖς λογισμοῖς χρώμενος, 26.7)[15]. У Плутарха границы между благоговением и суеверием часто размыты, и я бы предположила, что Пирр демонстрирует признаки суеверного человека, которые, вероятно, согласуются с отсутствием у него надлежащей пайдейи.

Наиболее известное описание суеверного человека можно найти в «Характерах» (Δεισιδαιμονίας) Феофраста[16]. Однако там, где Феофраст осмеивает,[17] Плутарх анализирует и размышляет[18]. Плу-

[14] О сновидениях у Тацита и Плутарха см.: *Pelling* (1997b).

[15] Это напоминает изображение Мария в *Jugurtha* (*«Югуртинской войне»*. — *А. М.*) Саллюстия, особенно 91-95, где возникают схожие вопросы; в 92.6-7 успех Мария представлен как результат случайности, а не умения. В 94.6 удача была на стороне Мария, и он приобрел славу в результате ошибочного суждения. В 92.2 окружение Мария сочло, что он либо обладал божественной проницательностью или все было открыто ему благодаря милостям богов.

[16] О предшественниках Плутарха и использовании суеверного персонажа см.: *Moellering* (1963). P. 80-88.

[17] Несмотря на морализирующую цель «Характеров» Феофраста (*Diggle* (2004). P. 12, следует также из предисловия к работе), комическую линию в изображении персонажей невозможно упустить из вида. *Diggle*

тарх определяет *deisidaimonia* как варварское понятие, а не как греческую характеристику, считая, что она соответствует только нецивилизованным людям[19], и в своем произведении «О суеверии» он предлагает практические инструкции о том, как отличить суеверного человека от атеиста[20]. Пирр имеет ряд общих черт с суеверным персонажем этого эссе. Начнем с того, что невежество растит суеверие у слабых и податливых личностей (*De superst*. 164E). Отсутствие у Пирра политического и философского знания заставляет его колебаться между присущим ему военной стойкостью с одной стороны и мягкостью, а также человечностью с другой. Во-вторых, если к этому психологическому состоянию добавляется страсть (*pathos*), то происходит нечто очень плохое. *Pathos* Пирра — это его *pleonexia,* которая в конечном итоге, как мы уже рассмотрели, вызывает у него серьезные проблемы на разных уровнях. В-третьих, *deisidaimōn* взволнован сновидениями (165E ff.)[21] и постоянно консультируется с провидцами, верит предзнаменованиям (168F); это присуще и Пирру, как мы уже видели. Более того, в 167B Плутарх цитирует Платона в поддержку утверждения, что музыка может контролировать «беспокойную» часть души, которой не хватает тонкости и изящества; антипатия Пирра к музыке и досугу может объяснить его неполноценность в этом отношении. Наконец, *deisidaimōn* не любит политиков и философов (167E); можно вспомнить встречу Пирра с Кинием и Фабрицием и его слабое понимание эпикурейских доктрин.

Правда, в изображении Пирра есть нечто большее, чем это. Он не ненавидит и не обвиняет богов (168C; 170E), он также не бездействует из-за страха божественного возмездия (168C). Тем не менее,

(2004). P. 349 отмечает, что несмотря на то, что *deisidaimōn* должен быть нейтральным или даже положительным термином, у Феофраста он приобрел негативный оттенок.

[18] О суеверии как черте, которую политик у Плутарха должен сдерживать в своем поведении, *Wardman* (1974). P. 86-93.

[19] *Nikolaidis* (1986) противопоставляет греческие и варварские элементы. Ср. *Schmidt* (1999).

[20] О суеверии у Плутарха, *Pérez-Jiménez* (1996), особенно 204-205 n. 42 для дальнейших ссылок.

[21] *Феофраст* 16.11 с *Diggle* (2004). P. 368.

мы обнаруживаем существенные признаки в его суеверном поведении,[22] которые соответствуют тем акцентам, которые обычно выделяют в этом поведении других военных героев. Даже Никий (*Nic.* 23-24), который не является исключительно военным персонажем, по своей природе подвергся суеверию во время кампании. С другой стороны, анекдот об образованной реакции на общественную *deisidaimonia*, который содержится в *Pericles* 6, отражает то, как аргументированное объяснение может устранить необоснованные представления, и, таким образом, установить пределы обращения к божественному, предполагающиеся в военной и политической сферах.

Военное пространство и пайдейя в «Жизнеописании Мария»

Возвращаясь к «Жизнеописанию Мария», я хочу исследовать, как Плутарх устанавливает некоторые общие элементы в пространствах действия двух героев, а также дать комментарий относительно значимости этих установлений для представлений Плутарха о культуре. В отличие от Пирра, с самого начала «Жизнеописания Мария» образование находится в центре внимания, где подчеркивается неприятие Марием эллинской культуры в пользу римской военной культуры (2.1-2): по мнению Мария, это было бы полным абсурдом учиться у учителей, которые сами были рабами римлян. Его сопротивление греческой пайдейе также обнаруживается в изречении, приписываемом Платону, в котором подчеркивается его противопоставление Музам и Грациям (*греч. Харитам. — А. М.*),[23] что объ-

[22] *Alex*. 75.1-2; ср. *Fab*. 4.4.

[23] *Mar*. 2.3-4: ὥσπερ οὖν Ξενοκράτει τῷ φιλοσόφῳ σκυθρωποτέρῳ δοκοῦντι τὸ ἦθος εἶναι πολ λάκις εἰώθει λέγειν ὁ Πλάτων·‘ὦ μακάριε Ξενόκρατες, θῦε ταῖς Χάρισιν’, οὕτως εἴ τις ἔπεισε Μάριον, θύειν ταῖς Ἑλληνικαῖς Μούσαις καὶ Χάρισιν, οὐκ ἂν ἐκπρεπεστάταις στρατηγίαις καὶ πολιτείαις ἀμορ φοτάτην ἐπέθηκε, ὑπὸ θυμοῦ καὶ φιλαρχίας ἀώρου καὶ πλεονεξιῶν ἀπαρηγορήτων εἰς ὠμότατον καὶ ἀγριώτατον γῆρας ἐξοκείλας. ταῦτα μὲν οὖν ἐπὶ τῶν πράξεων αὐτῶν εὐθὺς θεωρείσθω. («Платон часто говорил философу Ксенократу, который отличался угрюмым характером: “Ксенократ, приноси жертвы Харитам”. И если бы кто-нибудь так же уговорил Мария приносить жертвы эллинским Музам и Харитам, то его славные деяния на войне и в управлении государством не завершились бы

ясняет многие поспешные изменения в его поведении, совершенно непохожие на происходящие в «Жизнеописании Пирра». Эта особенность становится решающей по ходу повествования и подчеркивается повсюду: в 3.2 мы встречаем изменение и приспособление Мария к новому образу жизни; в 4.7 и 5.3 мы видим два случая быстрой смены политического решения; в 28.1-2 происходит наносное изменение в его характере, когда он притворяется мягким и склонным к демократии, чтобы угодить народу; в 29.1 он вызвал ненависть патрициев за смену своей политической позиции; наконец, в 34.3-7 мы видим, что Марий в старости поддался роскоши, несмотря на его простой, до тех пор, образ жизни.

В главе 29 присутствие Метеллы призвано подчеркнуть контраст между политическими практиками двух человек, пролить свет на отсутствие у Мария надлежащей пайдейи и, в конечном счете, продемонстрировать извращенную форму государственного управления Мария: полководец рассматривает нечестность перед обществом как элемент политической добродетели, в то время как Метелл принимает аксиому Пиндара, которая соответствует принципу политической морали[24]. Метел типичная «контрастирующая личность» и, что интересно, он философски образован (*Mar.* 29.12), поэтому Плутарх очень высоко оценивает его[25].

столь безобразно, а гневливость, недостойное властолюбие и ненасытная алчность не сделали бы его в старости таким свирепым и жестоким. Все это мы сейчас увидим из его дел»).

[24] *Mar.* 29.5: αὐτὸς μὲν γὰρ εἰς ἀρετῆς καὶ δεινότητος μερίδα τὸ ψεύσασθαι τιθέμενος, λόγον οὐδένα τῶν πρὸς τὴν σύγκλητον ὡμολογημένων ἔξειν ἔμελλε, τὸν δὲ Μέτελλον εἰδὼς βέβαιον ἄνδρα καὶ τὴν ‘ἀλήθειαν ἀρχὴν μεγάλης ἀρετῆς’ κατὰ Πίνδαρον ἡγούμενον, ἐβούλετο τῇ πρὸς τὴν σύγκλητον ἀρνή σει προληφθέντα καὶ μὴ δεξάμενον τὸν ὅρκον εἰς ἀνήκεστον ἐμβαλεῖν πρὸς τὸν δῆμον ἔχθραν. («Считая ложь неотъемлемым свойством доблестного и разумного человека, Марий не собирался выполнить то, о чем говорил в сенате, и зная стойкость Метелла, уверенного, что — пользуясь выражением Пиндара — “правдивость есть начало добродетели”, хотел использовать его отказ принести клятву, чтобы вызвать в народе жестокую ненависть к нему. Так оно и вышло»).

[25] Рассмотрим установленное Бузардом (*Buszard*) меткое различие между личной добродетелью Метеллы и его политической эффективно-

Упомянутая выше цитата из Платона, демонстрирующая взгляд Плутарха на неприятие Марием Муз и Граций, напоминает о трактате «О суеверии», который помогает отнести Пирра к категории суеверных людей. Исходя из этого логично начать поиск схожих элементов и в «Жизнеописании Мария». Действительно, здесь также можно найти многочисленные упоминания о роли богов (4.1, 8.5), значении *tychē* (7.2, 14.1, 23.1, 19.10), прорицателях, обращению к предзнаменованиям и божественных знакам, а также жертвоприношениям (17.2, 22, 26.2-4, 36.8-10, 38.7-10, 40.13)[26]. Более того, в 42.7 Плутарх предполагает, что прорицания губительны и считает парадоксом то, что использование прорицаний принесло Марию спасение, а Октавий был погублен ими. Более того, в 45.5 Марий плохо спит и мучается кошмарами. Как и Пирр, Марий также переступает грань между благоговением и суеверием, однако в данном случае это не повлияло на его падение напрямую. В целом, неприятие Марием культуры удерживало его сосредоточенным на войне, а природная неспособность к мирной и гражданской деятельности (31.3) не смогла развиться из-за отсутствия надлежащего обучающего воздействия. В «Жизнеописании Мария» также можно разглядеть как эти качества могут оказывать положительное влияние на ведение войны, но гибельно проявляют себя в политике.

Заключение: военное пространство и культурная идентичность

В «Жизнеописаниях» Пирра и Мария Плутарх подчеркивает занятие героев военным делом и отсутствие у них интереса к интел-

---

стью. Это правда, что Метелл, несмотря на его «восхитительную личность» и «благородное поведение» поддается политическим ошибкам. Это, однако, не подрывает его политическую пригодность: его ошибки, в отличие от ошибок Мария, не проистекают от невоспитанной личности, (2005). P. 491. Метелл является контрастной фигурой к Марию также и у Саллюстия, но в его обсуждении образование не является настолько важной чертой. Было бы интересно сравнить и выявить контраст с Саллюстием, хотя Плутарх, возможно, не знал *«Югуртинскую войну»* напрямую (в отличие от *«Истории»*). О Метелле и Марии в *«Югуртинской войне»* смотри также *Syme* (1964). P. 142-151.

[26] О Марии и богах, *McDonnell* (2006). P. 267-271.

лектуальной, общественной и семейной деятельностям. Однако их преданность военному делу по разным причинам оправдана. Пирр приобретает в тексте весьма сложную культурную идентичность; он определенно не римлянин, но также и не чистокровный грек. И эта ситуация остается нерешенной потому, что Плутарх напрямую не связывает военную алчность Пирра с незнанием греческой культуры. Биограф стремится преуменьшить любые прямые связи с эллинской культурой. Для Мария, напротив, осознание себя с *Romanitas* ярко выступает с самого начала биографии и напрямую связано с его отрицанием греческой пайдейи. Возможно, это имеет отношение к общей тенденции Плутарха определять и судить относительно связей его римских героев с эллинской культурой; однако одно из следствий его отсылок к культурным категориям заключается в том, что Плутарх не интересуется определением идентичности своих героев просто на основе происхождения, но больше в свете их этического поведения. Как мы видели, в биографическом проекте Плутарха успехи героев во многом зависят от их деятельности в культурной и нравственной сферах[27].

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ (REFERENCES)

Beck H. (2002) — Beck H. Interne synkrisis bei Plutarch // Hermes 130.4. 2002. P. 467-489.

Braund (1997) — Braund D. Plutarch's Pyrrhus and Euripides' Phoenician Women: Biography and Tragedy on Pleonectic Parenting // Histos 1. 1997. P. 1-10.

Bucher-Isler (1972) — Bucher-Isler B. Norm und Individualität in den Biographien Plutarchs. Bern and Stuttgart: Haupt, 1972.

Buszard (2005) — Buszard B.B. The decline of the Roman Republic in the Pyrrhus–Marius // The Statesman in Plutarch's Works, Volume II: The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives (Mnemosyne Supplements 250.2) / Eds. Lukas de Blois, Jeroen Bons, Ton Kessels and Dirk M. Schenkeveld. Leiden and Boston: Brill, 2005. P. 281-296.

[27] См. также дискуссию в *Xenophontos* (2016).

de Jong (2014) — de Jong Irene J.F. Narratology and Classics: A Practical Guide. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Diggle (2004) — Diggle J. Theophrastus Characters. Edited with introduction, translation and commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

Dindorf (1869) — Dindorf L.A. Ioannis Zonarae epitome historiarum, Vol. 2. Leipzig, 1869.

Duff (1999) — Duff T.E. Plutarch's Lives. Exploring Virtue and Vice. Oxford: Oxford University Press, 1999.

McDonnell (2006) — McDonnell M. Roman Manliness: Virtus and the Roman Republic. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2006.

Moellering (1963) — Moellering H.A. Plutarch's De superstitione, its Place in the Changing Meaning of Deisidaimonia and in the Context of his Theological Writings. Boston: Christopher Publ., 1963.

Mossman (1988) — Mossman J. Tragedy and Epic in Plutarch's Alexander // JHS 108, 1988. P. 83-93.

Mossman (1992) — Mossman J. Plutarch, Pyrrhus, and Alexander // Plutarch and the Historical Tradition / Ed. Philip Stadter. London and New York: Routledge, 1992. P. 90-108.

Mossman (2005) — Mossman J. Taxis ou Barbaros: Greek and Roman in Plutarch's Pyrrhus // Classical Quarterly. 55. 2005. P. 498-517.

Nikolaidis (1986) — Nikolaidis A.G. Ἑλληνικός-βαρβαρικός. Plutarch on Greek and Barbarian Characteristics // Wiener Studien. 99. 1986. P. 229-244.

Pelling (1989) — Pelling C.B. R. Plutarch: Roman heroes and Greek culture // Philosophia Togata: Essays on Roman Philosophy and Society / Eds. Miriam T. Griffin and Jonathan Barnes. Oxford: Clarendon Press. P. 199-232.

Pelling (1997b) — Pelling C.B. R. Tragical dreamer: some dreams in the Roman Historians // Greece and Rome. 44.2, 1997. P. 197-213.

Pérez-Jiménez (1996) — Pérez-Jiménez A. Δεισιδαιμονία: el Miedo a los Dioses en Plutarco // Plutarchea Lovaniensia. A Miscellany of Essays on Plutarch / Ed. Luc Van der Stockt. Leuven: Universitas Catholica Lovaniensis. P. 195-225.

Schmidt (1999) — Schmidt T.S. Plutarque et les Barbares. La rhétorique d'une image. Leuven and Namur: Peeters, 1999.

Syme (1964) — Syme R. Sallust. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1964.

Swain (1989d) — Swain S.C.R. Character change in Plutarch // Phoenix 43. 1989. P. 62-68.

Swain (1990b) — Swain S.C.R. Hellenic Culture and the Roman Heroes of Plutarch // JHS 110, 1990. P. 126-145; repr. in: Essays on Plutarch's Lives / Ed. Barbara Scardigli. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 229-264.

Wardman (1974) — Wardman A. Plutarch's Lives. London: Paul Elek Ltd., 1974.

Xenophontos (2012) — Xenophontos S. Περὶ ἀγαθοῦ στρατηγοῦ: Plutarch's Life of Fabius Maximus and the Ethics of Generalship // Hermes 140.2, 2012. P. 160-183.

Xenophontos (2016) — Xenophontos S. Ethical Education in Plutarch: Moralising Agents and Contexts. Berlin: de Gruyter, 2016.

РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН И СОВРЕМЕННОЕ ЕМУ ОБРАЗОВАНИЕ: КРАСНЕЕТ ЛИ БУМАГА У ГУМАНИТАРИЯ?»

А.С. Степанова

Выход в свет научной монографии «Марк Туллий Цицерон и современное ему образование: краснеет ли бумага у гуманитария?» (Изд. «Русское слово», 2018) доктора педагогических наук, профессора РАО, ведущего научного сотрудника ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО» Виктории Константиновны Пичугиной и доктора филологических наук, профессора ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов» Яны Александровны Волковой представляет собой значимое событие в отечественном антиковедении. Учитывая акцент на педагогической концепции Цицерона, нельзя не отметить и существенный вклад монографии в изучение истории и философии образования. Монография является логическим продолжением предшествующего издания указанных авторов, которое называлось «Марк Туллий Цицерон. Антология гуманной педагогики» (Издательский дом «Неолит», 2016), и в котором представлены снабженные ценными комментариями переводы (как результат сравнения версий) сочинений Цицерона, посвященных теме образования и позволяющих употребить по отношению к наследию Цицерона выражение «гуманная педагогика». Оба указанных издания убедительно проиллюстрировали нюансы формирования гуманного образовательного идеала, к взращиванию которого Цицерон имел самое прямое отношение.

В монографии «Марк Туллий Цицерон и современное ему образование: краснеет ли бумага у гуманитария?» очень логично выстроена структура и остроумно — с отсылками к русской классической литературе, образы которой, по справедливому замечанию авторов, могут служить литературным обрамлением для начертан-

HYPOTHEKAI
2020. Вып. 4. С. 224-227
УДК 37.01

HYPOTHEKAI
2020. Issue 4. P. 224-227
DOI: 10.32880/2587-7127-2019-4-4-224-227

ного самим Цицероном образовательного идеала его эпохи, и с прицелом на большую информативность — представлены названия разделов, что существенно оживило изложение. Разделы взаимодополняют друг друга, на протяжении всей монографии наращивается смысловой потенциал основного замысла авторов. В первом разделе, озаглавленном «“Белые и черные” у Цицерона» и апеллирующем к литературному образу шахматной доски, рассмотрена тема обретения человеком человечности, совершения им необходимого выбора в терминологии Цицерона «по праву человечности» (rationem humanitatis) в условиях сложной, полной противоречий эпохи и отличающегося полиэтничностью общества. Отмечая первостепенность для Цицерона понимания им роли образования в воспитании гражданского долга, авторы рассматривают развивавшуюся Цицероном концептуальную схему «заботы о себе» в проекции греческой пайдейи, начиная со времен Сократа, что позволило раскрыть механизм интеллектуальных усилий римского мыслителя по поиску латинских эквивалентов идей и терминологически оформленных понятий, разъясняющих смысл образовательной теории и практики. Этот раздел задает вектор исследовательского приема преобладающего и в последующих частях монографии. Второй раздел «“Горе от ума” Цицерона» обращает к аналогии с главным персонажем комедии А.С. Грибоедова, высвечивая неординарность позиции римского аналитика политической и образовательной теории в условиях римского общества. Как справедливо отмечают авторы, Цицерон актуализировал задачу соотнесения или, лучше сказать, встраивания оптимальной образовательной стратегии в русло стратегии самой жизни, что делало доминантой экзистенциальный аспект философски понимаемого образования — животрепещущая тема сегодняшнего дня! В третьем разделе образовательные идеи Цицерона рассматриваются сквозь призму романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени», раскрывается значение взаимодействия образования и культуры — проблема, впервые выдвинутая именно Цицероном, латинское «humanitas» противопоставляется греческому понятию «paideia», а само понятие «humanitas» раскрывается авторами в значении практики воспитания культурой. Четвертый раздел «“Отцы и дети” в версии Цицерона» посвящен взглядам Цицерона на воспитании юношества, на за-

дачи семейного воспитания, и вновь отмечена доминирующая идея концепции Цицерона — его видение гармоничного единства политических, педагогических и философских вопросов. В пятом разделе «“В театре и цирке” глазами Цицерона» раскрывается отношение Цицерона к вопросу о воспитательной роли театра. Здесь, как и в предыдущих разделах, отношение римлянина к значимости театральных постановок и к знанию поэзии соотнесено с воспитательным потенциалом греческой и римской пайдейи. Шестой раздел «“Преступление и наказание” вокруг Цицерона» адресует к теме идеального гражданина, последовательно развивавшейся Цицероном в трактатах «О законах», «Об ораторе», «Об обязанностях», «О пределах блага и зла», «Тускуланские беседы». Тема эта оказалась актуальной для бурной в политическом отношении эпохи, отмеченной утратой ценностных ориентиров, личностных идеалов и даже переоценкой ценностей; и опять здесь жизненный путь гражданина и его образовательный маршрут, как показывают авторы монографии, обретают в понимании Цицерона неизбежный параллелизм. В седьмом разделе «“Война и мир” для Цицерона» авторы отмечают способность Цицерона к конструированию исторического дискурса, внимательному отношению к проблеме исторического самосознания индивида, что позволяет, по мнению авторов, говорить об уникальном прочтении современного ему образования. Наконец, восьмой раздел «“Филосо-фические письма” Цицерона» подводит логический итог эпистолярному наследию Цицерона, указывая на напрашивающийся параллелизм с опытом П.Я. Чаадаева. Особенно ценно, что авторы обозначили тему инициированных Цицероном «приусадебных Академий», явившихся реализацией идеи домашней педагогики со свойственной ей актуализацией культуры чтения. Завершающим аккордом служит заключительная часть монографии, посвященная педагогическому наследию Цицерона в содержании высшего гуманитарного образования.

Повествование (а сама форма монографии чрезвычайно интересна) построено таким образом, что исследование совпадает с изложением, примеры же и метафоры вызывают к жизни аналогии с современностью. Все это способствует тому, что монография представляет концепцию Цицерона в новом ракурсе. В изложении авторов убедительно раскрывается многогранность личности Цицерона

и выстраданного им проекта, не только внесшего существенный вклад в западную интеллектуальную традицию, но и сконструировавшего гуманитарную концепцию широкого плана, имеющую внушительный эвристический потенциал и сохраняющую свою актуальность. Следует отметить, что монография снабжена комментариями, обширными списками источников и литературы по рассматриваемой теме, хотя не лишним был бы и предметный (терминологический) указатель. В заключение еще раз подчеркну, что монография актуальна для современной гуманитаристики, ценность данного издания и его своевременность не подлежат сомнению.

ОБ АВТОРАХ / CONTRIBUTORS

Барзах Зоя Анатольевна — аспирант кафедры классической филологии Университета имени Бар Илана (Иерусалим, Израиль). Автор работ о трагедиях Софокла и их рецепции в европейской литературе и греческой медицине (особенно у Галена). ORCID 0000-0001-9669-8447.

Zoia A. Barzakh — PhD student, Department of Classical Studies, Bar Ilan Universtity (Jerusalem, Israel). She is the author of scientific works on Sophoclean drama and its reception in European literature and Greek medicine, especially Galen. ORCID 0000-0001-9669-8447

Клейменов Александр Анатольевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник кафедры истории и археологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого. Автор более 50 статей по различным проблемам военной истории времен Филиппа II и Александра Македонского, в том числе монографии «Стратегическая симфония: координированное наступление в македонском военном искусстве эпохи Александра Великого» (2019 г.). ORCID 0000-0002-7123-0378

Alexander A. Kleymeonov is Doctor of Historical Sciences, Senior researcher of History and Archeology department at Leo Tolstoy Tula State Pedagogical University. Research interests: Macedonian warfare in the late Argead period. He is the author of more than 50 articles on the Macedonian military history of the Philip II and Alexander the Great periods, as well as the monograph “Strategic Symphony: Coordinated attack in Macedonian warfare of Alexander the Great’s time” (2019). ORCID 0000-0002-7123-0378

Ксенофонтос София — преподаватель Школы гуманитарных исследований Университета Глазго, автор научных работ по греческой литературе I-II вв. н.э. с особым акцентом на Плутарха. Автор монографии «Этическое образование у Плутарха: морализаторы и контексты» (2016 г.), автор книги «Феодор Метохит «О нравственности, или Об образовании»: введение, перевод, комментарии» (2020 г.), соредактор серии «Brill's Companions to Classical Reception» по переизданию Плутарха. ORCID 0000-0002-5766-7565

Sophia Xenophontos is a lecturer of School of Humanities (University of Glasgow). She is the author of scientific works on Greek literature of the 1st-2nd century AD with special emphasis on Plutarch. The author of the monographs «*Ethical Education in Plutarch: Moralising Agents and Contexts» (2016), «Theodore Metochites' On Morals or Concerning Education: Introduction, Translation, and Notes» (2020),* et al. She is co-editing the Companion to the Reception of Plutarch for the Brill's Companions to Classical Reception series. ORCID 0000-0002-5766-7565

Можайский Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института стратегии развития образования РАО, доцент кафедры Истории древнего мира и средних веков Института истории и политики Московского педагогического государственного университета. Автор научных работ по истории и археологии Беотии (в том числе статей по исторической топографии) и истории античного образования, а также учебного пособия по археологии (Добровольская М.В., Можайский А.Ю. Археология: учебное пособие. — М.: МПГУ, 2012). ORCID 0000-0003-1112-2858

Andrej Yu. Mozhajsky is Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education, Associate Professor of the Department of Ancient and Medieval History at the Institute of History and Politics of Moscow State Pedagogical University. He is the au-

thor of scientific works on history and archaeology of Boiotia, including articles on historical topography (Mozhajsky A. Reconsidering the Movement of Pausanias' Army before the Battle of Plataiai in 479 BC. // Revue internationale d'Histoire Militaire Ancienne. №5/2017. — P. 33-50; Mozhajsky A. The Archaic Wall of Greater Thebes: Chronological and Topographical Problems // Graeco-Latina Brunensia 19/2, 2014. — P. 71-79), history of ancient education and the textbook on archaeology (Dobrovol'skaya M.V., Mozhajskij A.YU. Arheologiya: Uchebnoe posobie. — M.: MPGU, 2012.). ORCID 0000-0003-1112-2858

Пичугина Виктория Константиновна — доктор педагогических наук, профессор РАО, ведущий научный сотрудник Института стратегии развития образования РАО; автор научных публикаций об античных образовательных практиках «заботы о себе» и практиках воспитания в античном театре; автор монографий «Антропологический дискурс в педагогике: исторические и теоретические аспекты» (2013 г.), «Антропологический дискурс «заботы о себе» в античной педагогике» (2014 г.), «Марк Туллий Цицерон и современное ему образование: краснеет ли бумага у гуманитария?» (2018 г.); один из составителей антологий «Марк Туллий Цицерон. Антология гуманной педагогики» (2017 г.) и «Антология педагогического наследия Древней Греции и Древнего Рима» (2019 г.). ORCID 0000-0002-1195-725X

Victoria K. Pichugina is Doctor of Education, Professor of the Russian Academy of Education, Leading Researcher of Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education. She is the author of scientific publications about the ancient educational practices "care of the self" and practices of upbringing by the ancient theater, as well as the monographs "Anthropological Discourse in Pedagogy: Historical and Theoretical Aspects" (2013), "Anthropological Discourse of 'Caring of the Self' in Ancient Pedagogy" (2014), "Mark Tullius Cicero and his Contemporary Educa-

tion: Does the Humanities Paper Blush?" (2018), and one of the compilers of the anthologies "Marcus Tullius Cicero. Anthology of Humane Pedagogy" (2017) and "Anthology of the Pedagogical Heritage of Ancient Greece and Ancient Rome" (2019). ORCID 0000-0002-1195-725X

СВЕТЛОВ Роман Викторович — доктор философских наук, профессор, директор института философии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. Автор следующих монографий «Античный неоплатонизм и александрийская экзегетика» (1996 г.), «Войны античного мира. Походы Пирра» (2003 г.), «Великие сражения античности» (2008 г.), «Иконография античных философов: история и антропология образов» (2017 г.) и др. ORCID ID 0000-0001-7767-1441

Roman V. SVETLOV is DSc in Philosophy, Professor at Herzen State Pedagogical University of Russia and Professor at Yaroslav-the-Wise Novgorod State University. He is the author of the monographs the following monographs: "Classical Neoplatonism and Alexandrian Exegetics" (1996), "The Wars of the Ancient World. Pyrrhus' Campaigns" (2003), "The Great Battles of the Ancient World" (2008), "The Iconography of Classical Philosophers: History and Anthropology of Images" (2017), et al. ORCID ID 0000-0001-7767-1441

СТЕПАНОВА Анна Сергеевна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философской антропологии и истории философии Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Автор монографий «Физика стоиков» (2005 г.), «Философия Стои как

феномен эллинистическо-римской культуры» (2012 г.) и серии работ по педагогическому наследию Я.А. Коменского. ORCID 0000-0001-5287-3768

Anna S. Stepanova is DSc in Philosophy, Professor at Herzen State Pedagogical University of Russia. She is the author of the monographs "Physics of the Stoics" (2005), "The Philosophy of Stoi as a Phenomenon of Hellenistic-Roman Culture" (2012) and a series of works on the pedagogical heritage of Jan Amos Comenius. ORCID 0000-0001-5287-3768

Стивен Росс Мюррей — директор программы по физическому воспитанию и профессор преподавания в Колледже литературы и науки Калифорнийского университета в Беркли. Занимается исследованиями в области спорта, особенно в Древней Греции и Древнем Риме, спортивных соревнований и здорового образа жизни. Автор двух книг и около 150 статей в научных журналах и других периодических изданиях. Доктор Мюррей — действующий бегун и спортсмен, участник многочисленных спортивных соревнований, включая чемпионат мира IRONMAN® в Кайлуа-Кона (Гавайи, США). ORCID 0000-0001-5779-1497

Steven Ross Murray is the Director of the Physical Education Program and a Professor of Teaching in the College of Letters and Science at the University of California, Berkeley. His areas of research are in sport history, particular with ancient Greece and Rome, athletic competitions, and wellness, where he has authored two books and some 150 articles in academic journals and other periodicals. Dr. Murray is an avid runner and sportsman, and he has completed numerous multi-sport events, including the IRONMAN® World Championship in Kailua-Kona, Hawaii, USA. ORCID 0000-0001-5779-1497

ТЮЛЕНЕВ Владимир Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. Область научных интересов — история исторической мысли Поздней Античности, история христианской Церкви (IV-VI вв.), история школы и образования в эпоху Поздней Античности. Автор монографий: «Рождение латинской христианской историографии» (2005 г.); «Римская школа на позднеантичном Западе (Южная Галлия и Италия в V - первой половине VI в.)» (2019 г.), автор перевода сочинений Орозия (2001–2003 гг.) Лактанция (2007 г.), Эннодия (2013 г.), Августина (2020 г.). ORCID 0000-0003-3987-3549

Vladimir M. TYULENEV is Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History and International Relationsa at Ivanovo State University. Research interests: history of historical thought in Late Antiquity, history of the Christian Church (5th - 6th centuries), history of school and education in Late Antiquity. He is the author of the monographs “The Origin of Latin Christian Historiography” (2005), “The Roman School in the West of Late Antiquity (Southern Gaul and Italy at the turn of the 5th – 6th centuries)”, the translator from Latin of the works of Orosius (2001–2003), Lactantius (2007), Ennodius (2013), and Augustinus (2020). ORCID 0000-0003-3987-3549

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

HYPOTHEKAI

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

ВЫПУСК 4

Главный редактор
Виктория Константиновна Пичугина

Научное издание

http://www.hypothekai.ru/index.php/ru/arkhivy-nomerov

Корректор М.М. Горелов

Подписано к печати 26. 08. 2020
Формат 60x90/16

_____

Гарнитура Times. Печать офсетная
Усл. печ. л. 20. Тираж 600 экз.

Издательство «Аквилон»
e-mail: aquilopress@gmail.com
сайт: www.aquilopress.com

Отпечатано с оригинал-макета в типографии
Onebook-ru ООО «САМ ПОЛИГРАФИСТ»
Москва, 109316, Волгоградский пр., дом 42, Технополис МОСКВА
Тел. +7 (495) 545–37–10
Электронная почта: info@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru

В оформлении обложки использован фрагмент краснофигурной вазы V–IV в. до н.э., где сова превращается в Афину (Париж), и итальянская фарфоровая статуэтка XVIII в., где Ахиллес воспитывается кентавром Хироном (Неаполь).

In the design of the cover, a fragment of a red-figured V–IV BC vase, where the owl turns into Athena (Paris), and an Italian porcelain statuette of the XVIII century, where Achilles is educated by the centaur Chiron (Naples), were used.

ISSN 2587–7127